

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ХЛАДНЫЕ ЛЕГИОНЫ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Страна, достойная своих героев

Ричард Морган

Хладные легионы

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Морган Р.

Хладные легионы / Р. Морган — «Издательство АСТ»,
2011 — (Страна, достойная своих героев)

ISBN 978-5-17-111335-5

Рингил Эскиат бежит от своего прошлого и семьи, которая отреклась от него, от работоторговцев, которые жаждут его смерти, и, по-видимому, от самих темных богов, которые проявляют к нему интерес, но смысла в их действиях не больше, чем когда-либо. Объявленный вне закона и изгнанный с северной родины, Рингил понимает, что может направиться лишь в одно место – Ихельтет, сердце южной Империи, где, возможно, его приютит Арчет, некогда боевая соратница Рингила, а теперь – высокопоставленная советница императора. Но у нее есть собственные проблемы, как и у ее гостя, телохранителя Эгара Драконьей Погибели. И вместо того чтобы получить желаемую передышку, Рингил оказывается в самом центре новых заговоров и сомнительных альянсов. Старые враги строят козни, былой порядок прогнил и рушится, и хотя никто еще не знает об этом, город Ихельтет вот-вот взорвется, ведь прямо с неба уже рухнул посланник былых хозяев этой земли и принес весть о том, что всему живому в мире скоро придет конец. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-111335-5

© Морган Р., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	51
Глава девятая	58
Глава десятая	65
Глава одиннадцатая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ричард Морган

Хладные легионы

*«Хладные легионы» посвящаются V.,
благодаря которой мне есть за что держаться*

*Говорю тебе: они там, в городе, не в игры играют.
Дж. Р. Р. Толкин. Две башни¹*

Richard Morgan
THE COLD COMMANDS

First published by Gollancz, an imprint of The Orion Publishing Group Ltd, London

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства
Синописис

Copyright © 2011 by Richard Morgan
Cover illustration: © Jon Sullivan

© Наталия Осояну, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

¹ Пер.: А. Грузберг, А. Застырец.

Глава первая

Добравшись до опушки леса за Хинерионом, Джерин увидел, как впереди дрожит воздух над поросшей кустарником равниной, и понял, что настал переломный момент.

Это их последний шанс: жизнь или смерть.

– Мы там изжаримся, – сказал он остальным тем вечером, когда они сидели в цепях и ждали кормежки. – Слыхали, о чем болтают надсмотрщики? До Ихельтета по меньшей мере шесть недель, и все на юг, с каждым шагом жарче. Думаете, ублюдки будут давать нам больше воды или еды, чем уже дают?

– Конечно, будут, идиот, – Тигет, бледнокожий грузный горожанин – явно слишком, мать его, ленивый, чтобы желать свободы любой ценой, фыркнул и шумно высморкался. Как и половина бедолаг, скованных цепью, он простудился. Тигет растер сопли на земле и сердито зыркнул на Джерина. – Ты что, не соображаешь? Нас хотят продать в Ихельтете. Как у них это получится, если мы не доживем, изголодаем и превратимся в скелеты, пока прибудем туда? Может, ты слишком молод или туп, чтобы такое понять, чмо болотное, но это торговля. Умерев, мы не принесем ни гроша.

«Чмо болотное».

В некоторых районах Трелейна этого оскорбления было достаточно, чтобы мгновенно получить формальный вызов на дуэль следующим утром на поле у холма Бриллин. В других местах за такое просто тыкали ножом под ребро и швыряли в ближайшую реку. Как и в остальных гранях городской жизни, предполагать можно одно и то же обо всех, но богатство и статус определяли последствия. Поэтому выше или ниже по течению, в Луговинах или портовых трущобах, истина была такова: ни один житель Трелейна не допустит болтовни о том, что в его жилах течет кровь болотных обитателей.

Джерин вырос на болотах и не поселился бы в городе ни за какие деньги. Он пропустил оскорбление мимо ушей, как делали сородичи с тех самых дней, как он себя помнил.

«Сейчас слишком многое стоит на кону».

– Ты когда-нибудь видел, как рыболовецкие суда заходят в гавань, Тигет? – спросил он ровным голосом. – По-твоему, все до единой рыбы в их сетях попадают на рынок?

За спиной Джерина раздраженно зазвенела цепь. Жесткий сердитый голос в сгущающейся тьме спросил:

– При чем тут рыба?

Еще один горожанин, чьего имени Джерин не помнил, и который, в отличие от Тигета, выглядел исхудалым трудягой. За весь недельный марш он сказал от силы пару слов; на привалах проводил время, уставившись в пространство и двигая сжатыми челюстями, будто у него между зубами застряли последние волокна табака.

Как и большинство собратьев по несчастью, он, похоже, не осознал чудовищность того, что с ним сделали.

– Он несет какую-то хрень, – глумливо отозвался Тигет. – А разве может быть иначе? Я хочу сказать, гляньте на него: болотный недоносок, совсем как те, что на рынке Стров гадают или показывают фокусы, потешая толпу. Читать-писать не умеет и считать наверняка может только до пяти. Он понятия не имеет, что на самом деле волнует торговцев.

Джерин мрачно улыбнулся.

– Ну, поскольку тебя и всех остальных, скованных цепью, продали за долги, я думаю, в этом смысле мы похожи.

Тигет выругался и бросился на него. Звякнула цепь, коротко и слабо, и тут же раздался протестующий хор: движение помешало остальным отдышаться. Тощий ухватил Тигета сзади, и

пальцы толстяка дергались в паре дюймов от лица Джерина, пока Тигет не сдался и не рухнул на прежнее место.

– Сиди тихо, мутила долбаный, – прошипел тощий. – Хочешь, чтобы погонщики на нас кинулись? Хочешь закончить, как Барат?

Взгляд Джерина невольно метнулся к искореженным пустым кандалам, которые они тащили с собой на цепи. Верзила Барат, портовый сутенер по роду занятий, попал на аукцион тем же путем, что и Джерин – через суд за уголовное преступление. Сутенер, как выяснилось, пырнул ножом аристократа, который гостил в трущобах и жестоко обошелся с одной из его девушек. Означенный аристократ имел связи в Луговинах, и он устроил так, что стражники, эти пропитые ленивые жопы, в кои-то веки взялись за дело: начали задавать вопросы и проломляли пару несговорчивых голов. Кто-то заговорил, Барат угодил в тюрьму, где вместо того, чтобы покаяться, плюнул обвинителю в родовитую харю и попал на цепь. В общем, старая, всем горожанам известная песенка.

Сутенер относится к проданным за долги рабам с высокомерной неприязнью и первые три дня похода изводил их взрывами необдуманного насилия, которые обрывались внезапно, с отработанной, свойственной любому головорезу легкостью и переходили в насмешки. По какой-то причине Джерина он почти не трогал, но цепь была достаточно свободной, чтобы дотянуться по меньшей мере до четырех-пяти собратьев по несчастью. В конце концов его поведение перестало веселить погонщиков и начало раздражать, так как создавало хаос.

На третий день, после пятой или шестой стычки, пара-тройка конных надсмотрщиков и владельцев каравана поехали назад вдоль цепи, чтобы посмотреть, из-за чего сыр-бор. Среди последних была женщина, и, после того как надсмотрщики, пустив в ход пинки и ругательства, восстановили порядок, она подозвала их бригадира, наклонилась в седле, чтобы с ним поговорить, а потом отправила к товарищам с потемневшим от досады лицом. Джерин не услышал ни единого слова, но понял, что произойдет, как понимал, когда ветер на болотах вот-вот переменится.

Он предпочел не делиться знаниями с Баратом, а сутенер был, по-видимому, слишком тупым или упрямым жителем портовых трущоб, чтобы догадаться самому. Позже, в тот же день, он затеял еще одну драку.

Погонщики взялись за него на следующий день, во время полуденной стоянки, когда всем разрешили облегчиться, и случилось это на противоположном берегу реки от Парашаля. Четверо мрачных мужиков с обветренными лицами и глазами, которые блестели как слюда, надвинулись все вместе, вооруженные длинными деревянными дубинками. Они повалили Барата и вскрыли кандалы болторезами, которые носили на поясе, точно оружие. Неотвратимость их действий вынудила сутенера фыркать и брыкаться как испуганная лошадь.

К тому моменту, конечно, было слишком поздно.

Они затащили Барата, лежащего и вопящего, в ближайшую рошу и там забили до смерти. Это было достаточно близко, чтобы остальные рабы все слышали: сильные удары по чему-то мягкому, какие раздаются, когда мясник рубит тушу; жуткие высокие вопли, очень быстро перешедшие в мольбы и булькающие стоны; и в конце концов тишина, которая была хуже всего, потому что звуки избиения продолжались. Джерин повидал немало жестокостей как на болотах, так и на улицах Трелейна, но даже по его меркам это убийство длилось целую вечность.

Менее закаленные люди на цепи, в том числе жертвы издевательств Барата, склонили головы и устали в землю, где сидели. Один или двое, прижав пальцы ко рту, боролись с рвотными позывами. Джерин старательно изображал насмешливое презрение, но быстро понял, что и сам дрожит от эмоций.

«Или, – сказал он себе, чувствуя легкое головокружение, – я просто заразился от Тигета насморком, прокляни его Хойран».

Вскоре шум прекратился, из-за деревьев вышли погонщики, гогоча и скаля зубы, как сытые волки. Дубинки они несли, ухарски закинув на плечо. Один лениво крутил болторез туда-сюда, задевая высокую, по колено, траву. Режущие кромки инструмента, испачканные в крови, ярко блестели в лучах полуденного солнца.

А позже невысказанная мысль поселилась в голове каждого молчаливого пленника; она тоже «ухмылялась», словно в цепи появился новый товарищ с черепом вместо головы: на месте Барата мог оказаться любой.

– Да, кстати, – мрачно сказал Джерин, когда Тигет затих под суровым взглядом тощего. – Думаете, это единственные пустые кандалы, какие придется увидеть на цепи? Каждый день опоздания на рынок в Ихельтете – денежки, утекающие сквозь пальцы этих уебков. По-вашему, они будут останавливаться или замедлять ход всякий раз, когда кто-то не выдержит жары на равнине?

– Они должны нас продать, – обидчиво огрызнулся Тигет. – Не в их интересах...

– Они должны продать кого-то из нас, о, знаток торговли. Достаточное количество, чтобы окупить поход. Я ведь об этом уже спрашивал: по-твоему, капитану рыболовецкого судна есть дело до пары рыбок, потерянных у причала на разгрузке?

– Сколько тебе лет, сынок? – с любопытством спросил кто-то.

Джерин осклабился во тьму, как умели только беспризорники.

– Пятнадцать. И вопреки тому, что заявил наш знаток торговли, считаю я получше, чем до пяти. Я насчитал тридцать пять верениц рабов в караване, тридцать две головы в каждой. Это тысяча сто двадцать, минус Барат, и вы видели, что с ним случилось. Думаете, кто-то стóит лишней воды или ожидания, пока они будут нянчиться с нами? Идея простая, парни: маршируй или сдохни, а отстающих приберет Хойран. Вы больше не граждане, а рабы. Если упадете, вас, быть может, пару раз пнут, чтобы посмотреть, подниметесь ли. Если нет... – Он развел руками в кандалах и пожал плечами. – От вас избавятся, бросят умирать на том же месте.

– Может, ты и прав, – медленно проговорил тощий. – Или нам просто нравится думать, что так случится с кем-то другим. Проклятье, это и впрямь может случиться с кем-то другим. Сюда-то мы все добрались.

Среди сбившихся в кучу фигур на цепи пронесся шепот согласия. Но когда он стих, тощий уставился на юг, и по лицу было видно: собственные доводы не кажутся ему убедительными.

– Никогда не бывал в пустыне, – отрешенно проговорил он. – Даже не видел ее.

Кто-то яростно чихнул.

– Я уже видел, как маршируют или умирают, – сказал другой раб, сидевший поодаль. Половину его лица покрывали жуткие шрамы от плохо заживших ожогов, настолько сильных, что даже в слабом свете виднелись сморщенные контуры рубцовой ткани, когда он двигал головой. – На войне, во время отступления от Раджала. Малый прав, все так и происходит. Раненых оставляли там, где они падали. Вынуждали нас идти мимо, слушая, как бедолаги взывают о помощи, умоляют. Просят не оставлять их на поживу ящерам. И ведь мы в тот раз были не рабами, а гражданами, солдатами!

Тигет издал раздраженный возглас:

– Это не одно и то же – была война! Даже сравнивать нельзя с...

– Что такое, толстяк? – Тощий пленник уставился на Тигета с открытой неприязнью. – Надеешься, какая-нибудь богатая вдова из Ихельтета купит тебя, чтобы сделать писцом или дворецким, потому что ты у нас грамотей? Считаешь, что слишком хорош, чтобы вкалывать в шахте или таскать кирпичи, пока не сдохнешь?

– Не-а, он для такой работы слишком жирный, – глумливо произнес кто-то.

– Он и для вдовы слишком жирный, – раздался другой голос. – Разве что она купит его вместо подушки.

Рабы рассмеялись, негромко и зло. Тигет обиженно молчал.

– Он не будет толстым к тому времени, как мы туда доберемся, – тихо проговорил ветеран Раджала. – После марша, который нас ждет, он будет таким же обожженным солнцем, покрытым волдырями и сломленным, как остальные. Если выживет.

После его слов воцарилась тишина. Пленники смотрели друг на друга, медленно осознавая смысл сказанного. Большинство из них, несомненно, после ареста и продажи повидало достаточно примеров будничного насилия, а некоторые, моложе и посимпатичнее – как Джерин, – стали жертвами неизбежного группового изнасилования в темнице, как женщины, которые теперь маршировали, скованные отдельными цепями. Но, в общем и целом, этим людям еще не приходилось сталкиваться с мыслью, что они умрут.

Слабый, лихорадочный холодок пробежал по спине Джерина, когда он понял, что до сих пор и сам об этом не думал. Взвешивая один за другим планы, позволяющие выбраться отсюда, он предвидел множество плохих исходов, но ни один из них не был связан с его собственной смертью. Он представлял различные жестокости, опираясь на увиденное или услышанное во время посиделок у костра. Снова и снова погружался в воспоминания об изнасиловании в камере долговой тюрьмы, понимая, что это может повториться – кто знает, сколько раз. Он даже поразмыслил, не сумев подавить дрожь, о кастрации, которая, как говорили, была вполне вероятной для рабов-мужчин в Ихельтете.

Однако он не подумал о том, что жизнь может закончиться. В глубине души не верил, что его самого могут оторвать от цепи и бросить, что он будет беспомощно кричать вслед остальным рабам, исчезающим в блеске пустынного солнца. Он, Джерин Ловкие Пальчики, пятнадцати лет от роду, едва начавший жить, останется лежать на песке, слишком слабый, чтобы пошевелиться и хоть что-нибудь сделать, не считая тихих молитв, обращенных к Темному Двору, Хойрану или Даковачу, Квелгриш или Хорчалату, Фирфирдар – или, мать твою, к кому угодно, лишь бы услышали, – и уговоров, льющихся из него со скоростью полного ведра на веревке, выскользнувшего из усталых пальцев в колодец, и с той же скоростью будет ускользать надежда; он станет молить о том, чтобы его спасли, а потом – чтобы просто нашли, и не важно, новые работоторговцы или бандиты; в конце концов все перейдет в мольбы о том, чтобы жажда и жара прикончили его до того, как он почувствует первые осторожные, быстрые тычки и рывки, когда кружащиеся над его дергающимся телом стервятники спикируют вниз, намереваясь выклевать глаза...

Он содрогнулся – долбаная простуда! – и окинул печальным взглядом товарищей по плену.

Тощий посмотрел на ветерана Раджала.

– Ты, шрамолицый. Доживешь до Ихельтета?

Ветеран поморщился. Из-за шрамов зрелище получилось неприятное. Джерин вспомнил о статуях с бивнями и клыками, которые видел в озаренном свечами полумраке храма Хойрана у Южных ворот Трелейна. Люди говорили, злых духов привлекает деформированная, уродливая плоть. Отец как-то сказал ему...

Ветеран пожал плечами:

– Наверное. Лучше верить, что все получится. Если не веришь, тебе крышка.

– Точно.

– Послушайте, – проговорил Джерин, отчаянно пытаясь избавиться от дрожи, вызванной внезапным страхом. – Я не говорю, что большинство из нас не выживет. Дело в другом.

Ветеран обратил к нему изуродованное лицо. С приходом ночи длинная мерцающая полоса в небе, изогнутая как скимитар, проступила отчетливо, рассекая тучи над головой и проливая мягкий неровный свет на все, что Темный Двор счел достойным освещения.

Отблески этого света отразились в глазах бывшего солдата, чей внимательный взгляд устремился на Джерина.

– А в чем? – спросил он тихо.

Происходящее странным образом напоминало постановку, один из тех маленьких уличных спектаклей, которые он помогал устраивать на рынке Стров, чтобы собрать публику или выдоить прохожих, вызывая к сочувствию. Неужели на вопрос ветерана можно ответить единственным правильным образом? Даже если так, Джерин понятия не имел, каким должен быть ответ. Юноша огляделся и увидел, что собратья по несчастью смотрят на него.

Он прочистил горло.

– Мы не привыкли к пустынной жаре. И половина из нас уже страдает от насморка, будь он неладен. Мы заболеем и от усталости начнем спотыкаться. Несколько дней похода по равнине со жратвой, которую нам дают, не заботясь о том, кто выживет, а кто нет, – и ни один не будет в состоянии совершить побег. Это наш последний шанс.

– Побег? – Тигет сопливо фыркнул. – Ты, тупой долбаный...

Выживший с Раджала отвесил ему затрещину. Тигет взвизгнул и от удара перевернулся на бок. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но ветеран вперил в него свирепый взгляд, и толстяк передумал. Затем бывший воин с изуродованным лицом опять повернулся к Джерину. Пома-нил его закованной в кандалы рукой.

– Если у тебя есть идея, малый, сейчас самое время ею поделиться.

Глава вторая

Вдоль передней кромки взмывшего вверх лезвия блеснул солнечный свет, а затем оно проворно двинулось обратно.

Эгар Драконья Погибель хмыкнул. Чуть склонил голову набок и почувствовал, как сталь царапает кожу. Строго приказал себе не шевелиться и устался в потолок цирюльни.

Это оказалось труднее, чем он помнил.

– Не извольте беспокоиться, господин, – промурлыкал цирюльник и большим пальцем ловко снял с лезвия пену, стряхнул ее в тазик. Наклонился поближе, чтобы еще раз провести инструментом по намыленной шее Драконьей Погибели, и от сосредоточенности в его голосе зазвучали напряженные нотки: – Вы теперь в Ихельтете, коронованном владыке цивилизованных городов. В этом кресле сидели гостившие у нас сановники со всех уголков известного мира. И ничье горло не пострадало.

Эгар гневно покосился на цирюльника одним глазом – задача не из простых, когда голова повернута под таким углом.

– Я этим не в первый раз занимаюсь, знаешь ли.

– Что ж, господин, тогда вам будет приятно услышать, что нас двое. – Цирюльник опять вытер бритву начисто и повернул голову клиента в другую сторону. – Вот так, и не шевелитесь. Спасибо. Должен заметить, не припоминаю, чтобы мне раньше доводилось обслуживать вашу достопочтенную особу. Меня рекомендовал кто-то из ваших степных собратьев?

– Мои степные собратья не заплатили бы такие деньги.

Действительно, большинство маджаков в Ихельтете оставались боролатыми, как у себя дома, на северных равнинах. Зачем тратить кучу денег, чтобы соскрести с лица волосы, которые все равно отрастут через неделю? И вообще, зачем брить бороду? Она от солнца защищает, верно? Щекочет девок, чтобы знали – с ними был мужик, а не мальчишка. Ее можно подстричь, коли понадобится – если в имперской бригаде наемников, куда ты записался, действуют строгие правила на сей счет. А в остальном...

Наклонившись, чтобы изучить дело рук своих, цирюльник слегка нахмурился.

– Позвольте не согласиться, господин. На прошлой неделе у меня побывали ваши собратья. Молодые парни, и судя по разговорам, недавно в городе.

Эгар хмыкнул.

– Видать, им платят лучше, чем платили мне в их возрасте.

– Возможно. Насколько я помню, они были в одеяниях гвардейцев Цитадели.

– Гребаной Цитадели?!

Он бросил быстрый взгляд на цирюльника – уж не оскорбился ли тот? Имперцы были до нелепости щепетильны в вопросах религии, постоянно ссылались на придуманную клириками книгу, расписывающую все правила, и к их нарушениям относились без юмора. Обычно Эгару было плевать на чьи-то задеты чувства, но не стоит сердить человека, который держит бритву у твоего горла.

– Как вам сказать, господин... – Погруженный в работу цирюльник явно забыл о религиозном рвении. Он провел бритвой от глаза Эгара к уху; его движения были такими же плавными и отработанными, как голос и добродушные банальности, которые он произносил. – Ряды Священной гвардии сильно поредели во время войны. Множество праведников стали мучениками.

– Да что ты говоришь.

Эгар видел кое-какие боевые действия с участием мучеников во время южной кампании, от них даже его бывалой наемнической душе делалось не по себе. Мужчины и мальчишки, которым едва исполнилось двенадцать-тринадцать лет, бросались на ряды ящеров с возгласами из

Откровения на устах. Большинству в лучшем случае удавалось нанести единственный удар, прежде чем рептилии-пеоны приканчивали их когтями или зубами. Они тысячами умирали на поле боя, оглашая его воплями, пока командующие надзиратели следили за происходящим и возносили молитвы о победе.

На выступе скалы рядом с Эгаром другой командир наемников-маджаков сплюнул в грязь и покачал головой:

«И они еще называют нас берсеркерами?»

Что ж, в этом суть Ихельтета. Он убаюкивает цирюльнями и банями, книгами и сводами законов, а потом, внезапно, когда совсем не ждешь, хваленые атрибуты имперской цивилизации отваливаются, как тряпично-глиняная маска состоятельного прокаженного, и ты вдруг оказываешься лицом к лицу со скалящейся жутью, что таилась под ней, – с жестокими и самодовольными кочевниками, уверенными в собственном превосходстве и в том, что вера позволяет им насаждать господство везде, где получится.

«Не слишком обольщайся на наш счет, – как-то раз рассудительно сказала ему Имрана. – Не будь Черного народа, мы, скорее всего, так и остались бы кучкой кровожадных конных племен, грызущихся за территорию».

Цирюльник закончил орудовать бритвой, вытер лицо и шею Эгара влажным полотенцем и принес горящую свечу, чтобы подпалить волосы, растущие из ушей. Это был болезненный процесс: поджечь на долю секунды и потушить, прижав ладонь; повторить. Но Эгар стойчески терпел, не протестуя. Скоро ему исполнится сорок, и об этом не хотелось вспоминать каждый раз, глядя в зеркало. Волосы в ушах, седина в бороде и шевелюре, морщины на лбу и щеках, которые никогда полностью не исчезали, как бы не менялось выражение лица, – все накапливалось, и Драконьей Погибели это было не по нраву.

А еще ему не нравилось то, как часто он об этом думает.

Последние пару лет в степи он почти не замечал перемен, потому что маджаки – не считая шаманов – почти не пользовались предметами с отражающими поверхностями. Но теперь, снова оказавшись в имперском городе, Эгар был вынужден вспомнить, что в Ихельтете хорошие зеркала высоко ценились, считались признаком богатства и утонченности. В домах и общественных зданиях их множество, с изукрашенными на любой вкус рамами. Они подстерегали в коридорах и салонах, куда ни сунься. У Имраны зеркал было особенно много – как Эгар полагал, ввиду ее положения при дворе и необходимости поддерживать безупречную внешнюю красоту. «В конечном итоге, – сказала она ему с легкой горечью однажды вечером, когда они сидели лицом к лицу в ванне с благоухающей водой, – несмотря на богатство, мудрость, связи и друзей при дворе, я по-прежнему женщина. И как бы меня не судили, все сведется к проклятой геометрии моих форм и тому, насколько она приятна глазу. Изгибы скул и ягодиц – вот моя судьба».

«Сдается мне, ты недооцениваешь парочку других своих достоинств, – лениво пророкотал Эгар, не скрывая похоти, и потянулся вперед, чтобы обхватить ладонью одну из опущенных грудей и потереть сосок большим пальцем. Он не желал вторить ее серьезному тону. – От макушки до пят ты весьма приятна моему глазу. И кое-каким другим частям тела тоже, если вдруг не заметила».

Она слабо улыбнулась в ответ. И – как он и рассчитывал, собственно, – обхватила рукой набухающий член, плавающий у него между ног.

«Несомненно, того же эффекта добились бы любая трактирная шлюшка вполонину моложе меня и в незашнурованном платье, просто коснувшись этой самой части тела. Прошлого не вернуть, Эг. Надо жить тем, что есть теперь. А я теперь старая. Практически карга».

Он фыркнул. «Тебе и сорока нет, женщина».

Впрочем, в глубине души Драконья Погибель подозревал, что уже пару лет как есть. По правде говоря, он никогда об этом не задумывался. Много лет назад, когда они встретились,

вокруг бушевала война и все старались жить сегодняшним днем – да, тогда все было иначе. Тот факт, что Имрана на несколько лет старше, придавал ей темное экзотическое очарование и вызывал трепет, которого маджак ранее не испытывал, кувыряясь в обычных борделях со шлюхами. Возраст и придворное изящество были пьянящим ароматом, окутывающим ее, вызывая у Эгара возбуждение и сводя с ума, как пачули или розовое масло, наполняя неумемным, неописуемым голодом.

Теперь, когда мысли о возрасте подкрадывались и к маджаку, ее сражения с тем же врагом в авангарде беспокоили его больше, чем он хотел признать.

«Да, Драконья Погибель. Это беспокоит тебя почти так же, как хрен с гербом, которого она взяла себе в мужа. В этом ты тоже не любишь признаваться, верно?»

«А-а. Этот».

«Этот, этот – рыцарь-командор Сарил Ашант, только что вернувшийся из Демлашарана, где упрямо и эгоистично не позволил повстанцам, чей бунт подавлял, себя прикончить. Взял и вместо этого приехал домой, осененный славой, предъявил законные права на награду – две недели увольнительной, с исполнением супружеского долга каждую ночь...»

«Хватит уже, Эг».

– Что-нибудь еще, господин? – Цирюльник стал отряхивать его воротник и плечи, что, строго говоря, не требовалось. – Может, массаж?

Эгар решил, что жестокое обращение с ушами стало пределом его возможностей на сегодня. И помещение цирюльни вдруг показалось слишком тесным. Он покачал головой, с усилием прогнал мрачные мысли. Встал с кресла, начал искать кошелек. Увидел, как свежесбритый верзила в зеркале делает то же самое. Мысль опять застигла его врасплох: «Вот дерьмо, седины-то сколько!» Чтобы не молчать, отсчитывая монеты, он сказал:

– А мои соотечественники, они часто сюда приходят?

– Регулярно, господин. – Цирюльник принял плату. – Что-нибудь им передать?

Драконья Погибель уставился в зеркало, стараясь не показать внезапно нахлынувшую усталость. Что он мог им сказать? Какое послание передать молодым людям, охваченным той же идиотской, нерушимой уверенностью в себе, которую он испытывал, когда явился в этот город пару десятилетий назад?

Может, что-то вроде «наслаждайтесь, пока можете, потому что все продлится недолго»?

«Требуйте хорошей платы за потраченные годы жизни»?

Если они регулярно бреются в Дворцовом квартале, значит, усвоили этот урок лучше, чем он мог бы его преподавать.

Мужчина в зеркале нахмурился. Цирюльник ждал ответа. За предательской усталостью скрывалось другое ощущение, неугомонное, словно дым; как дух, призванный, но еще не обретший формы. Эгар не смог подобрать ему название.

Встряхнувшись, он избавился от него.

– Не нужно, – сказал он и вышел на улицу, залитую палящим солнцем.

Некоторое время он шел куда глаза глядят, позволяя людскому потоку нести себя через Дворцовый квартал и успокаивать. Мимо проходили женщины в ярких накидках, будто конфеты, которых слишком много, чтобы выбрать одну, и он упивался этим зрелищем, как пьянящим ароматом духов. Рабы и слуги в ливреях тех или иных придворных сгибались под тяжестью носилок с горами товаров пятифутровой высоты, а везунчики несли запечатанные послания из одного благородного дома в другой. Прошел вельможа, за которым по пятам шла свита, как шумные чайки летят за кормой рыбацкой лодки. Тут и там попадались небольшие отряды городских стражников, чьи кирасы ослепительно блестели на солнце. Встречались и нищие, а также уличные поэты, недостаточно грязные, уродливые или отталкивающие, чтобы их прогнали с этих улиц.

С рынка поблизости доносились смутные запахи фруктов и цветов, невнятные возгласы торговцев, расхваливающих товар.

Жара навалилась словно одеяло. Пыль слабо колыхалась под ногами прохожих.

Эгар перемещался по улицам, как пловец по течению, некоторое время наслаждаясь отчетливым, пронзительным удовольствием от того, что просто находится здесь, вернулся на место, которое мог больше и не увидеть. Но потом этого стало мало. Его взгляд неизменно скользил вверх и на запад, к величественным, затененным деревьями белым особнякам на Портовом холме. К одному конкретному особняку с мозаичным куполом в южной части, увенчанном башенкой-фонарем – наверное, прямо сейчас она...

«Хватит, Драконья Погибель. Ну, в самом деле. Угомонись».

Слишком поздно. Его взгляд остановился на полированной крыше «фонаря», которая блестела словно клинок, извлеченный из промерзших ножен. Настроение маджака испортилось. Он почувствовал, как разгорается беспричинный гнев.

«...прямо сейчас, наверное, отсасывает ему в той большой кровати...»

«Пора повзрослеть, Эг. Ты знал, что тебе придется с этим жить. Кроме того... – тут в нем проснулись коварство и проницательность степного кочевника, хоть Драконья Погибель и сам не знал, может ли теперь называть себя таковым, – слишком мало времени до молитвы, чтобы заниматься такими вещами. Он набожный ублюдок, не забывай. Она говорила тебе об этом».

Словно в подтверждение его мыслей, из какой-то оставшейся позади башни донесся призыв к молитве. Эгар заслонился кривой ухмылкой, как надежным щитом. Память об Имране была неразрывно связана со щемящим и бескрайним, словно горизонт, чувством, которое вызывал этот звук.

В те ранние дни, когда страсть вспыхивала между ними при каждом прикосновении и многозначительном взгляде, посягательство на святой час молитвы распалило ее, будто пропитанный маслом фитиль. Широко распахнутые глаза, приоткрытые губы, напряженная смесь потрясения и наслаждения на лице – все от того, что он с ней делал, и какое время для этого выбрал. Иногда Эгар ловил отголоски воспоминаний о тех днях, и этого хватало, чтобы затвердеть до самого корня.

А потом, устроившись поудобнее в упряжке взаимного притяжения, они проводили вечера после соития на одном из балконов ее квартиры, оплетая друг друга скользкими от пота конечностями, слушая вечерний призыв и наблюдая, как солнце плавится в слоях раскаленного, пропитанного пылью воздуха над западной частью города.

Его улыбка померкла, стала уродливой под гнетом текущих событий. «Какая разница, что он долбаный рыцарь-командор – настанет день, Драконья Погибель, и ты просто...»

Он ухватил эту мысль за заголовок.

«Ну, хватит уже».

Пора в другое место. Да, точно пора.

Привычка увела его на юг, к Бульвару Невыразимой Божественности. Вряд ли Арчет уже вернулась из Ан-Монала, но можно поболтать с Кефанином, пока ее нет. Поглазеть на Ишграм, если она соизволит появиться. В любом случае, уныло напомнил себе Эгар, его работа – следить за их безопасностью; они с Арчет вежливо притворялись, что он расплачивается за долгосрочное гостеприимство, работая ее неофициальным охранником.

Не было уговора, что его обязанности сведутся к тому, чтобы быть заметным и чтобы каждый замечал, что он маджак. А также о маленьких кошельках с серебром, которые регулярно появлялись в карманах его одежды, когда ее возвращали после чистки и раскладывали в его комнатах.

Эгар всеми силами старался не чувствовать себя домашним псом.

Правда заключалась в том, что после рейда Цитадели на дом Арчет прошли почти три полных сезона, и все шло так, что вряд ли те же враждебные силы могли попытаться его повторить. Менкарак и иже с ним отступили. В Ихельтете установилось шаткое равновесие: будто в небе над городом повисли огромные весы, при этом одна чаша с медными гириями располагалась над императорским дворцом, а другая – над утесом, где высилась крепость Цитадели.

По доброй воле никто не хотел это равновесие нарушать.

Он опять ощутил знакомое чувство: беспокойство, не поддающееся определению.

«Конечно, Драконья Погибель, ты мог бы найти себе настоящую работу».

Он мог бы, и с таким-то титулом не было недостатка в предложениях; людей, именуемых Драконьей Погибелью, искать следовало большей частью на кладбище – те немногие, что остались в живых, были рассеяны по огромной Империи. Любой из расквартированных в городе полков убил бы за возможность назначить его командиром или даже офицером-знаменосцем. Но командный пост – пускай и синекура – означал ответственность, необходимость посещать парады и сотню других утомительных полковых дел, связанных с теми или иными военными финтифлюшками, а ему хотелось быть на каком-нибудь залитом солнцем балконе, трахаться с Имраной или пить и трепаться с Арчет. Настоящий командный пост был еще хуже – судя по тому, как все обернулось, его наверняка отправят на юг, в Демлашаран, чтобы там он посылал на верную смерть вновь обманутых и плохо вооруженных молодых мужчин, которые загадочным образом не навоевались в прошлый раз.

Война; последующие годы в степи в роли вождя – все это по-прежнему его угнетало. Застряло в горле, лежало камнем в желудке, словно непереваренная еда наутро после славной пирушки. Эгара не волновало, если за оставшуюся жизнь ему не придется никем командовать. Он уже отдал достаточно приказов другим людям.

«Пусть тупые уебки сами во всем разберутся, для разнообразия».

Он появился дома у Арчет в таком неважном настроении. Покинув многолюдную улицу, приостановился в прохладной тени под аркой ворот, чтобы вытереть пот со лба и шеи. Два молодых охранника, стоявших там на страже, опасливо ему кивнули. Опасливее, чем стоило ждать – он пару раз играл с ними в кости после дежурства.

Эгар заставил себя улыбнуться:

– Как делишки, ребята? Госпожу Арчет не видали?

Дозорный слева покачал головой:

– Пока не слышали о ней, господин.

Эгар пожал плечами. Что ж, все дороги ведут к Кефанину.

Он пересек залитый солнцем мощный двор, вошел в дом и немного побродил там, пока наконец не обнаружил евнуха, который беседовал с Ишгрим в одном из закрытых садовых дворики в задней части особняка. Эгар не расслышал, о чем они говорили, но брюзгливый настрой маджака наводил на мысль, что эти двое подозрительно спелись для девушки с такими формами, как у Ишгрим, и мужика без яиц. Рабыня смеялась, то и дело отбрасывая длинные волосы цвета свечного воска с глаз. Ее выпуклости непростительным образом колыхались под желтой льняной рубахой, натягивая ткань на бедрах и в груди. Кефанин сделал замысловатый жест обеими руками, вытряхнул откуда-то красный шелковый платок и растопырил пальцы так, что он повис между ними. Маленький каскад белых лепестков розы пролился на каменную скамью. Ишгрим ахнула и захлопала в ладоши, будто маленькая девочка. От движения ее груди приподнялись и выпятились – совсем не как у девочки, конечно. Зрелище вызвало волнение у Эгара в паху.

Совсем не то, что ему сейчас нужно.

Он кашлянул, оповещая о своем прибытии:

– Привет, Кеф.

Евнух поспешно вскочил.

– Мой господин.

– Арчет не видать?

– Нет. Будь все как обычно, я бы уже ждал ее возвращения, но...

– Но когда она отправляется в тот дом, полный призраков, никто ни хрена не может предсказать. – Голос Эгара прозвучал грубее, чем ему хотелось. – Да?

Кефанин дипломатично поджал губы:

– Не желаете освежиться, господин?

– Мне и так хорошо. – Эгар покосился на Ишгрим и в очередной раз подивился самообладанию Арчет. Будь девушка его рабыней – к тому же подарком императора, разве можно придумать более законный повод для обладания? – он воспользовался бы этим телом много месяцев назад. Она у него вспыхнула бы, как небо над степью в грозу, улыбнулась бы хоть разок, а то вечно ходит по дому с таким видом, будто волочит за собой ведро помоев.

Ишгрим покраснела и завозилась на каменной скамье.

– Ты ему расскажешь? – тихим голосом спросила она.

Тишина. Эгар увидел, как они переглянулись.

– О чем речь?

– Да так, пустяки. – Кефанин пренебрежительно взмахнул рукой. – Не стоит...

– О чем речь, Кеф?

Мажордом вздохнул.

– Ну ладно. Похоже, нам светит еще одна стычка с клириками. Цитадель пожелала напомнить о своем существовании.

– Они опять приперлись?! – Эгар ничего не заметил, когда вошел, и от осознания этого факта его охватил странный стыд. «Никудышный из тебя пес, Эг». – Ребята на воротах ничего не сказали.

Кефанин пожал плечами.

– Мы их взяли взаймы во дворце. Они не хотят лишних хлопот.

Опять это долбаное шаткое равновесие. Эгар вспомнил, какие настороженные взгляды бросали на него гвардейцы. Ощутил, как губы растягиваются в свирепом оскале.

– Они что, думают, причиной лишних хлопот буду я?

– Мой господин, не знаю, если...

– Предоставь это мне, Кеф.

Эгар сказал это, уходя. Теперь им овладела буря разнообразных эмоций, в самом центре которой было то самое смутно знакомое и не подавляемое беспокойство. Он решительным шагом пересек комнаты и залы особняка. Прошел через залитый сиянием внутренний двор. Под сенью арки с ее мимолетной ласкающей прохладой, мимо испуганных гвардейцев – «Мудаки!» – и все без единого слова. Опять на улицу с ее шумом и гамом.

Теперь, будучи сосредоточенным, он заметил их без труда: под одной из акаций, посаженных двумя рядами в центре бульвара. Худощавая, одетая в серое фигура надзирателя, а подле него, в дарующей прохладу тени – неизменная пара вооруженных людей; дешевые мышцы и профессиональные хмурые рожи, легкая кольчуга под накидками с гербом Цитадели; на бедрах – короткие мечи в ножнах.

Увидев, что сквозь толпу прохожих к ним направляется здоровенный маджак, оба мужчины, как по команде, положили руки на мечи. Эгар кивнул с мрачным одобрением, давая понять, что все видит, и встал перед надзирателем точно столб.

– Вы ошиблись домом, – сказал Драконья Погибель тоном светской беседы.

От гнева лицо клирика покрылось пятнами.

– Да как ты смеешь...

– Нет, вы меня не расслышали. – Эгар продолжал говорить терпеливо и вежливо. – В Цитадели явно произошла ошибка. Пашла Менкарак не держит вас в курсе. Посылая сюда, он сказал, как опасно стоять под этим деревом?

Надзиратель невольно бросил взгляд на ветви, простирающиеся над головой. Эгар любезным жестом опустил правую руку ему на плечо, чуть выше ключицы, и ткнул в нее большим пальцем. Надзиратель сдавленно взвизгнул. Его охранники запоздало встрепенулись: один вскинул мускулистую руку и схватил Эгара за левое плечо.

– Эй, хва...

Драконья Погибель рубанул правой ладонью и почувствовал, как ключица надзирателя хрустнула, словно ветка для растопки. Клирик завопил и рухнул, путаясь в своих одеждах и задыхаясь от боли. К тому моменту Эгар уже повернулся к охраннику, который его схватил. Вывернул нападающему руку, воспользовавшись трюком маджакского рукопашного боя, и ткнул его физиономией в ствол дерева. Другой охранник отреагировал на миг позже положенного и сделал не то, что надо, – вытащил меч. Эгар навалился плечом, пустив в ход весь свой вес, прижал руку с оружием к груди нападающего и основанием ладони ударил того в висок. В последний момент что-то заставило его сбавить силу удара, и наемник Цитадели упал, только оглушенный.

Между тем наемник, которого Драконья Погибель ткнул лицом в дерево, еще был на ногах и, невзирая на струящуюся из разбитого носа кровь, решил обнажить сталь. Он успел вытащить клинок из ножен на ширину ладони, когда маджак повалил его, пнув по ногам. Охранник упал на землю как подкошенный. Эгар шагнул ближе и пнул его по голове. Этого, вроде, оказалось достаточно.

Позади него надзиратель все еще визжал и метался на земле, путаясь в одеяниях, словно выброшенная на берег манта. Вокруг начала собираться заинтересованная толпа. Эгар бросил взгляд вверх и вниз по улице, высматривая подкрепление, но его не было, поэтому он занял позицию и от души пнул разодетого гостя из Цитадели в живот. Вопли прекратились, их сменили рвотные позывы. Эгар пнул еще раз, выше, и ощутил, как под сапогом ломаются ребра. Потом он присел рядом с надзирателем, схватил его за шиворот и подтащил ближе.

– Слушай сюда, – мрачно проговорил маджак и поднял голову клирика повыше, для пущей доходчивости. – Будь внимателен, повторять не стану. Видишь то окно? Второй этаж, третье от арки? Моя комната. С видом на эту самую улицу, да. Знаю, у твоих друзей и хозяйки этого дома были стычки в прошлом, но мне на прошлое плевать. И, главное, я не хочу однажды выглянуть из этого окна и узреть твою хмурую рожу. Понял?

Клирик начал сквозь зубы:

– У меня есть законное право...

Эгар пощечиной выбил из него остаток фразы.

– Мы тут не обсуждаем права, дружище. По-твоему, я похож на законника? Мы говорим о вежливой и разумной личной просьбе, обращенной от меня к тебе и твоим бородатым приятелям. Держитесь подальше от этого дома, мать вашу. Сообщи это Менкараку и убедись, что все всё знают. Потому что любого, кто не узнает, мне придется отделать – вероятно, сильно. А если ты сам сюда вернешься... – Драконья Погибель воткнул ноготь указательного пальца надзирателю под подбородок и приподнял его лицо. Посмотрел прямо в глаза, чтобы усилить эффект. – Ну, тогда я тебя убью. Дошло?

По выражению лица Эгар рассудил, что да.

Он встал, окинул взглядом корчащиеся тела и толпу зевак. Резко объявил:

– Представление окончено. Не на что смотреть.

Внезапно в словах эхом отразилось неуловимое чувство, которое сопровождало Эгара весь день – оно наконец выскользнуло из тени и приняло узнаваемую форму.

«Скука, – с легким потрясением понял он. – Драконья Погибель, тебе... скучно».

Глава третья

Позже, когда Ленту заволокло густеющими тучами и остатки дневного света превратились в тускнеющее оранжевое марево над западными рощами, надсмотрщики принялись разводить костры. На обширной низине, где ютились тридцать пять верениц рабов, жмущихся друг к другу в усиливающемся ночном холоде, тут и там вспыхивал трут. Джерин смотрел, как загораются огни, и считал: четыре, нет, пять костров среди рабов и еще один, поменьше – там, где надсмотрщики разбили свои палатки. Ни один из них не был расположен достаточно близко, чтобы озарить или согреть мужчин, прикованных к той же цепи, что и он сам, – лишь слабые отблески время от времени ложились на бледные городские лица, вроде физиономии Тигета, да блестели глаза, когда кто-то поворачивал голову. Большей частью рабы выглядели бесформенной и безликой темной массой во мраке.

В горле у Джерина появился комок, в глазах защипало. Он внезапно ощутил себя неумелым и беспомощным.

Пришлось подавить это чувство. «Сейчас не время».

Надсмотрщики, не занятые кострами, стали кормить и поить своих подопечных. Они по двое-трое двигались между рабами, время от времени раздавая небрежные пинки и тычки, чтобы освободить проход. Те, кто занимался цепью Джерина, были в грубовато-приподнятом настроении и потому шмякали холодную кашу в неглубокие деревянные миски с разумными потугами на точность, утруждая себя раздачей кусков черствого хлеба вместо разбрасывания, время от времени ворчливо изрекали похвалы, каких могла бы удостоиться воспитанная собака. Джерин списал это на отсутствие Барата: когда смутьяна сняли с цепи и оставили гнить, надсмотрщики перестали обращать на них внимание, и это хорошо. Предположительно, теперь все они – рабы и погонщики – могли думать лишь о том, чтобы спокойно добраться до конца пути.

Джерин с трудом проглотил желеобразную кашу, пожевал уголок своего куска хлеба. Тяжело сглотнул, перевел дух, опять сглотнул и...

Внезапно начал задыхаться.

Он задыхался – дергался – бился в конвульсиях в цепях, так что кандалы раздирали его запястья и лодыжки. Рабы вокруг в панике отпрянули, насколько позволяли собственные оковы. Вдоль цепи раздались громкие крики:

- Что за...
- Смотрите, смотрите, у него при...
- Трясучка! Это трясучка!
- Уберите его нахрен от ме...
- Яд, яд!!!
- Не трогайте еду!
- Выплюнь, малый. Выплюнь сейчас же!

А потом раздался новый голос, полный ужаса:

– Одержимый, одержимый! Темный Двор им овладел. Хойран грядет! Не позволяйте ему прикасаться к себе, он порвет цепи, как...

- Хойран, Хойран! Покайтесь, это...
- Хойран явился!
- Назад, назад...

Прибыли погонщики. Джерин почти не осознавал их присутствия, его поле зрения превратилось в скопище пляшущих осколков, а шея спазматически дергалась туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда... В горле собиралась слюна – он отчаянно кашлял и плевался, чувствуя, как она становится пеной на губах. Чей-то смутный силуэт склонился над ним, чей-то кулак уда-

рил наугад и попал в висок. Спина Джерина выгнулась дугой, из горла вырвался глухой рев. Второй погонщик присоединился к первому.

- Да не так, мудила. Хватай его за...
- Ага, сам попробуй...
- Просто удерживай его на месте, мать твою!

Кто-то сел верхом на Джерина, попытался прижать его руки к земле. Кажется, этого погонщика он уже видел – в вязаной шерстяной шапке, седой и лысоватый, с морщинистым лбом и встревоженным взглядом. Сбоку маячило другое лицо, более молодое и сердитое. Охваченный припадком, с пеной у рта, Джерин заметил, как второй погонщик поднял кулак, на котором блеснул металлический кастет. На этот раз он целился аккуратно, выбирая угол удара, который точно должен разбить юноше лицо.

В ночном воздухе взметнулось что-то тонкое и блестящее, упало на голову молодому погонщику – Джерин знал, это цепь. Он сбросил личину припадного, как потрепанный плащ – сколько было таких представлений на рынке Стров, – резко сел и ткнулся носом в шею пожилого погонщика, словно любовник.

И впился в нее зубами.

Погонщик завопил и попытался его сбросить. Юноша с кастетом ударил мимо цели и попал напарнику в плечо. Потом цепь натянулась, и его повлекло назад. Джерин, продолжая кусать второго погонщика за шею, впился в него еще и руками. Другие рабы, прикованные к цепи, столпились рядом, чтобы предотвратить отступление. Погонщик теперь мычал и шатался, пытаясь их распихать. Он никак не мог скинуть Джерина с себя. В суматохе шапка сползла с его лысеющей головы, потом упала и затерялась. Джерин держался, хоть от случайного удара у него из носа текла кровь. Он продолжал грызть, дергать и работать челюстями, а на шее старика росла рваная рана. Кожа, сухожилия, клочки разодранной плоти – наконец показалась тоненькая и влажно-пульсирующая трубочка артерии. Юноша сплюнул и разжал зубы. Погонщик отпрянул на подгибающихся ногах, уставившись на Джерина широко распахнутыми глазами и разинув рот, словно в мольбе. Он прижал руку к ране на шее, ощутил, насколько она велика, почувствовал, как жизнь, быстро пульсируя, утекает сквозь пальцы. Застонал и рухнул, издав невнятные звуки.

– Хватайте его долбаный болторез! Сейчас же!

Это был ветеран Раджала, который, стиснув зубы, пытался перепилить горло молодого погонщика цепью. Он намотал ее на кулаки, чтобы хоть немного уменьшить давление на кандалы, но Джерин все равно увидел, что ветеран разодрал себе запястья от усилий. Погонщик дергался и дрыгал ногами в поисках опоры. Однако тусклые звенья цепи уже впились в его горло, и глаза вылезли из орбит, когда он начал задыхаться, с ужасом осознавая, что умирает. Джерин метнулся к нему и схватил висящий на поясе болторез. С непривычки инструмент поддавался с трудом, но юноша попробовал перекусить собственные кандалы на лодыжках.

– Ублюдки! – Тяжелый удар по плечу. – На землю, ты, кусок дерь...

Джерин зашатался, но не упал. Третий, только что прибывший погонщик зарычал и снова ударил его дубинкой. На этот раз юноша рухнул в грязь. Погонщик, тяжело дыша, на мгновение замер над ним с поднятой дубинкой, но опустить ее не успел – его схватили остальные рабы. Там, где он упал, раздался жуткий, пронзительный вопль. Скованные цепью люди навалились на него грудой.

– Освободи меня, сынок. Быстрее.

Тощий протягивал к нему руки. Джерин мгновение колебался, затем приладил болторез к оковам. Напрягся и свел рукоятки так, что от усилий заныли предплечья. На один тошнотворный миг показалось, что болторез не поможет. Потом металлическое кольцо поддалось, согнулось и сломалось.

– Хорошо, хорошо... – Тощий почти ворковал. – Сраная гильдейская сталь. Только глянь, дерьмо какое. До чего же в Эттеркале скупые кузнецы.

Второй браслет поддался почти так же легко, а затем тощий выхватил болторез из мокрых от пота рук Джерина. Он держал эту штуку как оружие. У юноши пересохло во рту.

– Давай, – рявкнул мужчина. – Протяни руки.

Джерин будто услышал отцовский голос и повиновался в оцепенении. Тощий, приложив болторез к его оковам, разломал оба браслета, один за другим, мощным нажимом. Потом почти так же быстро он освободил сперва ноги Джерина, затем – собственные. Сорвал сломанные кандалы, выпрямился и расхохотался – в этом внезапном яростном всплеске радости было что-то звериное. Он так неистово похлопал Джерина по плечу, что юноша едва не упал.

– Охренительно, сынок. Никогда не видел ничего подобного.

Поодаль остальные рабы, добыв болторезы других погонщиков, пререкались во тьме, не понимая, кого первым освобождать – себя или друг друга. Шрамолицый ветеран Раджала поднялся от тела убитого им человека, словно призванный колдуном дух. Выпростал цепь из зияющей алой раны на горле погонщика и протянул руки. От такого зрелища у Джерина по спине пробежала дрожь. Ветеран нетерпеливо потряс цепью.

– Так и будете стоять и поздравлять друг друга всю долбаную ночь? – прорычал он и кивком указал туда, где за пределами скопища рабов царил суматоха. – У нас пара минут до того, как здесь объявится кто-нибудь с мечом. Ну же, быстрее!

Джерин проследил за его жестом и понял, что ветеран прав. Темные фигуры двигались вдоль цепей с паникующими рабами, пытаясь найти источник волнения. У большинства в руках были факелы или головни, в спешке вытащенные из походных костров. Кое-где тускло блестели обнаженные клинки.

Тощий приложил болторез к оковам ветерана и разломал их с прежней легкостью. Ветеран нетерпеливо стряхнул сломанные браслеты, наклонился и стал высвобождать ступни.

Позади в ночи раздался крик:

– Вон там! Цепь Монкгрейва!

– Они... Взять их! Они на свободе! Мать вашу, бегом туда и...

Все еще склонившись над ножными браслетами, ветеран повернул голову в ту сторону, откуда доносились голоса. Джерин увидел, как он скривился и кивнул самому себе. Потом медленно выпрямился, потер освобожденные запястья, перевел дух и хмыкнул будто в удивлении.

– Лучше убирайся отсюда, – сказал он тощему.

– Я, э-э, но...

Ветеран аккуратно забрал у него болторез.

– Ступай. Забирай мальчика, уходите вон в ту рощицу, и побыстрее, пока можно.

– А ты?

Ветеран указал на царящий вокруг беспорядок и других рабов, которые пытались освободиться во тьме.

– Дружище, если кто-то не выиграет нам еще чуток времени, все завершится быстрее, чем священник кончает.

– Тогда я тоже останусь.

– Ты воевал? – спросил ветеран с той же аккуратностью, с какой забрал инструмент.

Тощий замялся. Опустил голову и медленно ею покачал.

– Бронь по профессии, – сказал он. – Я был... Я кузнец.

Ветеран кивнул.

– Так и думал. Проворно железо режешь. Слушай, в этом нет ничего постыдного. Не могут все орудовать сталью, знаешь ли, кто-то должен ее ковать. Но лучше придерживаться собственного ремесла.

Он рассеянно крутанул болторезом, проверяя вес. Инструмент засвистел как коса. Кузнец устался на него, и изуродованное лицо ветерана исказилось в гримасе, отдаленно напоминающей улыбку. Он махнул новообретенным оружием туда, где начинался лес.

– Пошевеливайтесь, оба. Бегите к деревьям. – Улыбка превратилась в жуткий оскал. – Я скоро вас догоню.

Они отвернулись от лжи, невероятного обещания на его изуродованном лице, и побежали.

Человек с лицом в шрамах смотрел, как они уходят. Проклятия и звуки падения позади него оповестили о том, что первые вооруженные мечами надсмотрщики пробиваются к сердцу мятежа. Его улыбка постепенно исчезла. Посреди хаоса, где люди рвались на свободу, держали цепи и кричали, чтобы им дали болторез, он повернулся к вновь прибывшим. Двое, оба с мечами, у одного в поднятой руке факел. Ветеран почувствовал, как глубоко под зарубцевавшимся ожогом подергивается мышца.

– Ты! – Первый надсмотрщик увидел его, поднял факел повыше и всмотрелся. Ткнул мечом. – На колени, твою мать. Быстро.

Ветеран пересек разделяющее их пространство тремя быстрыми шагами, не обратил внимания на меч, войдя в зону досягаемости, и не успел надсмотрщик сообразить, что происходит, как бывший раб навис над ним.

– Мы их бросили, – сказал он таким тоном, будто что-то объяснял ребенку.

Болторез, взметнувшись со скоростью крыла мотылька, превратился в размытое пятно и врезался в голову надсмотрщика.

Тот пошатнулся; удар раскроил ему лицо, разбил глазницу и вышиб глаз. Факел отлетел в сторону в ворохе искр. Погонщик издал прерывистый вой, выронил меч и рухнул на колени. Ветеран уже повернулся к напарнику, ударив и его болторезом по лицу, в обратном направлении. Надсмотрщик отскочил, перепуганный; из его ран потекла кровь, а меч он держал словно магический амулет против демонов. В припадочном свете упавшего факела ветеран двинулся на него, рыча.

– Приказ был такой, – сказал он сбитому с толку надсмотрщику и врезал своим оружием по голове раз, другой, пока тот не упал. – Нас заставили их бросить!

На миг он застыл будто изваяние между двумя поверженными врагами. Оглянулся в неровном свете факела, словно едва очнулся от сна.

Второй из вооруженных надсмотрщиков лежал на спине, его голова была повернута набок, а череп – разбит как чаша. Одна рука, сжатая в кулак, лежала на колене, другой он ощупывал раздробленное лицо, трясясь. Он рыдал и что-то бормотал. Ветеран увидел выпавший из его руки меч, хмыкнул и бросил болторез. Поднял оружие, взвесил в руке пару раз, потом ухватил обеими руками, взмахнул и опустил на шею раненого надсмотрщика. Сносный палаческий удар – клинок рассек хребет и большую часть шеи, труп безвольно обмяк на земле. Ветеран размял руки, с отработанной точностью вытер лезвие меча и на миг задержал взгляд на деле рук своих.

– Мы одолевали милю за милей, но продолжали слышать, как они кричат нам вслед, – сообщил он мертвецу.

Вновь слышались крики, что-то будто промчалось сквозь ночной воздух, и раздался неистовый, бессвязный вопль. Ветеран резко обернулся и увидел, как еще один надсмотрщик замахивается на него кистенем. Бывший раб плавно, словно в трансе, отодвинулся и позволил шипастой гире на цепи увязнуть в травянистой земле. Потом шагнул к надсмотрщику, как жених к невесте, и рубанул мечом на уровне живота, пока тот пытался высвободить свое оружие.

– Некоторые из них проклинали нас, – буркнул он одновременно с ударом.

Надсмотрщик заорал, когда сталь рассекла кожаный колет и вонзилась в плоть. Ветеран рванул клинок на себя и разрезал врагу живот, вытащил меч из-под ребер у самого хребта.

– Некоторые, – продолжил он небрежным тоном, – просто плакали.

Позади трупа человека, которого он только что распотрошил, показались еще три фигуры с факелами, вооруженные сталью. Они не спешили нападать, видя трупы товарищей на земле и понимая, что здесь случилось нечто серьезное; встали плечом к плечу и наблюдали.

Но за их спинами показались другие.

Ветеран крепче перехватил меч, нацелил его на надсмотрщиков и дернул головой, приглашая их выйти вперед. В свете факелов, окутанный тенями, он выглядел огромным.

Изуродованное лицо исказилось в ухмылке. Он спросил:

– По-вашему, я похож на гребаного раба?

И хотя в конце концов его одолели, задавив числом, никто из тех, кто услышал этот вопрос, не дожил до рассвета.

Глава четвертая

В углу двора росло дерево из железного сплава; сморщенная металлическая кора поблескивала в лучах послеполуденного солнца. От ствола падала резкая черная тень, похожая на пролитые чернила, и дробилась на ветвящиеся речушки, которые разбегались по каменным плитам, словно что-то искали. Арчет сидела вне их досягаемости, у противоположной стены, вытянув ноги в сапогах, спиной чувствуя тепло облитого солнцем камня, – и смотрела, как струйки темноты подбираются к ней. Она грызла яблоко, сорванное в другом внутреннем дворе и с другого дерева – такого, с чьим существованием людям было куда проще примириться.

«В Ан-Монале ничего не растет, – шепотом говорили они друг другу, и это суеверие носилось по Ихельтету как ветер. – Там нет ничего живого».

Как большинство вещей, в которые верили люди, идея была далека от истины. Да, дерево из железного сплава не было живым в общепринятом смысле, но каждый год синевато-черные листья на его стремящихся к небу ветвях ржавели с приближением зимы, сперва покрываясь крапинками и пятнышками, затем меняя цвет на пурпурно-алый, переходящий в бледно-оранжевый и наконец чистейший серебристо-белый, после чего они рассыпались и превращались в мерцающий пепел на ветру. А потом, каждую весну, листья опять выскальзывали из твердой коры, будто крошечные клинки из ножен, и раскрывались веером, словно дарующие победу карты в руках игрока.

Тихий металлический процесс продолжался с тех пор, как Арчет себя помнила, то есть уже почти два века; и несмотря на множество дурацких пророчеств, что такие вещи прекратятся с уходом кириатов из мира, после того как последние огненные корабли ее сородичей наконец погрузились в кратер Ан-Монала и в сердце Арчет возникла незаживающая рана, дерево ни разу не сбилось с ритма.

Она, в общем, не удивилась, могла бы сразу сказать пророчеству священникам, что это чушь. Народ ее отца гордился тем, что создавал процессы и артефакты, которые не нуждались в руководстве к действию.

«Мы есть то, что созидаем, – сообщил ей Грашгал загадочно в те быстротечные месяцы между концом войны и Уходом. – Нас склонили к познанию силы старше и темней познания как такового, а потом – давным-давно – изгнали из рая. Обратной дороги нет. Единственный способ одержать победу над этими силами – созидать. Созидать достаточно хорошо, чтобы, оглянувшись на тропе изгнания, ставшего плодом наших собственных действий, узреть приемлемый вид».

«Если обратной дороги нет, – с мольбой спросила она, – почему вы уходите?»

Но к тому времени споры стали бесполезными. Грашгал мог повлиять на Совет капитанов не больше, чем сама Арчет. От последствий войны что-то в кириатах надломилось, что-то привело их в ужас, который до сих пор оставался для нее по большей части загадкой. Они хотели уйти. Проведя тысячи лет на одном месте, снова строили планы, рисовали карты и просили у машин совета в вопросах, с которыми их собственные слегка поврежденные умы не могли разобраться. В мастерских Ан-Монала опять вспыхнуло яростное сине-белое пламя сварочных ламп, и каскады искр цвета киновари и золота лились вдоль изогнутых бортов огненных кораблей в сухих доках. Покрывшиеся пылью Кормчие пробудились от раздумий, поразмыслили над заданными вопросами и решили, что задуманное можно воплотить в жизнь.

Она невольно бросила взгляд налево, через двор, к арочному входу и выходящим тропинкам, что уводили к мастерским. Призрачные отзвуки металлического звона затихли, когда полукровка вернулась в настоящее, вновь ощутила резкий кислый вкус яблока на языке и тепло солнца на коже. Утром она была в мастерских – побродила среди заброшенных пусковых башен и козловых кранов, постояла там, разглядывая несколько оставшихся огненных кораб-

лей, окутанных тенями и паутиной, пока знакомые слезы – те самые, которые она подавляла уже несколько месяцев, – не хлынули из глаз, обжигая щеки, словно едкий кириатский раствор, с которым дочь Флараднама была невнимательна.

Следом явилось опустошение, но катарсис не случился.

«Это кринзанц, Арчиди. – На сей раз, уезжая из города, она осознанно не взяла с собой ни крошки. Путешествие продлится два дня, ну, ладно, три – ведь ничего страшного не случится, да? Вот и ответ на ее вопрос. – Если ты опять попытаешься так резко его бросить...»

Она прочистила горло. Снова укусила яблоко и прикрыла глаза от заходящего солнца. Ветви на дереве начинали расти низко – лишь самую малость выше человеческого роста – и расходились в стороны и вверх, образуя замысловатый узор. Он, как знала Арчет, был связан не с замыслом какого-нибудь скульптора и не с его навыками, но с определенными математическими размышлениями, которые народ ее отца вкладывал в сердца своих машин как песню. Она вспомнила, как качалась на этих ветвях в детстве и однажды весной попыталась оторвать новый листок – к ее величайшему изумлению тот оказался раскаленным на ощупь.

Она с плачем побежала к матери, чтобы та смазала снадобьем и перевязала обожженные пальцы, а в ответ на свои вопросы получила обычное человеческое объяснение.

«Это магия, – спокойно растолковала мать. – Дерево волшебное».

Отец не спешил избавлять Арчет от заблуждений, пока она не стала подростком. Может, не хотел ранить чувства жены, или ему просто было легче воспитывать дочь – та росла грубой и темпераментной, пока она искренне считала его некромантом, дочерна обожженным во время путешествия по жилам Земли. Впрочем, с этим заблуждением Арчет довольно быстро разобралась сама: к примеру, если тело Флараднама и впрямь окрасилось в черный во время странствий по искаженным пространствам, как объяснить ее эбеновую кожу, если ей никогда не разрешали подходить к потоку лавы или кратеру в Ан-Монале ближе, чем на сто шагов? Смысла в этом не было, а она с ранних лет стремилась к поискам смысла.

С того же юного возраста Арчет понимала, что в отношениях родителей скрыта какая-то тайна, словно незаметный глазу пузырь магмы, что кружится в океане Ан-Монала. Спорадические извержения, которые вызывала эта тайна, пугали девочку, и она знала, что магия – одна из тем, неизменно приводящих к всплеску напряженности.

«Я же тебе столько раз объяснял! – кричал Флараднам однажды вечером, когда Арчет, которой полагалось спать, тайком выбралась из постели, чтобы почитать при свете сферической лампы на стене лестничного пролета. – Никакой магии, никаких чудес, никаких ангелов или демонов, подстерегающих неосторожных грешников. Прекрати заполнять ее голову невежественным мусором. Прекрати заковывать ее в цепи».

«Но надзиратели говорят...»

«Надзиратели то, надзиратели это! – Что-то стеклянное с громким звоном разбилось о стену. – Надзиратели лгут, Нантара, они лгут всем вам! Просто оглянись вокруг, на дермовую камеру пыток, которую вы зовете своим миром. Неужели ты считаешь, что этим местом правит благой владыка всего сущего? Неужели ты правда думаешь, что там, наверху, кто-то присматривает за вами?»

«Откровение учит нас жить так, чтобы мир стал лучше».

«Да ты что? Расскажи это Девятому Племени».

«Ох... Ты меня и в этом обвинишь? – Нрав у матери Арчет был тоже весьма пылкий, и теперь она перешла в наступление. – Ты, который помог Сабалу Завоевателю атаковать их, спланировал поход и вместе с ним отправился во главе армии на битву, чтобы увидеть, как все случится? Ты, вернувшийся домой с ног до головы забрызганным кровью младенцев?!»

«Да не убивал я детей! Мы не хотели...»

«Ты знал. – Теперь в голосе Нантары зазвучали отголоски мрачного язвительного смеха – Арчет, которой было то ли восемь, то ли девять, уже умела различать интонации выговоров

и знала, что сейчас на устах матери пробудилась пугающая улыбочка, которая оповещает о разгорающемся гневе. – О, ты знал. Ты болтаешь про ложь, но ты знал, что он собирается делать. Тебе это до сих пор по ночам снится».

«Тебя там не было, Нантара. У нас не осталось выбора. Нельзя построить империю без...»
«...детубийства».

«Цивилизация не возникает в одночасье. Приходится...»

«Ты читаешь мне нотации про невежество и ложь. Взгляни на себя без самообмана, Нам, и скажи мне, кто из нас двоих погряз во вранье».

И так далее.

Таким образом, несмотря на суровое здравомыслие, Арчет рано научилась обходить тему магии стороной, пропускать ее мимо ушей; впоследствии избавиться от этой привычки оказалось очень трудно. Когда Флараднам и Грашгал начали в своей характерной манере – урывками, рассеянно – обучать ее кириатским наукам, стало ясно, что первые пятнадцать или около того лет жизни оставили на ней несмываемое клеймо. Магия по-прежнему казалась... ну, магией, даже когда таковой не была. И что-то в глубине ее души – наверное, что-то человеческое, унаследованное от матери – попросту желало принять магию как есть, оставить в покое, а не мучиться, пытаясь вникнуть в суть. Спустя много десятилетий – когда смерть матери, чья человеческая жизнь достигла предела, осталась в прошлом – Арчет время от времени чувствовала, что смотрит на кириатские технологии глазами Нантары. За два века она так и не сумела до конца избавиться от трепета, который внушала испускаемая ими противоестественная мощь.

– Ты задумалась, дитя мое? Или тебе просто плохо без наркотика?

Мрачный и язвительный бестелесный голос донесся сквозь разогретый солнцем воздух до ее ушей. Будто сама крепость Ан-Монал с ее глубоко укоренившимся фундаментом заговорила с последней, кто остался от народа кириатов.

Она закрыла глаза.

– Манатан.

– Догадаться легко, не правда ли? – Как обычно, голос Кормчего, покровительственный и успокаивающий, звучал почти по-человечески, но в конце каждого слога интонации чуть понижались, словно у говорящего перехватывало дыхание, и он вот-вот мог сорваться на крик. Будто в любой момент – прямо посреди фразы – осмысленная речь могла превратиться в пронзительный визг стали на точильном колесе. – Или ты теперь веришь в ангельское присутствие и божественную благодать Откровения? Местные уже забрались тебе в голову, дочь Флараднама?

– У меня есть собственное имя, – огрызнулась она. – Может, время от времени будешь им пользоваться?

– Арчет, – покладисто согласился Кормчий. – Ты не могла бы оказать любезность и присоединиться ко мне в кабинете твоего отца?

Нужная дверь была в стене позади Арчет, почти рядом с тем местом, где она решила посидеть. Полукровка повернула голову и взглянула на черную, усыпанную заклепками массивную плиту. Потом опять устремила взгляд вперед и на некоторое время погрузилась в созерцание заходящего солнца. И снова принялась грызть яблоко.

– Если это задумано как неповиновение, дочь Флараднама, у тебя плоховато получается дать мне сдачи. Возможно, стоит отказаться от трезвенности – это не лучшая стратегия на данный момент. От нее никакого толку. А ты еще слишком молода и уязвима.

Она проглотила полный рот яблочной мякоти.

– Чего тебе надо, Манатан? Уже смеркается.

– А твоя свита у реки не станет ждать? Что-то я сомневаюсь, госпожа моя кир-Арчет.

Титул сочился иронией, или, по крайней мере, так казалось – с Кормчими невозможно знать наверняка. Но остальная часть фразы Манатана, несомненно, представляла собой образец преуменьшения. Не стоило и на миг сомневаться, что имперский речной фрегат «Меч божественного правосудия» останется на месте, пока госпожа кир-Арчет из клана Индаманинармал не решит прервать свое общение с прошлым в Ан-Монале, в какое бы время дня или ночи это ни случилось. На капитана судна и командира отряда морских пехотинцев сам император возложил обязанность беречь ее жизнь как собственные, и хотя святой надзиратель, сопровождающий экспедицию, в теории не был связан приказом светского владыки, он молод, неопытен и явно испытывал к ее персоне безграничное почтение. Ничего удивительного: пусть кириаты давно ушли из мира, их статус и мистический ореол сопровождали Арчет, как аромат духов сопровождает придворную даму. Сменится множество поколений, прежде чем слава кириатов – а вместе с ней и положение Арчет – ослабеют.

Время от времени она задавалась вопросом, как это будет – когда последнее поколение тех, кто помнил кириатов и их уход, окажется в могиле, и воспоминания о ее народе останутся лишь в томах имперской библиотеки.

Будет ли она в здравом уме к тому моменту?

Тень железного дерева протянулась и наконец коснулась мыска ее сапога.

– Дочь Флараднама, – резко сказал Манатан.

– Да-да. – Она оторвалась от стены и встала. Швырнула огрызок яблока через двор. – Я тебя слышу.

Речной фрегат изначально предназначался для использования не кем иным, как его величеством Акалом Химраном Великим, который до вмешательства советников хотел назвать корабль «Крокоёбом»; выделенные ему каюты выглядели лучше особняков некоторых местных аристократов, у кого Арчет гостила за время странствий. Сын Акала, Джирал, ныне Джирал Химран II, после смерти отца ступал на борт фрегата всего пару раз, но не приказал его списать или переоснастить для других целей. Обстановка со всей ее царственной роскошью осталась нетронутой. В салоне была библиотека во всю стену, по другую сторону – ниша, предназначенная для карт, а также стол на дюжину человек рядом с широким кормовым окном. По углам, будто часовые, высились богато изукрашенные астролябии и телескопы, на стенах висели портреты важных исторических деятелей из императорского рода Химранов.

То, что самые древние из них были лишь овцекрадами и горными бандитами, притворный художник деликатно проигнорировал, так что все предки носили не соответствующие эпохам венцы или короны для придания их образам должного величия. Озаренные светом зажженных ламп, они создавали в каюте что-то вроде торжественного темного фона для собрания, созданного Арчет.

Не менее серьезные лица смотрели на нее из-за стола. Может, галерея портретов оказывала именно то влияние, которое замыслили ее устроители, или дело в близости Ан-Монала и всего, что воплощал громадный вулкан с его призраками. Сенгер Хальд, командующий морскими пехотинцами, сидел мрачный и бдительный, слегка отодвинувшись от стола, чтобы видеть дверь – он даже здесь не был до конца уверен, что в комнату не ворвется кто-нибудь, желая атаковать собравшихся. Лал Ньянар, капитан фрегата, не выказывал столь явного напряжения. Но необходимость держать судно подле одного из жутковатых железных причалов покинутой гавани Ан-Монала явно вызывала у него неприятные чувства, и прочие корабельные офицеры переняли их. А Ханеш Галат, назначенный Цитаделью святой надзиратель, просто выглядел нервным и расстроенным – неудивительно, ведь он догадывался, как сильно его «любят» светские командиры экспедиции. От того что Цитадель стремительно приходила к доктринальной позиции, согласно которой кириатские Кормчие были демоническими суще-

ствами, заточенными в железо, чтобы помешать им искушать или как-то иначе сбивать с пути истинного сынов Откровения, лучше не становилось.

«Не то чтобы я, э-э, на самом деле считал этот догмат истинным, – однажды вечером Галат поспешил заверить Арчет, стоя у фальшборта, пока фрегат поднимался вверх по течению реки к Ан-Моналу. – Разумеется, Откровение время от времени пересматривается, опираясь на мудрые дебаты и молитвы. Но я не вижу причины, по которой следовало бы принимать каждое предложение Учителей просто потому, что они его сделали. И, э-э, знаете, я на самом деле с восторгом отношусь к той роли, которую ваш народ сыграл в возвышении Ихельтета и обретении им святого предназначения».

«Это очень просветленная позиция, – Арчет обещала императору вежливо вести себя с надзирателем. – Буду держать ее в секрете, когда мы вернемся. Не хочу, чтобы у вас возникли неприятности с вышестоящими».

Он покраснел и перестал приставать к ней с разговорами.

Этого Арчет и добивалась, но теперь ей пришлось в голову, что настроить его против себя было не очень мудро. Полукровка сомневалась, что он может из принципа выступить против Ньянара и Хальда, если те ее поддержат – так называемый «высший моральный авторитет» надзирателя на поверку оказывался довольно слабым, когда ему противостоял суровый прагматизм имперских потомственных офицеров, – но, несомненно, он способен охладить священной водичей любой энтузиазм, который она сумеет разжечь в этих мужчинах, уже испытывающих серьезные сомнения по поводу того, какой оборот приняли события.

– У нас мало людей, – заметил Хальд. – И мы не знаем, с чем имеем дело. Не разумнее ли вернуться с этой новостью в Ихельтет и там организовать должным образом подготовленную экспедицию?

Он был прав, если не считать того факта, что в нынешних обстоятельствах Джирал ни за что не одобрил бы такую экспедицию, не связанную с обеспечением безопасности северных границ или сдерживанием бунтующих религиозных идиотов в Демлашаране. И хотя молодому императору не было дела до переделанных на иной лад суеверий, которые Цитадель выдавала за новую догму, к Кормчим он тоже не испытывал особого почтения; считал, что доверять им столь же разумно, как верить свою жену какому-нибудь степному кочевнику. И в этом он в кои-то веки был подлинным представителем народа, которым правил. Ан-Монал неспроста гнил и пустовал.

Поэтому ей не стоило возвращаться к Джиралу с таким известием, и Хальд, скорее всего, это понимал. Арчет заговорила, тщательно подбирая слова, позволявшие найти компромисс:

– Командир, мне не кажется, что эта операция требует большой военной силы. Не вижу ничего такого, с чем наши люди не сумели бы справиться. Манатан выражался расплывчато, но...

– Да уж, расплывчато, – пророкотал Ньянар. – Посланник, которому нужен эскорт. Цитата, конец цитаты. Маловато сведений, чтобы принять решение.

– И тут ничего полезного... – Второй помощник капитана мрачно кивнул, указывая на карту, разложенную на столе. Плотный желтый пергамент, закрепленный двумя тяжелыми серебряными пресс-папье в виде туш убитых драконов, изображал окрестности реки И'Хела по всей ее длине – от Ихельтета вдоль побережья, мимо громады вулкана, где был построен Ан-Монал, и дальше, в глубь континента. Края там простирались большей частью засушливые и пустые. На карте не были обозначены поселения. – Если это посланник, откуда он явился?

– Может, из Шактура? – попытался помочь кто-то.

– Они уже представлены при дворе, – возразил Хальд. – И вообще, если посланник проделал путь от Великого озера, с чего вдруг ему сейчас понадобился эскорт? Мы глубоко внутри имперской территории. По сравнению с восточными болотами, это парк развлечений.

– Тогда с юга?

Ньянар пожал плечами.

– Та же история. Любой, кто пришел из пустыни, должен был одолеть более труднопроходимую местность. Посланнику, который зашел так далеко, не требуется наша помощь на последнем отрезке пути.

– Если только он не в беде, – внезапно предположил Ханеш Галат.

Все уставились на надзирателя. Он покраснел, ошарашенный собственными словами не меньше остальных.

– Я хочу сказать, – продолжил Галат чуть увереннее, – что посланник и его спутники, возможно, проделали такой дальний путь, но испытали лишения и не могут идти дальше без нашей помощи. В этом случае Откровение обязывает нас отправиться навстречу.

Арчет осознала, что от удивления разинула рот. Откашлялась.

– Ну, в каком-то смысле, – проговорила она.

За столом воцарилось неловкое молчание. Это была инстинктивная реакция в вопросах, касающихся доктрины. Никто из людей, ценящих свое положение в обществе Ихельтета, никогда добровольно не подвергал сомнению догматы Откровения, особенно после того, как к ним воззвал уполномоченный надзиратель. Однако...

– Меня беспокоит, – осторожно сказал Хальд, – что это может быть уловкой. Или даже засадой. Кормчий сказал, что гонец ждет нас. Разве не так, моя госпожа?

– Будет ждать, – уточнила Арчет. – Да, верно.

Командир морской пехоты взмахнул рукой.

– Да. Будет ждать или уже ждет. Так или иначе, моя госпожа, как можно узнать об этом, не принимая в расчет колдовство?

– Мне неизвестно, – призналась Арчет. – Высокий кирский – мягко говоря, сложный язык, а Кормчие нередко выражаются цветисто. Может, я просто не очень хорошо перевожу.

«Ага, Арчиди – и еще возможно, что это бред сивого ящера. Возможно, ты сказала людям ровно столько, сколько им положено знать, потому что иначе заручиться их поддержкой будет еще труднее. Возможно, есть детали и вопросы, которые им лучше оставить в покое, не в последнюю очередь ради того, чтобы ты сделала то же самое и сосредоточилась на блистательной новости, которую сообщил тебе Кормчий.

На этой, о да, блистательной новости...»

– Дочь Флараднама. – Напряженный голос Манатана звучал мрачно в прохладном воздухе отцовского кабинета. Тени на стенах, широкие лучи тускнеющего света из высоких окон, за которыми умирал день. – У меня послание для тебя.

– Какое еще послание? – Она все еще была невнимательна и думала лишь о том, как бы языком вытащить застрявший в зубах кусочек яблочной кожуры. Рассеяно окидывала комнату взглядом и, как всегда, задавалась вопросом, где именно в ней спрятан Кормчий. Ей так и не удалось вывести у Флараднама эту тайну.

– На мой взгляд, довольно важное. – Было невозможно понять, звучит ли в голосе Кормчего раздражение. – Раз посланник решил проделать этот путь, чтобы лично его тебе доставить. Итак, он будет здесь – в большей или меньшей степени. И... – Арчет слышались нотки скрытого веселья. – ...он будет ждать тебя.

В углу комнаты зажегся красноватый огонек и развернулся в парящую карту. Арчет подошла, разглядела на ней Ан-Монал, конус вулкана и город на западном склоне. Дорогу к гавани, реку, огибающую вулкан и устремляющуюся на восток, в глубь империи. В той части вспыхнули желтые символы, чей смысл полукровка не поняла: они будто отметили дугообразный путь через пустыню и завершились пульсирующей отметкой в пятидесяти или шестидесяти милях вверх по течению.

– Вот здесь? – Она покачала головой. – Но тут ничего нет.

– Значит, тебе лучше поторопиться и забрать его оттуда, верно? А то еще проголодается.

Арчет провела рукой сквозь призрачный огонь, не в силах подавить дрожь изумления, которая возникала всякий раз, когда прикосновение не обжигало. Она выросла среди таких вещей, но если некоторые аспекты отцовского наследия сгладились благодаря использованию на протяжении многих лет, то другие по-прежнему вызывали потрясение, когда она с ними сталкивалась.

Полукровка инстинктивно потеряла руку.

– И ты говоришь, что посланник явился ко мне?

– Можно сказать и так. В каком-то смысле он явился ко всей человеческой расе, считая несколько отвлечений, которые больше не могут восприниматься как люди в полном смысле слова. В эпоху перемен трудно подбирать нужные слова. Давай сойдемся на том, что родословная делает тебя лучшим претендентом на роль получателя послания.

Арчет шагнула прочь от ярко светящейся карты. В ней пробудилось беспокойство.

– И ты не можешь просто передать мне его сам?

– Увы, не могу.

Тревога ощущалась все сильнее, будто в животе у нее застряла плотно сжатая пружина. Кормчие нечасто признавали свои ограничения – как правило, они с мрачной самоуверенностью заявляли о собственном превосходстве, и даже когда Арчет казалось, что она обнаружила границу, которую они не способны преступить словом или делом, в ответ обычно звучала уклончивая тарабарщина того или иного рода.

– Не можешь или не хочешь?

– Что касается тебя, дочь Флараднама, я не вижу практической разницы между тем и другим.

– Seriously? А как насчет того, что я не отправлюсь на встречу с посланником, так как думаю, что ты нечестен со мной?

– Ну, послание адресовано тебе. – Будто сам Ан-Монал пожал огромными каменными плечами. – Вот и решай сама.

Тишина собиралась, словно окутанная тьмой паутина в углах комнаты. Карта горела во мраке.

– Послушай, – наконец произнесла полукровка. – Там много сухих пустошей. Мы можем потратить много дней на поиски.

– Тебе будет дан знак, – лаконично ответил Кормчий. – Наставления ищи на востоке.

Слова прозвучали как легкая насмешка над текстом Откровения, и больше Манатан ничего полезного не сказал. Попытки выяснить что-то еще натолкнулись на мягкое предостережение: «Не трать время, дочь Флараднама». Арчет, которая уже видела такое поведение у Кормчих, сдалась, вышла во внутренний двор, хлопнув дверью, и отправилась седлать коня. До гавани было несколько часов езды, а она хотела успеть до темноты.

Но по пути вниз, устало покачиваясь в седле, она опять почувствовала странное ощущение в животе, которое приняла за тревогу, и поняла, что ошиблась. Поняла, что это чувство согрело ее, распространилось по всему телу, и теперь кровь взволнованно и ритмично пульсировала в жилах, а в груди нарастало нетерпение, от которого перехватывало дыхание.

Она цокнула языком, побуждая коня пойти рысью.

– Может, это и ошибка перевода, – сказал Лал Ньянар, – но мы ждем сигнала, обещанного Кормчим, а его нет и нет. Одно это должно заставить задуматься.

– Именно этим мы заняты, – Арчет взмахнула рукой, указывая на железную набережную за окном и мерцающие на причале костры. Нетерпение в ней бурлило – пришло время закругляться. – Никто не говорит, чтобы мы снялись с лагеря и отправились вверх по реке прямо сейчас. Утро наступит достаточно скоро, однако еще осталось время составить разумный план.

– Если...

– Взять, к примеру, карты, – Арчет плавно перебила Ньянара, не дожидаясь, пока он перейдет к действительно серьезным возражениям. – Я отлично понимаю, капитан, ваше беспокойство по поводу нашей способности безопасно перемещаться в верховьях реки в это время года. Но разве мы не располагаем картами для такого случая?

Капитан заметно рассердился.

– У меня нет опасений по поводу навигации, моя госпожа, но...

– Отлично. Значит, сосредоточимся на подходящих для высадки местах вдоль южного берега в районе, указанном Манатаном. Я могу отдать это дело в ваши умелые руки?

Она позволила тишине довершить начатое. Ньянар окинул собравшихся взглядом, ища поддержки, затем сдался. Даже Хальд не собирался прямо возражать советнице императора, которая явно приняла решение.

– Я в вашем распоряжении, госпожа, – сказал капитан, медленно склонив голову.

– Отлично. Командир Хальд, что касается вас, я думаю...

Вспыхнула молния.

Она пришла с востока, резкая и блистающая, такая яростная, что от ее удара, казалось, широкое кормовое окно должно разбиться вдребезги. Синевато-белое сияние беззвучно затопило каюту, изгнав все тени без остатка. Оно омыло их лица, заставив померкнуть нерешительный желтоватый свет ламп, годный лишь для изучения документов. Оно заставило их замереть.

И погасло.

Арчет услышала снаружи крики людей Хальда и матросов. Увидела, как сидящие вокруг костров вскочили, рассмотрела каждую деталь происходившего на набережной в тускнеющем свете странной молнии. На палубе, над головой, загрохотали чьи-то шаги. Невнятные, растерянные речи зазвучали тут и там. Внезапная вспышка тем временем померкла, и они, погружившись во мрак, заморгали, глядя друг на друга.

– Какого хера?.. – От потрясения Хальд на миг забыл о придворных манерах и продемонстрировал свою солдатскую суть.

– Что это было? – спросил кто-то дрожащим голосом.

Арчет не ответила. Она уже все поняла и не нуждалась в подтверждениях, сказанных вслух. Поэтому молодому Ханешу Галату, на чьем лице отразились ироничное хладнокровие и чувство юмора, которых полукровка раньше не замечала, осталось лишь податься вперед и констатировать очевидное.

– Полагаю, – сказал он, глядя на нее через стол, – это и есть ваш так называемый знак. Видимо, посланник Манатана прибыл.

Вслед за его словами раздался гром.

Глава пятая

Охота продолжилась с наступлением ночи.

Сначала вокруг царили паника и смятение, звучали вопли и возбужденный лай псов, оставшихся на цепях в лагере. В подлеске трещали ветви: те, кому удалось освободиться, ломались что было сил вверх по лесистому склону. Позади сквозь густеющие заросли мерцали тускнеющие огни костров. Горло Джерина саднило от тяжелого дыхания; кровь текла по лицу, исхлестанному ветками, которые задевал идущий впереди кузнец. Юноша следовал за ним, ничего не замечая, и ужас перед псами подгонял его словно плетью.

Он их видел во время похода: огромные волкодавы, серые и косматые, с удлиненными мордами и кривыми ухмылками, которыми они одаривали рабов, беспокойно расхаживая туда-сюда на поводках. Псы вызвали первобытный страх. В детстве, на болоте, он однажды видел, как такие собаки загрызли человека – бедолага сбежал из плавучей тюрьмы в эстуарии и в отчаянии пробирался домой, ведомый слепой надеждой отыскать убежище. Джерину было четыре или пять лет, и звуки, которые издавал обреченный, когда волкодавы рвали его на части, сохранились в уголке памяти, что отведен для ужасов более жутких, чем те, которые можно описать словами.

С воспоминанием пришла и осознанная идея.

Он схватил кузнеца за рубаху, потащил в сторону и за свои старания снова получил веткой в лицо. Выплюнул сосновые иголки, вытер нос и выдавил:

– Подожди... да остановись ты наконец!

Тяжело дыша, оба остановились в сухом овраге, окруженном молодыми деревьями и густым подлеском. Они стояли, поддерживая друг друга, не в силах отдышаться. Справа кто-то ломился сквозь заросли, но слишком далеко, чтобы они могли что-то рассмотреть, и он быстро удалялся, судя по затихающим звукам. Прохладное, пахнущее сосновой смолой спокойствие окутало обоих. Внезапно липкий ком каши в желудке Джерина кувыркнулся и послал горячую волну в горло. Юноша согнулся пополам, его вырвало. Кузнец вытаращил глаза.

– Какого хрена ты меня остановил?

Но он не двинулся с места.

– Плохо. – Джерин все еще стоял, согнувшись и упираясь руками в колени, его сотрясали кашель и рвотные позывы. Струйки соплей и слюны серебристо поблескивали в тусклом свете, да и голос был тоненьким как ниточка. – Бежать вот так. Плохо. У них псы.

– Я, блядь, слышу псов. От кого, по-твоему, мы удираем?

Джерин покачал опущенной головой, все еще тяжело дыша.

– Нет, ты меня послушай. Мы должны найти... – Он сплюнул, взмахнул рукой. – Воду, ручей или вроде того. Надо сбить их со следа.

Кузнец тряхнул головой.

– Чего? Ты еще и знаток по убежанию от псов?

– Ага. – Джерин выпрямился, дрожа. – Верно. Почти всю жизнь бегая от Трелейнской стражи и их шавок по болотам. Доверься мне. Мы должны найти воду.

Кузнец фыркнул и пробормотал что-то невнятное. Но когда Джерин поглядел по сторонам, выбрал направление и опять начал пробираться сквозь спутанные заросли, товарищ последовал за ним без возражений. Может, в знак благодарности за то, что трюк с конвульсиями и пеной изо рта сработал, или просто поверил его словам. В городе о болотных обитателях болтали всякое, многие верили, что они могут учуять воду по запаху и привести к ней. Джерин взял себя в руки и попытался поверить в этот миф, явно известный его спутнику-горожанину.

А потом украдкой выдавил кровь из небольшого пореза на лице, смешал со слюной на подушечке большого пальца и тихонько подул на получившееся месиво. Чуть слышно пробормотал:

мотал короткую молитву Такавачу, которую выучил еще на коленях у матери: «...Соленый Владыка, повелитель теней и ветров переменчивых, из хладной обители ветра, с запада явившийся, услышь меня ныне и протяни мне несправедную длань свою...»

Может, благодаря детской привычке, пробужденному ею всплеску самообладания или мимолетному воспоминанию о материнском тепле – так или иначе, подлесок расступался перед ним чуть проще, ветви деревьев и колючие кусты меньше царапали и без того израненную кожу, а земля под ногами стала твердой, позволив ступить увереннее.

Лес разверзся и поглотил их.

Они наткнулись на ручей примерно через час, заслышав тихое журчание текущей воды и увидев неровную ленту, отражающую небесный свет, на дне неглубокой долины. Звуки погони будто удалились на север, и беглецы замерли в седловине между холмами, что возвышались над речушкой. Одарив друг друга радостными улыбками, они помчались вниз между деревьями, и обоим дышалось легче оттого, что они теперь следовали более продуманным путем. Это было немного похоже на пробуждение от кошмара. Страх покидал их разумы, освобождая место для новых мыслей – теперь стоило подумать не только о том, как обогнать псов, и теперь Джерин начал ощущать раны, оставленные на запястьях и лодыжках кандалами. Руки и ноги у него тряслись, словно в лихорадке, а в горле скрежетало от дыхания.

Достигнув берега, они упали на колени и принялись жадно пить.

– Ты знал, что мы ее найдем? – спросил кузнец, когда настало время перевести дух. – Ты правда унюхал воду, как и сказал?

Джерин покачал головой – он сам ничего не понимал. Ему как будто... помогла какая-то сила. Юноша провел грязными руками по мокрым волосам. Поморщился, когда от воды зашипало язвы на запястьях.

– Надо уйти с берега, – сказал он. – Пойдем по центру реки вверх или вниз по течению. Собаки не смогут за нами последовать.

– Как долго? Вода, мать ее, холодная...

– Долго. – Джерин уже брел вперед, по икры в воде. – Они пустят собак по обоим берегам, чтобы найти запах, но на это уйдет время. И им придется выбрать направление. В любом случае это дает нам шанс спастись. Я знаю некоторые другие трюки, но сперва нужно одолеть хотя бы часть пути. Идем.

Кузнец с ворчанием встал на ноги. Он присоединился к Джерину посреди ручья, неуклюже идя по камням на дне.

– Ладно, болотный мальчик, – сказал он. – До сих пор у тебя все здорово получалось. Поглядим, что ты еще...

Он запнулся. Выражение его лица исказилось от недоверия и боли. Он издал беспомощный звук, потянулся к Джерину, а потом прижал руку к груди, откуда на шесть дюймов высовывался наконечник арбалетного болта, торчащий из его внезапно окровавленной куртки.

– А ну, ни с места!

Крик донесся с излучины реки ниже по течению. Джерин резко повернулся к югу. Свет Ленты озарил троих надсмотрщиков, которые с трудом двигались против течения, по бедра в воде, возле дальнего берега и ведя за собой на цепях двух псов. Чернота и серебро, очертания мужчин и собак, плеск воды вокруг них. Человек с арбалетом стоял поодаль – он опустил разряженное оружие и, оперев в плоский валун на берегу, неуклюже взводил тетиву для нового выстрела.

Изо рта кузнеца хлынула пузырящаяся кровь. Его взгляд остановился на Джерине.

– Лучше беги, – гортанно произнес он и рухнул в воду лицом вниз.

– Стоять, раб, или мы тебя пристрелим!

Джерин увидел, как из-под плавающего тела кузнеца потек кровавый дым, увидел мокрые складки его куртки на спине и жестко торчащий из нее арбалетный болт. У излучины стрелок еще возился со своим оружием. Мир покачнулся под ногами Джерина, словно палуба ялика в беспокойной воде.

Он развернулся и побежал.

Вверх по течению, шесть неистовых скачков, и прочь из реки, то и дело падая на четвереньки и оставляя влажные отпечатки на валунах, а потом – вверх по мягкому земляному склону в лес, в заросли. Он слышал, как сзади и внизу спустились псы, как надсмотрщики сыпали ругательствами, с плеском пересекая реку. Охваченный паникой, Джерин лишь раз бросил взгляд через плечо и увидел, как река баюкает распростертое тело кузнеца, а псы с яростным лаем мечутся туда-сюда у валунов, не в силах выбраться на берег.

Он снова попал в тиски кошмара.

Склон был крутым, ему приходилось то и дело вставать на четвереньки, чтобы не показаться кувырком вниз. От смолистого запаха сосен перехватило горло, когда он вскарабкался наверх. Надсмотрщики большей частью были крупными крепкими мужчинами – иначе не сумели бы заниматься таким ремеслом. Среди деревьев он, скорее всего, уйдет от них. Но псы...

Через пару минут они разыщут путь наверх.

Подъем стал менее крутым, деревья поредели. Склон перешел в широкую седловину между двумя холмами, которая со стороны реки превращалась в каменистый, выветренный обрыв. Среди камней завывал холодный ветер, от которого промокшая одежда заледенела, и юноша промерз до костей. Пошатываясь от усталости, Джерин побежал вдоль вершины.

Но что-то темное встало у него на пути.

Сердце молодого болотника и так грохотало в груди, но оно будто покрылось коркой льда, когда он заметил впереди черную фигуру. На миг почудилось, что это чучело из кривых кусков коры и веток, обожженных пламенем дочерна. Фигура резко выделялась в свете Ленты, на фоне гладкого, открытого пейзажа на гребне холма. Джерин невольно остановился и лишь тогда понял, что видит перед собой человека – высокого воина в плаще, с торчащим над левым плечом яблоком широкого меча и высывающимися со стороны правого бока ножами. Воин стоял, скрестив руки на груди, и чего-то ждал.

«Надсмотрщик!»

Но незнакомец был не из их числа, и каким-то образом, невзирая на панику, Джерин это понял. Он уставился на изможденное лицо, которое, вероятно, когда-то было красивым, но теперь его уродовали напряженно сжатый рот, пустые глаза и тонкий шрам, змеящийся вдоль челюсти, – такие оставляют непокорным шлюхам в Трелейне. Во взгляде, устремленном вперед, эмоций было не больше, чем у рыбака, наблюдающего за неподвижной леской.

– Даковач? – прохрипел юноша. – Это ты?

Мужчина шевельнулся, бросил на Джерина любопытный косой взгляд.

– Нет, – ответил он на удивление мягким голосом. – И я его здесь тоже не видел. Ты ждал встречи с кем-то из Темного Двора?

– Я... – Джерин вздрогнул и чихнул – громко, внезапно, как удар прибоя о скалы возле мыса Мельхиар. – Я молился о заступничестве Соленого Владыки.

Незнакомец брезгливо вытер дублет одной рукой.

– Так ты с болот?

– Д-да. Я был...

Позади раздался скрежет когтей по камню и горловой вой собак, заметивших добычу. Насквозь промокший Джерин заметался и увидел, как на него несется первый пес из своры – оскаленные клыки, тугие мышцы под серой шкурой, – почувствовал, как рвется из горла крик...

Рядом с ним мечник что-то произнес на незнакомом языке. Джерин краем глаза заметил, как он поднял руку и быстро нарисовал в воздухе знак.

Пес взвизгнул.

И остановился, рыча, в дюжине ярдов. Он рывкал и шелкал клыками, но не приближался. Мечник со шрамом на лице шагнул вперед, нарисовал новый знак и опять что-то сказал. Пома-нил пса пальцем и указал ему на край обрыва. Зверь поднялся, торопливо захромал туда, посмотрел вниз, еще раз оглянулся на фигуру в плаще и кинулся в пропасть. Раздался долгий вой, за которым последовал треск ломающихся ветвей, – и тишина.

Остальная свора завывала в унисон с павшим вожаком, но не стала приближаться. Они ползали туда-сюда на брюхе у опушки, пока мечник не сделал еще два нетерпеливых шага им навстречу, не заговорил и не сделал новый знак – и собаки, скуля, уползли под прикрытие леса, а потом сбежали.

– Теперь, – сказал незнакомец мягким голосом, – может, ты скажешь мне свое имя, парень?

– Джерин, – с трудом выговорил молодой болотник, все еще дрожа. – Меня называют Ловкие Пальчики, потому что я с детства...

Воин повернулся и нетерпеливо взмахнул рукой.

– Я уверен, это увлекательная история. Расскажешь позже. Ты из каравана рабов?

– Да. Мы сбежали. Но они идут за мной по...

– Об этом не беспокойся. Твоя судьба только что изменилась, Джерин Ловкие Пальчики. Я...

Что-то ударило Джерина в бок, и пришла жуткая боль. Юноша моргнул. На миг показалось, что мечник проткнул его клинком. Он споткнулся и неуклюже сел на камни, вытянув ноги, словно младенец. Тупо посмотрел вниз и увидел торчащий из-под ребер наконечник, вокруг которого текла кровь. Поднял на своего нового товарища взгляд, полный изумленного страха и чего-то до нелепости похожего на замешательство. Он чувствовал себя медлительным, как муха в патоке, и глупым. Он нерешительно улыбнулся.

– Вот дерьмо, они...

Теперь в глазах, которые были мертвыми словно камни, что-то вспыхнуло. Мечник издал резкий звук, похожий на сдавленный всхлип, и резко повернулся, протягивая одну бледную руку вверх, к яблоку меча. Клинок вышел из ножен боком – какой-то хитрый трюк, рассеянно подумал Джерин, видать, они открываются по всей длине – и блеснул в свете Ленты.

Два надсмотрщика добрались до вершины. Арбалетчик уже готовился к следующему выстрелу, а второй держал меч двумя руками, прикрывая товарища – он тяжело дышал, но был готов к бою.

– Сбежавший раб, – пропыхтел первый надсмотрщик. – Нет нужды вмешиваться, славный господин.

– Но я уже вмешался, – ответил новый товарищ Джерина жутким дрожащим голосом. – Я сын свободных городов, как и этот парнишка. Это все как-то не очень похоже на свободу, по-моему.

Арбалетчик закончил взводить тетиву, сунул новый болт в паз и с явным облегчением поднял оружие.

– Я не буду болтать с вами о политике, господин, – сказал первый надсмотрщик, теперь увереннее. – Я не принимаю законы, а просто делаю свою работу. И если вы не хотите позавтракать той же бурдой, какую отведает этот раб, позвольте нам забрать скальп и уйти своей дорогой. Просто будьте хорошим гражданином и отойдите в сторонку.

– Но у тебя нет оружия, чтобы меня заставить.

Казалось, в пространстве между ними пробежала молния. Джерин, наблюдая за происходящим, увидел, как арбалетчик выронил заряженное оружие, будто оно обожгло ему руки, и

недоверчиво вытаращился на свои пустые ладони. Другой погонщик поднял меч, но расслабил пальцы, и тяжелый клинок вывалился из его рук на каменистую землю.

Фигура в плаще достигла их быстрее, чем мучимый жуткой болью Джерин успел перевести дух. Казалось, пространство вокруг мечника складывалось, как картинка на странице книги, позволяя ему перешагивать через смятые края. Клинок из вороненой стали взметнулся, рассек живот арбалетчика, взлетел вновь и проткнул другому погонщику горло. Брызнула кровь, черная в свете Ленты, и оба упали, задыхаясь и испуская предсмертные вопли.

Что-то шевельнулось в тени деревьев. Третий надсмотрщик вышел на вершину склона с коротким мечом в руке. Голос у него был хриплый от натуги и полный гнева.

– Парни, какого хрена вы сделали с моими псами? Они же совсем...

Он резко остановился и замолчал, увидев трупы товарищей и то, что над ними стояло. Его голос поднялся на целую октаву, став пронзительным:

– Ты кто та...

– Ты как раз вовремя, – прохрипел мечник, и сверкнул вороненый клинок. Третьему погонщику хватило времени, чтобы моргнуть при виде металлического блеска перед лицом, затем мир вокруг пошатнулся, перевернулся и закружился; мимо пронеслись сосны, тучи и клочки озаренного светом Ленты неба – в этот миг он решил, что его вытолкнули за край обрыва, но потом был болезненный удар, поле зрения начало необъяснимо тускнеть, в разинутый рот попала земля, и взгляд остановился на том, что в последнее, ускользающее мгновение жизни он смог – или не смог – опознать как собственный, конвульсивно дергающийся и истекающий кровью обезглавленный труп...

Мечник, проследив взглядом за упавшим телом, снова повернулся к Джерину, который по-прежнему сидел на земле, раскинув ноги; его голова уже начала бессильно клониться вперед. Мужчина в плаще присел перед парнишкой, осторожно потрогал рану вокруг наконечника болта и поморщился. Положил клинок и приподнял обвисший подбородок парнишки. Джерин на мгновение тупо уставился на него, затем детская улыбка коснулась уголков окровавленного рта.

– Уже не больно, – пробормотал он. – Нам удалось сбежать?

Мечник откашлялся.

– В некотором смысле. Да, у тебя получилось.

– Славно...

Они еще немного посмотрели друг на друга. Из уголка улыбающегося рта Джерина потекла кровь. Мечник это увидел и, отпустив его подбородок, приложил ладонь к исцарапанной грязной щеке.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать, малый?

– На болотах... – неразборчиво пробормотал умирающий. – Соль на ветру...

– Да?

– Мама говорит...

– Да... Джерин, тебя ведь так зовут? Что она говорит, Джерин?

– ...говорит, не надо... слишком сильно приближаться...

Мечник опустил одно колено на землю. Подождал. Спустя некоторое время из глаз парнишки потекли слезы, оставляя расплывчатые пятна на рубахе.

– На хуй... – проговорил он со слезами. – Шли бы они все на хуй.

И больше не поднял головы.

Рингил Эскиат продолжал держать ладонь у щеки Джерина, пока не убедился, что парнишка мертв. Затем он поднял меч и тихо встал. Некоторое время смотрел на худенькое тело, потом повернулся к обрыву, за которым вдалеке виднелись огни походных костров рабского каравана.

– А вот это, – сказал он задумчиво, – я наверняка смогу устроить.

Глава шестая

Как было велено, Кефанин разбудил Эгара перед рассветом. Маджак спустился позавтракать, хотя был не голоден, и вышел во внутренний двор, где небо из черного постепенно превращалось в темно-синее. До восхода оставался по меньшей мере час, и в воздухе царила пустынная прохлада. Эгар вдохнул полной грудью и, пересекая двор, с удивлением обнаружил, что ступает бодро и пружинисто, в отличие от вчерашнего дня.

«Это потому, что у меня есть цель».

Причем она появилась впервые за много недель.

Он прогулялся по бульвару, где в такую рань еще не воцарился буйный хаос. Горстка торговцев с тележками; рабы с вязанками дров для кухонных печей; купец седлал коня, собираясь куда-то отправиться спозаранку. Однажды мимо Эгара прошла колонна солдат, направляющаяся на смотр. Когда они обогнали Драконью Погибель, он узнал их песню и приветливо улыбнулся – это были Горные Вольные Мародеры. Он пару раз сражался с ними бок о бок, ему нравились обычаи этих ребят, а также свойственное им презрение ко всему городскому. Они больше любых других имперских солдат напоминали его собственный народ – из тех времен, когда это не было чем-то плохим.

Они потопали дальше, следуя ускоренным маршем за конным капитаном, и Эгар остался позади в тусклом свете. Песня затихла в утреннем воздухе.

Через пару сотен ярдов Эгар покинул бульвар, пересек реку по мосту Серой гривы и пустился по длинному, извилистому взвозу Бессмертной славы. Он достиг вершины как раз в тот момент, когда солнце высунуло свой заново выкованный сияющий край над восточным горизонтом. Приостановился, чтобы перевести дух – м-да, надо бы поскорее начать серьезные тренировки, а то он несколько месяцев по-настоящему напрягался только с Имраной, затем повернулся и окинул взглядом длинные пустые стены зданий, оставшихся позади.

Казармы Объединенных иррегулярных войск – ряды бойниц вдоль верхних уровней, четырехугольник плаца за высокими железными воротами. Там уже кто-то двигался в рассветных сумерках, парами повторяя стилизованные боевые движения, пока сердитый наставник сыпал оскорблениями.

Эгар ухмыльнулся от этих звуков и отправился заявить о своем прибытии.

Пятеро алебардщиков на воротах оказались Имперскими Сынами Пустыни – южанами, покрытыми ритуальными шрамами, стройными и такими темнокожими, что их можно было перепутать с кириатами, если не смотреть в глаза. Приблизившись, Эгар взглянул каждому в лицо – заурядные юнцы, ничего особенного, – выделил сержанта по поясу и дружелюбно кивнул.

– Хочу повидаться с командиром Дарханом, – беззаботно проговорил он. – Скажи ему, что пришел Драконья Погибель.

Это заставило их встрепнуться, чего он и добивался. Сержант почти невольно поклонился и взмахом руки велел одному из своих людей отправиться с известием. Наблюдая за происходящим, Эгар лениво задался вопросом, что эти конкретные «сыны пустыни» думают про бардак в Демлашаране. Ритуальные шрамы у них на щеках были хорошим знаком – Цитадель эту практику не одобряла, – и все они будто чувствовали себя удобно в новой экипировке, хотя он ожидал другого. Придворные сплетни, которые скармливала ему Имрана в последнее время, кишели историями о переименованном полке – прежнее название, Святые Сыны Пустыни, сочли двусмысленным в том, что касается объекта преданности, – и о том, как набожные офицеры отказываются носить или тайком портят новые униформы.

«Ну да. Придворные сплетники. Совсем как гребаные старухи у костра».

– Эг? – донесся радостный рев от ворот. – Эг, который надрал ебучему дракону зад? Заходи, дружище! Где ты пропадал? Я думал, работаешь вышибалой в каком-нибудь дешевом борделе – наконец нашел свое призвание.

Дархан по прозвищу Молот раздобыл, но в черном войлочном доспехе наставника по-прежнему выглядел внушительно: его борода была подстрижена до состояния, отдаленно напоминающего ухоженный вид, седеющие волосы убраны назад и связаны в хвост. Он оперся о ворота одной рукой, небрежно держа в другой деревянный посох. Эгар прошел через неплотный кордон алебардщиков и поднял кулак в знак приветствия. Дархан ответил тем же, и Эгар увидел, что его костяшки сбиты и кровоточат.

– Хорошая работа, – сказал Драконья Погибель, кивком указывая на «ранение» друга. – Что случилось, старик? Новобранцы слишком проворны для тебя?

Дархан фыркнул.

– Ага, один маленький засранец так и подумал. Теперь лежит, думает дальше. Преподал ему урок на тему «Как терпеть боль».

– Маджак?

– Да, и что еще хуже – такой же мелкий последыш-скаранак, каким был ты. – Просчитанное оскорбление на тему племени сопровождала знакомая Эгару свирепая улыбка. – Откуда вы такие беретесь, пастушки восточные, а? Едва выскочив из материнской утробы, ведете себя так, словно владеете картой всего долбаного мира и того, что в нем есть.

– Это называется «гордость», Дарх. Но, конечно, я не жду, что изнеженный горожанин, ишлинакский мудак, вроде тебя, поймет, что она собой представляет.

– Горожанин, говоришь? – Наставник-маджак бросил посох и вскинул кулаки, изображая готовность к бою. – Старый мудак, говоришь?

– Вы же сами называете кучку лачуг у реки «городом», так что...

– Ах ты, щенок болтливый! – Дархан изобразил медленный удар по голове Эгара. Драконья Погибель заблокировал его кулак, и оба, сцепившись, стали «бороться» в воротах, словно пара молодых буйволов в брачный сезон. Стражники-южане наблюдали с одинаково мрачными непонимающими физиономиями. Да и как они могли понять? Для такого нужно родиться маджаком. Дома, в степях, ишлинак и скаранак не могли друг с другом поговорить, не обнажив клинков. Но первая мудрость, которую Дархан Молот вколачивал в крепкие черепа кочевников, попадавших к нему на обучение, заключалась в следующем: «Здесь нет ни скаранак, ни воронаков, ни ишлинаков, все вы – просто сыновья невежественных матерей с одного и того же безымянного буйволового пастбища, и ваши милостивые имперские наниматели относятся ко всем с одинаковым презрением. Знайте – они правы, так что оставьте племенную тарабарщину за порогом, и начнем делать из вас солдат, ага? Хорош кивать, мать твою, это здесь называется „риторический вопрос“».

Дархан избавился от захвата – Эгар ему позволил – и яростно хлопнул Драконью Погибель по плечу.

– Охуенно рад тебя видеть, Эг. Ну, заходи, заходи – и взгляни на идиотов, с которыми мы работаем. Может, вспомнишь что-нибудь.

Еще как вспомнил.

По всему тренировочному двору в нарастающем утреннем свете молодые мужчины, разбившись на пары, двигались туда-сюда с воплями и залпами ударов посоха о посох. Дархан, стоя у южной стены с кружкой горячего бульона в раненой руке, другой рукой указал на своих подопечных.

– Примерно месяц, – задумчиво проговорил он. – Это лучшее, на что я могу рассчитывать, прежде чем из дворца придет приказ и их чохом отправят в Демлашаран. Казармы опустошают с той же скоростью, с какой я обучаю. Думаешь, эти будут готовы?

Эгар, который уже осушил и отставил в сторону собственную кружку, сидел на корточках у стены. Он наблюдал за новобранцами, прищурившись. Посреди рядов какой-то недотепа запнулся и выронил посох. Наклонился, чтобы поднять оружие, и напарник наткнулся на него. Еще одна пара тренирующихся остановилась, чтобы посмеяться над беспорядком. Наставник поспешил вмешаться, крича.

Эгар поскреб бритый подбородок.

– Кажется, это называется «риторический вопрос»?

Дархан отхлебнул из кружки и поморщился.

– Ага. Дело в том, что региональное командование заявляет, дескать, отборные войска не нужны, чтобы разобраться с неприятностями – не то, чтобы у Джирала были лишние элитные подразделения, со всей этой демонической хреню в северных болотах, – поэтому они возьмут всех наших выпускников. Главное – побыстрее. Их послушать, это обычные бригады смертников из пустыни, но...

– Но их очень много.

– Точно. – Дархан уставился на ряды стажеров, которые снова построились. – Помнишь рептилий-пеонов?

Эгар хотел рассмеяться, но едва не подавился собственным смехом.

– Пытаюсь забыть.

– Еще бы.

– Да брось, у них были клыки, когти и хвост, ударом которого можно сломать ногу. Тут все иначе, разве нет?

– Будем надеяться. – Дархан одним глотком допил бульон и вылил осадок в грязь тренировочного двора. – Так что ты здесь делаешь, Эг? Работу ищешь, или как?

– Не работу, друг. Просто кое-какие сведения.

– О чем?

Эгар опять прищурился на разгорающийся свет над двором. Теперь, когда солнце взошло и рядом оказался собеседник, новообетенная целеустремленность вдруг показалась слегка нелепой.

– Ты что-нибудь слышал о наших братьях, которые работают на Цитадель? То есть постоянно работают. Носят их плащи и так далее.

– Цитадель?! – Дархан моргнул. – Не припоминаю такого. Я бы ни за что не забыл. Но вообще шайка святош не очень жалуется наших. Ты где такое услышал?

Эгар неопределенно взмахнул рукой.

– Да так. Ветром принесло. Я просто хочу разобраться – подумал, вдруг... – Он опять взмахнул рукой.

– Что вдруг? – Дархан глядел на него вопросительно. – Какая твоя выгода в этом деле, Эг? С какой стати тебе не все равно?

И действительно, с какой?..

«Давай, Драконья Погибель. Изложи свою мысль так, чтобы собрат-степняк тебя понял».

– Понимаешь, Дарх... – Медленно и внятно. Он облек идею в слова впервые с того момента, как она возникла, и был приятно удивлен, что они прозвучали не так глупо, как ожидалось. – Я сейчас работаю телохранителем у одной важной придворной шишки. Она чуток повздорила со священниками. Это было в прошлом году, но не похоже, что все про всё забыли. Я просто ишу черный ход. Пытаюсь подсобрать сведений – может, упредить неприятности, если кто подсобит изнутри. Я подумал, другой маджак меня поймет и поможет.

– Или нет, – с сомнением ответил Дархан. – Тут у нас по-прежнему в ходу кой-какие правила, Эг, даже сейчас. Деньги взял – должен драться. По крайней мере, этому я своих учу.

– Да, но за долбаную Цитадель?! – Эгар бросил взгляд на своего старого учителя. – Ладно тебе.

Повисло молчание, только над двором летали вопли и раздавался беспорядочный стук посохов. Дархан некоторое время глядел на своих подопечных.

– Ты с Марнаком встречался? – отрешенно спросил он.

– Конечно. В прошлом году, в степи. – Эгар хохотнул, скрывая внезапное сожаление. – Старый хрен не думает стареть.

– Он не думал вернуться с тобой на юг?

– И не мечтай. Ему в степи хорошо, Дарх. – Эгар не стал уточнять, что обстоятельства его собственного отъезда не позволили Марнаку тем или иным образом выразить свои предпочтения. – Полагаю, он нашел свое место в мире.

Дархан хмыкнул.

– Он когда-нибудь говорил тебе, что мы сражались по разные стороны в паре битв, когда он был на жалованье у Лиги? Когда мы были молоды?

Эгар такого не помнил.

– Нет, никогда, – ответил он легкомысленным тоном. – Ты на что-то намекаешь?

– Я намекаю, Эг, что было время, когда Марнак мог бы убить меня, случись нам встретиться на поле боя, и он это сделал бы, не моргнув глазом. То же касается и меня – Империя платила деньги, и я убивал ее врагов. И по-прежнему убиваю, если приходится. Если эти враги окажутся маджаками – и даже ишлинаками, – печально, но ничего не поделаешь. – Дархан повернулся к Эгару и устремил на него пристальный взгляд. – Не упирай слишком сильно на то, что мы одного роду-племени, вот на что я намекаю.

Драконья Погибель без спешки поднялся на ноги.

– Звучит как предупреждение, Дарх. Ты пытаешься что-то мне сказать?

На мгновение их взгляды встретились. Дархан фыркнул, покачал головой и ухмыльнулся, глядя себе под ноги. Снова посмотрел на Эгара, продолжая улыбаться.

– Ты идиот, Драконья Погибель, вот что я пытаюсь сказать. Ты и твои понятия о преданности... В один прекрасный день они тебя погубят. Послушай, пару десятилетий назад Лига воевала с Империей, да? Потом пришли ящеры и перевернули все вверх дном, так что мы стали друзьями в великом союзе людей. Но после мы, Лига и Империя, снова начали друг друга убивать, как было всегда.

– Не напоминай, Дарх. Я потому и вернулся домой.

– Да, но теперь ты здесь. Видать, все пошло не так, как ты рассчитывал. Жизнь в степи оказалась не такой, какой ты ее запомнил?

Эгар скривился.

– Не спрашивай.

– Ага. Так я и думал. Ну вот, как я и сказал – ты вернулся, и все складывается так, словно дворец и Цитадель могут немножко повоевать. И что такого, мать твою, Эг? Политика. Это пройдет, как ящеры и война. Выкинь из головы, отойди в сторонку, если сможешь. По крайней мере, позаботься о том, чтобы не остаться без жалованья.

– Мне уже заплатили, Дарх. – Эгар поклонился – официально, в стиле одного из ихелтетских конных кланов, сцепив пальцы обеих рук на уровне груди так, чтобы получилось нечто вроде плоского двойного кулака. Это было первое, чему учили новичков в имперской боевой машине. Первый физический урок, который им преподавал Дархан Молот. – Ты хоть в этом сделал меня умным. Ну, ладно, мне пора. Потрясти клиентов, навестить шлюх, и всё такое. Но окажи мне услугу: если все же услышишь что-нибудь о том, что священники нанимают маджаков в свои отряды, пошли мне гонца. Я живу на бульваре Невыразимой Божественности, номер девяносто один.

– Понял. Ишь ты, Бульвар...

– Это временно, пока я своим жильем не обзаведусь.

– Валил бы ты отсюда.

– Я серьезно. – Эгар подмигнул. – Не забудь о моей просьбе. Я угощу тебя пивом.

– Да уж, если это и впрямь твой адрес, ты купишь мне целую бочку. Долбанный придворный щенок. Убирайся, пока я не пошел с тобой, а то вдруг у вас там, на Бульваре, есть нужда в человеке, который будет кормить псов или чего еще.

Они опять стукнулись кулаками.

– Рад был тебя повидать, Дарх. Спасибо за бульон.

– Эй, я всегда готов помочь ученику, который попал в передрагу. Это же пустяк для меня. Кружка с кашей.

– Нет, правда – гостеприимство, достойное предков.

– Если ты судишь по своим предкам, то да.

Эгар ухмыльнулся, развел руками, на прощание изобразил в адрес Дархана непристойный шаманский жест и ушел. Он был на полпути через двор, когда Молот его окликнул. Эгар остановился, повернулся и приготовился услышать какую-нибудь похабность в адрес своего племени.

– Чего?

– Мне кое-что пришло на ум. – Пожилой наставник легко перекричал вопли и удары, которыми сопровождалась тренировка с посохами. – Может статься, ты пришел не туда. Если и впрямь хочешь разобраться в истории с Цитаделью и маджаками, ступай в «Погонщика пони». Там все тот же народ собирается.

Эгар нахмурился.

– В том же месте? Под Мостом Черного народа? Я думал, оно сгорело много лет назад.

– Верно, сгорело. Но его отстроили заново. Открылось пару лет назад. Теперь зовется «Голова ящера».

– Зашибись, как оригинально.

Дархан пожал плечами.

– А что делать? Голова у них действительно есть.

Глава седьмая

Имперский торговый легат был от случившегося не в восторге.

– В Ихельтете, когда рабов заковывают в кандалы... – Он втянул носом воздух, взгляды ваясь в рассветную серость, что медленно разливалась над низкорослой растительностью. – ... они в кандалах и остаются.

Поппи Снарл подавила желание воткнуть нож ему прямо под ухоженную козлиную бородку. Это нетрудно: он стоял всего в паре шагов, был выше на полтора дюйма и к тому же, как большинство знакомых ей имперцев, выглядел манерным и надушенным, словно шлюхатрансвестит из портовых трущоб, но с претензией на придворный лоск. Беспольный кусок дерьма. Никакой от него пользы, с самого начала похода только и делает, что жалуется на условия и без конца превозносит Ихельтет. Это ее достало. Она не любила имперцев с их паршивой заносчивостью и в лучшие времена. А это все: петухи еще не пели, ночь, никто не спал, почти вереница мужского товара сбежала, погибла или покалечилась, потеряв ценность, без малого дюжина погонщиков мертвы или умирают и еще дюжина пропадает где-то в холмах – к «лучшим временам» точно не относилось.

И все же Поппи немалым усилием воли заставила себя не сжимать рукоять ножа для чистки фруктов, которым снимала кожуру с яблока, и нацепила мягкую дипломатичную улыбку – все равно что накрасила губы. Она, как и остальные, нуждалась в благосклонности этого человека. Статус привилегированного поставщика Империя давала с трудом, а Трелейн был не единственным городом в Лиге, который боролся за такое положение теперь, когда Либерализация позволила возобновить торговлю. «Будь милой, – наставлял ее Слаб Финдрич за праздничной трубкой перед отъездом. – Пусть почувствует свое превосходство, если потребуются, чтобы получить его подпись на пергаменте. Так идут дела, смиришься».

«Ага, тебе легко говорить, – огрызнулась она. – Не ты будешь с ним тащиться по дороге целых два месяца».

Финдрич устремил на нее взгляд свинцовых глаз. Он не очень любил истерики.

«Мы теперь законные торговцы, Поппи. – В хриплом от кукурузы голосе было такое же свинцовое спокойствие. – Так положено».

Ну да, положено. Будто снова война. Надушенные гребаные имперцы стояли вокруг, как священники на оргии, в то время как она и ее наемники из Лиги пытались наложить жгут на рану беглеца. Легат Финдрича и его высокомерные телохранители и пальцем не шевельнули за ночь, разве что разглядывали свои драные ногти в свете костра.

До чего высокомерные ублюдки.

Ладонь, держащая нож, зачесалась. Поппи ограничилась фантазиями, воткнула нож глубоко в яблоко и отрезала блестящий кусок. Пожевала и проглотила.

– Конечно, – мягко произнесла она, – я буду весьма признательна нашим более опытным коллегам с Ихельтетского рабского рынка за любую науку. Такова одна из причин этой поездки. Но прямо сейчас, боюсь, мы...

Снаружи палатки раздали шаги.

– Моя госпожа?

– Иреш. Доброе утро. Мы можем наконец подвести итог?

Главный погонщик нырнул в палатку. После ночной охоты глаза у него были красные, лицо выглядело усталым.

– Э-э, нет, моя госпожа. Все еще не хватает восьми. И... с вами кое-кто хочет повидаться.

– Со мной? – Она приподняла ухоженную бровь. – В такую рань? Он из Хинериона?

– Не уверен, моя госпожа, – сказал Иреш и, заметив на ее лице признаки раздражения, поспешно добавил: – Он... точно не из простых. Благородного происхождения наверняка.

Снарл вздохнула.

– Ну ладно. Скажи, я сейчас выйду. Но если это командир хинерионского пограничного отряда, они, мать их за ногу, опоздали.

– Да, моя госпожа.

Иргеш с явным облегчением покинул палатку. Снарл отложила яблоко и нож, вытерла руки салфеткой.

– Мы послали в Хинерион гонца, как только все началось, – пробормотала она. – У командира была целая долбаная ночь, чтобы вытащить своих людей за ворота, – и вот он явился, когда мы все сделали сами. Иногда я спрашиваю себя, зачем мы налоги платим.

Императорский легат погладил подбородок:

– Как я неоднократно говорил, достойные купцы, как вы, только выиграли бы от распределения имперских отрядов вдоль торговых путей. Рука дружбы, которую мой император был бы счастлив протянуть, если бы вы убедили Ассамблею Лиги в том, что она необходима.

Снарл бросила на него безрадостный взгляд.

– Да, точно. Вы много раз об этом говорили.

Она разыскала плащ и накинула на плечи. Мельком бросила взгляд в крошечное зеркало: макияж осыпался, глаза покраснели от бессонной ночи, приметы возраста не скрыть... Поколебавшись мгновение, Снарл раздраженно взмахнула рукой, плюнула и оставила все как есть. Она вышла навстречу заре, не проверяя, идет ли легат следом.

Он пошел. Снарл услышала, как хлопнул полог позади, пока шла мимо прогоревшего костра и погонщиков на страже. Вереницы съжившихся рабов тянулись в серые рассветные сумерки и, к счастью, после хаоса вчерашней ночи наступила тишина. Им пришлось как следует избить три или четыре другие вереницы соединенных цепью людей, кроме загадочно распавшейся, потому что известие о побеге распространилось по каравану. Вспоминая о случившемся, Снарл подумала, что все могло закончиться гораздо хуже. Полноценным бунтом, как в Парашале в прошлом году.

– Осталось восемь, – проговорил легат, догнав ее. – Это не такие большие потери. Я посоветовал бы прекратить поиски, сняться с лагеря и, не тратя драгоценное время, продолжить путь.

– Нет, – сквозь зубы ответила Снарл и заметила вновь прибывшего аристократа: он разговаривал с Иргешем и горсткой имперцев возле костра у подножия холма, на котором стояли палатки. Она направилась вниз и стала объяснять, с трудом балансируя на грани вежливости. – Боюсь, я так не работаю. Не знаю, как вы в Империи справляетесь с такими вещами, но мы останемся тут, пока не узнаем, что случилось со всеми беглецами.

– Но восемь рабов, госпожа Снарл. Такая маленькая потеря...

– Мои потери, господин легат, включают большую часть той вереницы, считая эту восьмерку или нет. И я ничего не могу с этим поделать. А вот что я могу, так это позаботиться о том, чтобы ничего подобного не повторилось! – Она перевела дух, чувствуя нарастающий гнев. Плотно сжала губы, помолчала. – Нам нужно преподать остальным урок, и быстро, как только взойдет солнце. Чтобы все усвоили раз и навсегда: никто – слышите, никто! – не может сорваться с цепи в одном из моих караванов и остаться в живых.

Легат что-то пробормотал на тетаннском. Она недостаточно хорошо знала язык, но догадалась, что это оскорбление. Ей было все равно. Если Хинерион прислал кого-то на помощь, есть шанс выбраться отсюда сегодня. Если нет, она оторвет яйца командиру пограничного патруля. Снарл подошла к тлеющим углям костра и ощутила слабую волну тепла, которое еще исходило от него, смягчая утреннюю прохладу. Перевела дух, собираясь заговорить.

Вновь прибывший ее не заметил – он стоял лицом к костру, раскинув руки, явно чувствуя холод и пытаясь согреться, пока угли не погасли. Роскошный черный парчовый плащ укрывал широкие плечи мечника и, кажется, из-под него выглядывал кириатский клинок в ножнах,

закрепленных на спине. Снарл моргнула: против собственной воли, она была очень удивлена. Если оружие настоящее, а не дешевая копия, которые после войны мастерили чуть ли не в каждой кузнице Лиги, ее гость и впрямь из благородных. Никто другой за пределами Империи не мог себе позволить кириатскую сталь, а в свободных городах она означала статус «выше некуда». Даже в Трелейне жила лишь горстка мужчин, которые...

– Привет, Поппи.

Она застыла. Голоса хватило для узнавания, но потом гость медленно повернулся.

И показал лицо.

Она еще в Трелейне слышала, что он изменился. Об этом говорили те, кто видел его или заявлял, что видел. Байки были почти одинаковые: лицо со шрамом, пустой взгляд, жуткий вид – прежний облик юного воина, отбросившего Чешуйчатых с городских укреплений, сожрал какой-то недуг, не имеющий названия ни в одном из человеческих языков. Она пренебрежительно хмыкала – ту же ерунду рассказывали про любого уличного бандита, болотного контрабандиста или прибрежного пирата, которого Стража не сумела привлечь к ответственности. Ничего удивительного, ведь нужно как-то объяснить, почему ты встретился лицом к лицу с преступником и позволил ему уйти. Почему он, несмотря ни на что, продолжает ускользать из твоих неуклюжих правоохранительных пальцев. Почему не хватило людей. Почему охотники за головами не сумели выполнить порученное им дело.

«Жуткий вид». О да. «Окутан чарами и тенями как нелюдь. Проходит сквозь стены».

Ахиня.

«Все может быть, – признался Финдрич, когда они беседовали на эту тему однажды вечером, ранней весной. – Мы потеряли нашего покровителя-двенду, который точно умел проходить сквозь стены, и молва твердит, что Рингил его прикончил. Люди говорят...»

«О, люди говорят! Люди? Слаб, хватит нести ерунду. С каких пор невежественные толпы не убаюкивают себя сказками и историями об исполнении желаний? Ты правда думаешь, что мы сумели бы управлять этими идиотами так, как управляем, если бы они не питали такую любовь к байкам, рассказываемым по ночам у костра?»

Она знала Рингила Эскиата, вероятно, лучше кого бы то ни было и не считала, что он сильно отличается от надменного болвана-аристократа, которым оставался всегда. Ну, чуть повзрослел и ожесточился за годы войны – а с кем было иначе?

Но теперь, когда их взгляды встретились, уверенность Поппи Снарл пошатнулась.

– Рингил, – проговорила она светским тоном, хоть это и было нелегко. – Тебя я должна благодарить за импровизированное восстание?

– Нет. Они все сами провернули.

Он говорил тихо, почти шептал, и пустыми глазами смотрел будто сквозь нее. Его длинные черные волосы были собраны в небрежный хвост, а шрам, про который все говорили, оказался белой как кость волнистой полосой вдоль челюсти, явно выставленной напоказ. В этом жесте ощущался намек на оборону. А еще с их последней встречи он похудел.

– Что ж... – Она рассмеялась, просчитывая ситуацию. Он пришел в лагерь один, даже не надев доспех под плащ. – Признаюсь, Гил, я не ожидала увидеть тебя здесь.

– Да, полагаю, так и есть.

– Ты же в курсе, что за твою голову назначена награда?

Он кивнул.

– Пятнадцать тысяч флоринов. Братья Силета приходили за ними в прошлом месяце.

Где-то между лопатками Поппи Снарл пробежал холодок. В Трелейне множились слухи – буйные, как сорняки в заброшенном саду, – о том, куда девалась семейка Силета. На улицах говорили, они на болотах, прячутся от Стражи. Или сбежали в Парашаль к одной из кузин, которая там заправляет борделем.

Либо их сожрали демоны.

Говорили многое, и это нужно было снова и снова просеивать, очищая от суеверий, выдумок и наглой лжи. После просеивания осталось сверкающее зерно истины: братья Силета, самые жестокие и грозные из бандитов портовых трущоб, бесследно исчезли.

Она пожала плечами, скрывая свои чувства.

– Думаю, они не последние.

– Наверняка. Деньги-то немалые.

Подошел имперский легат.

– Я правильно понимаю, что мы болтаем с преступником?!

Рингил бросил на него равнодушный взгляд.

– Ты кто такой?

– Я не собираюсь...

– Он представляет интересы Империи, – коротко ответила Снарл. – Ребята, с которыми ты успел потрепаться, – его охрана. А теперь, пожалуй, тебе лучше рассказать мне, что ты здесь делаешь.

Все тот же пустой взгляд.

– Сама не догадалась?

– Нет, не догадалась. – Она опять подавила слабую дрожь. Попробовала зачерпнуть силы в собственном гневе. – Если быть до конца честной, Гил, до сих пор я думала, что ты уполз обратно, в тот сраный городишко в горах, который спас во время войны. Туда, где тебя все еще считают кем-то вроде героя и не возражают против того, что ты трахаешь их сыновей.

– О, они возражают, Поппи. – Тонкая улыбка. – Даже там, будучи обязаны мне жизнью, они очень возражают. Но что они могут поделать? Сына нельзя контролировать, как дочь. Не посадить под замок и не избить до полусмерти, как жену. Во всяком случае, когда ему исполнится пятнадцать, такое точно не пройдет. Слишком велика вероятность получить сдачи.

– И клеток в этом... как его... Виселичном Проломе нет, верно?

– Виселичные Воды. Пролом – перевал над городом. И клетка у них была. Висела над городской площадью. – Лицо Рингила помрачнело. – Но в первое же лето я ее снял.

Ненадолго воцарилась тишина. Иргеш и имперские телохранители переглянулись. Все будто чего-то ждали.

– Очень... эксцентричный поступок, – наконец сказала Снарл. – Полагаю, удивляться не стоит. Но ты не ответил на мой...

– Я пришел убить тебя, Поппи.

Тишина нагрянула ревушим прибоем. Рингил ощутил поворотный момент, кружащий голову словно лихорадка – казалось, весь мир со свистом крутанулся вокруг своей оси. Украшенная аккуратной бородкой челюсть легата отвисла, руки имперских солдат – «Подсчитаем их – два, три, четыре!» – плавно легли на рукояти мечей. Иргеш уже шагнул вперед – судя по стойке, в бою от него особой угрозы не будет, но он не доверял Рингилу с момента, как увидел, что хозяйка напряглась, узнав гостя. Все встало на свои места, как кусочки решенной головоломки, геометрия момента и грядущего сражения определилась: тепло умирающего костра у Рингила за спиной именно такое, каким он его желал; мужчины и то, что они совершенно точно собрались делать в следующие несколько секунд, и где-то вон голос Ситлоу над соленой черной пустотой, точно эхо меж прибрежных утесов.

«Я знаю, что в тебе увидела акийя, Гил. И вижу, кем ты можешь стать, если позволишь себе это».

Он увидел сигнал легата – тот еле заметно шевельнул пальцем, но для чувств Рингила это движение было подобно предсмертному воплю на поле боя. Он услышал, как вокруг раздается тихий скрежет имперских клинков, покидающих ножны. Почувствовал, как надвигается битва словно стена подпитанного маслом пламени.

Перестал сдерживаться.

Кинжал из драконьего зуба выпал из левого рукава в ладонь, и Рингил, ухватив его лезвием вниз, уже поворачивался, вскинув правую руку мимо уха к выступающему наверху Друга Воронов за плечом. Шершавая рукоять меча будто приклеилась к его изогнутой ладони и нетерпеливо ринулась навстречу его движению. Рингил потянул, и кириатские ножны, разделившись вдоль, выпустили Друга Воронов на свободу.

Имперцы тоже обнажили оружие.

Он упал на одно колено. Движение было неосознанным, словно им овладел ураган неких сил. Рингил смутно ощутил, как над головой просвистел кавалерийский скимитар. Он будто разделился пополам вдоль линии, рассекающей середину грудной клетки: драконий зуб нырнул влево и вонзился в бедро ближайшего имперца, Друг Воронов двинулся вправо и ударил в ответ на взмах скимитара. Кажется, попал куда-то между глоткой и животом – Рингил двигался слишком быстро, чтобы рассмотреть точнее, к тому же ему было все равно.

Крики.

И где-то далеко – смех Ситлоу...

Он оставил кинжал там, где тот был, и вышел из низкой стойки. Взялся за Друга Воронов обеими руками, поменял хватку. Отбил пару клинков верхним краем меча и отвоевал себе несколько шагов пространства на поле боя. Кириатская сталь опять нетерпеливо ринулась вперед и лизнула Иргеша по лбу, от чего надсмотрщик взвыл и отпрянул, когда кровь хлынула ему в глаза. Порез острием – не смертельный, даже не нанесший большого урона, но охваченный алой паникой, вопящий Иргеш не мог этого знать, и ему было не суждено понять свою ошибку. Рингил блокировал клинок еще одного имперца, развернулся и, оказавшись за спиной противника, зацепил ногой его щиколотку. Сильно дернул, и имперец упал, распростерся посреди дымящихся углей костра. Взвизгнул, попытался укатиться, и его плащ загорелся в дюжине мест. Рингил атаковал Иргеша, отбил неуклюжий блок саблей и вонзил меч надсмотрщику в брюхо. Повернул, потянул назад. Надсмотрщик издал новый звук, низкий и скрежещущий, и Друг Воронов освободился, породив фонтан крови и того, что Иргеш ел на завтрак.

Рингил завертелся, рыча, словно ихелтетский боевой кот перед прыжком. С описавшего дугу кириатского клинка полетели капли крови, мелкие, как летний дождик.

Имперцы пятились от существа, оказавшегося посреди них.

Один лежал мертвый или умирающий, а то и просто в шоке от первого тычка снизу вверх, в грудь – Друг Воронов полюбил кость не меньше плоти, и Рингил сам не знал, насколько глубокой получилась рана. Другие были не в лучшей форме: один катался в кострище и вопил, пытаясь себя потушить, второй едва держался на ногах, с кинжалом Рингила в бедре. Лишь последний был невредим – Рингил двинулся ему навстречу.

Но они были имперскими солдатами, телохранителями почтенного имперского чиновника. Их вылепили из теста получше, чем погонщиков Поппи Снарл, и они превзошли ожидания Рингила. Тот, что катался в костре, сбросил плащ и выбрался из ловушки, через пару секунд должен был оказаться на ногах. Солдат с ножом в ноге неуклюже тянулся вниз, но глядел при этом на Рингила так, словно был голоден. Невредимый имперец шагнул вперед, прикрывая товарища, и остановил атаку Рингила. Клинки встретились с мрачным скрежетом. Солдат вырвал драконий кинжал из своей плоти, лишь раз заставив сквозь зубы. Выпрямился, все еще оскалившись, и потащился обратно в бой.

«Твою мать».

Краем глаза Рингил увидел, как Поппи Снарл высматривает посреди сбившихся в кучу рабов своих людей.

И ее глаза широко распахиваются от шока.

На это нет времени. Он встретил двух имперцев, что стояли на ногах, зигзагом стали, отбил оба клинка, но получил порез вдоль ребер; если раненая нога и беспокоила одного из противников, в бою это не проявлялось. Рингил злобно пнул его, целясь в колено. Промых-

нул, не стал тратить время на новую попытку, поспешно отпрянул и заметил, как сбоку размытым пятном надвигается обгорелый; взмахнул мечом, встречая атаку.

Едва успел.

Друг Воронов блокировал чужой клинок, словно живой, принял удар на себя. Зазвенел и задрожал; сталь атакующего соскользнула с него, а направление атаки сдвинулось на судьбоносные пару дюймов. Рингил покорился клинку, развернулся, инстинктивно вскинул руку и что-то схватил – пряжку на куртке, какой-то жесткий тканевый край, – а потом рванул на себя, лишая противника равновесия. Имперец пролетел мимо него, спотыкаясь. Рингил сделал ему подножку и уложил на землю. Не было времени довершить начатое Другом Воронов – остальные уже нападали, так что он ограничился пинком в висок.

И тут же почувал, что сзади, на уровне головы, надвигается стальное лезвие...

Неуклюже прыгнул в сторону, через распростертое тело, и едва опередил имперский ски-митар. Почувствовал, как острие зарылось в волосы, собранные в хвост, ощутил прохладный ветерок от движения клинка. Неловко приземлился, едва дыша, лишь наполовину уверенный, что его голова еще на плечах.

И развернулся, приняв защитную стойку. От понимания, как близка была смерть, его лицо озарилось напряженной улыбкой.

Оставшиеся два имперца ринулись вперед. Труп павшего товарища их замедлил. Но позади них легату наконец удалось вытащить собственный меч, и он взмахнул им не так, чтобы совсем неумело. И Поппи Снарл ползала на коленях в грязи у Иргеша, ища его оружие. Рингил почувствовал, как равновесие смещается, ощутил, что цель ускользает, и...

Нечто черное как ворон пронеслось мимо.

Будто мать успокоила непослушных мальчиков, но с невероятной скоростью. Опять что-то промчалось мимо Рингила, оставив в воздухе след, и два солдата резко остановились: из них торчали стрелы с черным оперением. Горло и глаз, грудь и живот.

Люди Эрила предпочли не рисковать.

«Ага... и еще они не спешили».

Имперцы задержались, забулькали и упали, мертвые или смертельно раненные, это уже не имело значения. Вокруг их тел взметнулись облачка пыли. Человек у ног Рингила застонал и дернулся, но не попытался встать.

Рингил перевел дух. Окинул взглядом свою победу.

Легат, вцепившись в меч, принял неуверенную защитную стойку. Поппи Снарл, присевшая возле убитого погонщика, моргала в изумлении от произошедшего. А посреди моря жмущихся друг к другу рабов к ним шли люди Эрила. Они были в одежде погонщиков, которых убили ночью, или рабов-беглецов, под видом которых вернулись в лагерь. Их вооружение – собственное ли, украденное – было весьма пестрым, но среди него имелось по меньшей мере полдюжины изогнутых луков, чьи тетивы из осторожности были натянуты наполовину. Сам Эрил вел собирающийся отряд, держа в каждой руке по ножу, и на его лице виднелись пятна крови – следы недавней рукопашной битвы.

Рингил проворно перешагнул через человека, которого ударил ногой по голове, пинком отправил Снарл в грязь, проходя мимо, и приставил острие Друга Воронов к горлу легата.

– Брось это, – предложил он.

Меч выпал из пальцев ихелътетца. Рингил опустил Друга Воронов и дождался, когда подойдут люди Эрила. Встретился взглядом с Поппи Снарл, наблюдавшей за ним с земли. Удивился всплеску ненависти, которую по-прежнему испытывал к этой женщине.

Раскрасневшийся имперский легат решил немного побушевать.

– Это... возмутительно! Вы хоть представляете, кто я такой?

Рингил повернулся к Эрилу.

– Мы представляем, кто он такой?

Головорез из Болотного братства пожал плечами.

– Какой-то мудак-торговец из Империи, да?

– Я легат, посланный к вашим соотечественникам самим императором Ихельтета и напрямую уполномоченный им!!!

Рингил кивнул.

– К несчастью, это правда. Видишь брошь у него на плече? Ихельтетская дипломатическая печать. И готов поспорить, что у него есть...

Он схватил легата за левую руку.

– Ага, кольцо тоже. – Он с отвращением отпустил руку легата. – Это последний гребанный раз, когда я доверяю шпионам Братства собирать для меня важные сведения.

Эрил смутился. На протяжении месяцев, пока они досаждали трелейским работорговцам, он как мог добивался для Рингила услуг со стороны Болотного братства, но Братство не очень желало сотрудничать. В конечном итоге, если отбросить в сторону хрень про «сынов свободного города, поклявшихся служить ему», они были преступниками, пытавшимися добиться уважения, и устроенный Рингилом террор им не более выгоден, чем работорговцам. А Эрил, если не брать в расчет кровавый долг, был просто вышибалой среднего звена, действовавшим в одиночку, вечно в опасности и с ограниченным влиянием.

«Удивлен, что все продолжалось так долго».

«Что ж, все-таки ты спас ему жизнь».

Рингил вздохнул и задумчиво огляделся. На востоке разгорался рассвет, слабо окрашивая опушку леса и песчаную местность ниже. От ночи остались бледнеющие лохмотья тьмы на западе, и окружающие Рингила рабы вместе с их новоявленными спасителями глядели на него тысячей глаз.

Имперский легат. Просто великолепно.

– Возможно, – продолжал кипятиться ихельтетец, – теперь вы осознали серьезность своей ошибки.

– Нет никакой ошибки, – сказал ему Рингил.

Поппи Снарл схватили, заставили встать и, не отпуская, подвели к Рингилу. Над ней глумились, ее лапали – Снарл хорошо справлялась с возрастом, пользуясь благами Либерализации и доходами от нового занятия. Ее глаза и волосы по-прежнему блестели, жесткое лицо поражало красотой, а на всех положенных местах фигуры имелись выпуклости. Наемники не упустили возможности пощупать наиболее выдающиеся. Она билась и плевалась, ее одежда порвалась. Кто-то – он потерял счет тем, кого нанимал Эрил; вроде это Бантир? или Хенгис? – поднял драконий кинжал из пыли, аккуратно вытер и поднес ему. Уважительно поклонился, вручая оружие. Рингил рассеянно его взял и спрятал.

Снарл боднула одного из тех, кто ее схватил, и он едва не упал. Другие отозвались гоголом.

– А она с норовом!

– Скоро с этим разберемся. Распялить ее как следует, и все.

– В очередь становись, приятель. Ты не...

Они притихли, когда приблизился Рингил. Он все еще держал Друга Воронов наголо. Снарл оскалила на него зубы.

– Твою мать, Гил, ты что творишь?

Он ненадолго устремил на нее задумчивый взгляд.

– Я лишь посланник. Имя Шерин тебе о чем-нибудь говорит?

– О, ради Хойрана! Слаб так и сказал, что ты... – Снарл опять забилась в руках мужчин. – Это впрямь из-за твоей дуры-родственницы? Знаешь, когда Финдрич мне об этом сказал, я не поверила. Ответила, что ты слишком умен для такого дерьма, и должна быть другая причина. Да что с тобой случилось, Гил? Раньше ты был игроком.

Рингил ударил ее по лицу. Кто-то из его людей глумливо ухнул в знак одобрения. Он ощутил, как подступает смутная тошнота.

– Я задал тебе вопрос, Поппи.

К тому моменту она знала, что вот-вот случится и что ее карта бита. На лице Поппи отразилось вызывающее неповиновение, закаленное улицей. Она плюнула в него, и в слюне виднелась кровь – должно быть, от удара Снарл прикусила щеку. Она изобразила жуткую улыбку, похожую на оскал черепа.

– Сам-то что думаешь, герой? По-твоему, я веду учет каждой сраной рабыни, которую покупаю, и помню каждую проданную за долги шваль, что попадает в мои сети?

– Эта конкретная сраная рабыня была моей родней.

– И что с того? Тебе кажется, я собственными глазами видела, как ее ломали? Что за херня, Гил, повзрослей наконец. Это бизнес. Думаешь, меня такие вещи волнуют?

Рингил вспомнил, где и как он нашел Шерин. Вспомнил, что с ней сделали.

Он посмотрел в глаза Поппи Снарл и не увидел там ничего, что мог бы победить.

– Забирайте ее, – сказал он деревянным голосом. – Делайте, что хотите. Но оставьте в живых.

Толпа наемников разразилась одобрителем ревом. Рингил застыл, наблюдая, как ее тащат прочь и начинают рвать одежду там, где уже появились прорехи. Она издала низкий горловой рык и забилась в их руках. Грудь вывалилась наружу, ее тотчас схватили и укусили, как фрукт. Снарл завопила от чистейшей ярости. Кто-то раздвинул ей ноги, жестко схватил за промежность. Новый вопль, на этот раз переходящий в рыдания, и наемники снова загоготали, слыша и видя происходящее. А потом Снарл унесли прочь, сомкнувшись над нею, будто крысы на гниющем мясе.

Рингил стоял и смотрел.

– Хенгис. – Внезапно вздрогнув, он ожил и схватил наемника за руку, пока тот не отправился присоединиться к насилию. – Хенгис!

– Дженгтир, мой господин.

– Дженгтир. – Рингил резко кивнул. – Я не шучу. Если она умрет, умрет и тот, кто будет в этом повинен.

– Конечно, господин, не переживайте. Я об этом позабочусь. Я, знаете ли, из нежных.

Дженгтир ухмыльнулся, высвободил руку и исчез.

Рингил повернулся спиной к бурлящей толпе мужчин, оседавшей вокруг женщины, которую он отдал на поживу. Ему захотелось вытереть рукой лицо, но это был слишком рискованный жест. Он поймал взгляд легата: тот вытаращил глаза.

– Какого хрена ты уставился? – прорычал Рингил.

– Вы не имеете права так поступать, – прошептал имперец на тетаннском, возможно не осознавая, что говорит вслух. – Император...

– Что «император»? – Рингил тоже перешел на тетаннский, приблизился к легату и ударил его в зубы наверху Друза Воронов. Имперец упал, Рингил встал над ним и закричал, перекрывая раздающийся позади шум: – Что сделает твой император? Скажи, что сделает ваш гребанный Джирал?!

Легат приложил руку к разбитому рту и, не веря собственным глазам, уставился на алую кровь, капающую с пальцев. Рингил резко присел рядом с ним и понизил голос до едкого, насмешливо-доверительного шепота:

– Насколько я знаю убьют Джирала Химрана, единственное, что он сделает, узнав о случившемся, – устроит в гареме постановку, воплощая свои фантазии, а сам расслабится и будет смотреть, пока у него не встанет достаточно, чтобы присоединиться. Но вы не переживайте, ваше превосходительство, это будет уже не ваша проблема.

Поппи Снарл позади них завопила и зарыдала, а насилующие ее мужчины взревели от похотливого удовольствия. Легат это услышал и уставился на Рингила так, словно тот был демоном, выползшим из трещины в земной коре в ответ на колдовской зов. Имперский посланец попытался отползти подальше от худого, изуродованного шрамом лица и того, что увидел в глазах Рингила, но он лежал на собственном плаще и не мог ни во что упереться. Каблуки его сапог скользили по шелковой подкладке.

– Что ты... – пробормотал он, цепenea от ужаса. – Что ты... творишь?!

Рингил отложил Друга Воронов и вытряхнул из рукава драконий зуб. Свободной рукой схватил легата за голову и сильно оттянул ее назад. Наклонился так близко, что почувствовал кислое от ужаса дыхание имперца – так близко, словно хотел поцеловать.

– Я отменяю рабство, – проговорил он.

И перерезал легату горло.

Глава восьмая

Они отчалили от железной набережной через час после рассвета – довольно неторопливое начало по военным меркам, но Арчет хотела, чтобы небо достаточно просветлело и люди окончательно успокоились. Она стояла у правого борта и смотрела, как «Меч божественного правосудия» дрейфует вдоль изгиба речного русла, начинает поворачивать, подчиняясь течению, а потом напрягается и вздрагивает, когда по обе стороны корпуса команда пускает в ход весла. Под палубой раздался гулкий удар ходового барабана, от которого задрожали даже доски под ногами полукровки, а потом она услышала, как распорядитель завел песню, задающую ритм:

Тащи-ка башку сутенерова сына
– Успели казнить! Успели казнить!
И лучшую шлюху тащи для почина
– Сучат наплодить! Сучат наплодить!
Тащи мой кошель, что украл сутенер
– Там пусто внутри! Там пусто внутри!
Тащи мне...

И так далее.

Она слушала, отрешившись от прочих мыслей, и слабая признательная улыбка играла на ее губах, а потом знакомые слова будто растворились в ритмичном потоке звуков. Неплохой выбор матросской песни – покидая берег с такой брутальной бравадой, некоторые могли воодушевиться и забыть, как накануне отправились в постель, бормоча о колдовстве и демонических явлениях.

Впрочем, проснулись они с теми же мыслями.

Фрегат тащился вверх по течению под барабанный бой. Небо на юго-востоке алело от утренней зари, хотя солнце еще пряталось за длинным плечом Ан-Монала. Арчет облокотилась на перила и, прищурившись от яркого света, смотрела на далекий дым.

Он не изменился с восхода – единственная тонкая колонна, будто нарисованная углем, словно ремесленник прочертил линию на сияющей синей плитке небес. Проснувшись утром, она услышала разговоры мужчин, заметивших эту линию. За окном ее каюты потихоньку нарастал серый свет с востока, а с ним и встревоженные возгласы, которые превращались в маленькую бурю споров и растерянных ругательств, пока Сенгер Хальд не спустился по трапу и грозным рыком не вынудил всех заткнуться.

Если у него и были собственные опасения, он хорошо их скрывал. Задачи были подтверждены, лагерь вдоль причалов собран, фрегат загружен для отплытия. Морские пехотинцы работали достаточно сноровисто, но Арчет слышала, как они вполголоса обмениваются фразами, проходя мимо ее каюты на причал. Большей частью они были набожными людьми, на свой грубый лад, а происходящее слишком сильно напоминало кое-какие наиболее зловещие пророчества из глав Откровения, посвященных Последней Битве за Божественное. Ночью вспыхнул демонический огонь, и теперь нечто горело на востоке. Выводы напрашивались сами собой.

Солнце выскользнуло из-за вулкана как раскаленная монета, отделилось от горизонта и начало подниматься. Арчет зевнула и подумала, что надо бы выпить еще кофе. В своей огромной каюте спала она плохо. Вовсе не спала на самом деле: всю ночь ворочалась с боку на бок, то погружаясь в дрему, то пробуждаясь, словно фрегат, бороздящий штормовое море. Вот еще одна «выгода» от того, что она бросила кринзанц. Арчет не помнила, что ей снилось, за

исключением того, что во сне пришел отец – выглядел он плохо и все предупреждал о какой-то угрозе, чью суть и форму она не смогла осознать.

«Ты должна попытаться, – вспомнились ей его мольбы. – Только не бросай попытки».

Она видела большие грубые руки, которыми он упирался в стол с разбросанными картами, и глаза, поблескивающие во мраке. А за окном раздавался тонкий стон – то ли кто-то страдал от боли, то ли работала кириатская машина, неведомая ей, или то и другое разом.

«Если ты не попытаешься, то кто же? Кто остался, Арчиди?»

И внезапно полукровка поняла – с той резкой уверенностью, что приходит лишь в снах, – что он мертв, и она следующая, и то, что стонало за окном, приближалось, и скоро оно прижмется к стеклу, заглянет в комнату. И она...

Проснулась. Сон прервался резко – сломался как ветка под ногами.

Арчет уставилась во тьму, заполнившую каюту.

И так далее, снова и снова, пока ночь не истерлась на острых зубцах шестерней в ее мыслях. Пока рассвет не просочился в окно, словно бледное, невнятное спасение, и не одарил ее временной целью в жизни.

От второго зевка Арчет чуть не вывихнула челюсть. Моргнула из-за солнечного света, поняла намек и спустилась на камбуз. По пути обратно, обеими руками держа теплую кружку, она столкнулась с Ханешем Галатом.

– Доброе утро, моя госпожа.

– Ага... – Арчет уже прошла мимо него по трапу, поднимаясь наверх. Попыталась не расслышать, как он бормочет позади:

– Могу ли я, э-э, присоединиться?

Полукровка издала невнятный звук, который надзиратель, видимо, принял за согласие. Он проводил ее до ограждения борта и прислонился там, на дипломатичном расстоянии от ее правого локтя. Проговорил неловко:

– Красивое утро.

Она глядела на проблески оранжевого золота на поверхности реки, на блеск движущихся весел. «Кринзанц, кринзанц – продам душу за четверть унции». Безупречная вежливость потребовала усилий.

– Наверное.

– Я, э-э-э... – Галат медлил и от этого выглядел до странности молодо. – Понимаете, я родом с севера, из окрестностей Ванбира. Нам с солнцем не очень повезло.

«Вам вообще в последнее время не везет», – чуть не сказала Арчет.

Сцены разгрома Ванбирского восстания промаршировали в ее голове, будто колонна похотливых троллей. Вопли, дым, горящие сельские лачуги и задыхающиеся от дыма и мольбы фигуры, которых пиками швыряли назад, когда они пытались выбраться наружу. Головы, которыми играли в мяч на мощеных улицах городов. Дети, которых бросали с верхних этажей и насаживали на мечи ради забавы. А их матери рыдали и выли, пока их насиловали, обеспечивая привычный имперским солдатам отдых.

Таков был приказ императора, и его исполнили в точности. Акал Великий хотел привести пример, преподать урок: вот что происходит, когда у пограничной имперской провинции появляются мечты о независимости. Все, кто побывал в тех местах, согласились, что урок ванбирцам преподали с диктаторской мощью – хотя подробности, конечно, были сильно переработаны, сообразно изысканным нравам придворных. Что касается самого императора, который старел и все сильнее слабел от ран, полученных на войне, то Акал не смог поехать с армией в Ванбир и не увидел собственными глазами те разнообразные способы, коими его солдаты покрывали себя славой.

Арчет, которую назначили придворным наблюдателем за происходящим, со злобной радостью ликвидировала этот пробел, в точности поведав больному императору обо всем, не

упустив ни одной детали и кое-что повторяя на всякий случай; а он лежал на постели, обессиленный, что-то бормотал про «необходимость» и не хотел встречаться с ней взглядом.

После того как на престол взошел наследник и при дворе начались роптания против Джирала, она, на удивление, испытала к недовольным жгучее презрение: их воспоминания об отце молодого императора явно отличались избирательностью.

И она была почти рада, когда Джирал воздал им по заслугам.

Почти.

– Вы приехали в столицу молодым? – спросила она Галата, чтобы прогнать воспоминания.

– До восстания, да. – Может, он заметил тень, что пробежала по ее лицу. Он откашлялся. – Мне было девять, когда я стал избранником Учителей. Это большая честь для моей семьи.

– Да, наверное.

– Именно так. «Служение ближнему может принимать разные формы, но те, кто служит Откровению, имеют привилегий сверх меры».

Арчет встретила это заявление с каменным лицом.

– Несомненно.

– Но при всем этом, я думаю, отец предпочел бы увидеть меня в мундире. Мы – семья потомственных военных.

– Тогда ваш отец, наверное, в восторге от того, в каком направлении теперь развиваются наставления Учителей. «Каждый верный приверженец будет считать себя воином за дело праведников, несущих не только слово Откровения, но и его святой меч».

Ханеш Галат снова откашлялся.

– На самом деле по поводу скрытого значения последнего образа ведутся некоторые дебаты.

– Пашла Менкарак считает иначе.

Еще одна неловкая пауза, на этот раз достаточно долгая, чтобы Арчет оглянулась проверить, не ушел ли Галат. Он смущенно отвел взгляд.

– Арх-надзиратель Менкарак, э-э, весьма ученый человек. Прекрасный знаток Откровения и проникательный толкователь доктрины. Отличный писатель, среди Учителей – один из лучших. Но я уверен, он согласился бы с тем, что его мнение – лишь мнение смертного и, следовательно, потенциально ошибочно.

– Вы с ним встречались?

– Э-э-э, не лично.

– Мне не показалось, что он мог бы с таким согласиться.

Между ними воцарилась тишина, и она подумала, что, вероятно, сейчас он разозлится. Но не тут-то было. Он стискивал перила руками, топтался, но не двигался с места, будто прикованный. Арчет чувствовала, как он мысленно подбирает слова, отбрасывает и снова ищет нужные. В лучшем настроении она могла бы ему помочь.

Но она была не в лучшем настроении.

– Это, э-э-э, разочарование в нынешних представителях Откровения... – наконец попытался он. – Я ему не удивляюсь.

– В самом деле?

– Да. Я прекрасно понимаю, что ваши недавние взаимодействия с Цитаделью не были, скажем так, дружественными. Я... мне об этом рассказали.

Последнее прямое общение Арчет с представителем Цитадели заключалось в том, что она перерезала ему горло среди бела дня и посреди бульвара. Она проговорила ровным голосом, не отрывая взгляда от проплывающего мимо берега:

– У вас дипломатический подход к словам, надзиратель Галат.

– Да, э-э-э, благодарю. – Он не смотрел ей в лицо. Но, кажется, раздобыл в себе немного храбрости и продолжил, краснея: – Мы не все согласны с арх-надзирателем Менкараком, моя госпожа. Мы не все полны ненависти. Возможно, вам следует иметь это в виду.

А потом, к удивлению Арчет, он оставил ее одну.

Незадолго до полудня «Меч божественного правосудия» врезался в илистую отмель, не указанную на картах, и намертво застрял.

Все случилось без предупреждения – корабль внезапно содрогнулся, а потом откуда-то снизу донесся жуткий звук, напоминающий стон, словно они врезались в огромного осла. Палуба сильно подпрыгнула и накренилась. Арчет зашаталась от удара и чуть не шлепнулась на задницу, но твердая рука Сенгера Хальда на плече помогла ей удержать равновесие. Пара молодых морских пехотинцев, стоявших неподалеку, и впрямь упали, развеселив товарищей. Где-то внизу лошади в отведенных им каморках выразили протест. А на гребной палубе раздались крики и стоны гребцов. Они были опытными речниками и понимали, что значит этот звук.

Распорядитель заорал:

– Табань! ² Табань, кому говорю! Раз! Два! Гребите как следует, а не как бабы!

Арчет и Хальд пробрались по наклоненной палубе к ограждению борта и выглянули наружу. В мутной коричневой воде они ничего не увидели, но было ясно, что, несмотря на увещевания распорядителя, гребцы старались напрасно.

– Ну же! Моя младшая сестра гребет лучше вас, суки! Табаньте, как надо, мать вашу! Раз! Два!

Весла раз за разом погружались в воду, и она будто вскипела. Распорядитель гребцов оскорблял их все сильнее. Так продолжалось пару минут, а потом они услышали, как Лал Ньянар со своего поста на носу кричит, чтобы они остановились. Мгновение спустя он вышел на палубу, сверкая глазами.

– Мы застряли, – Ньянар констатировал очевидный факт. – Придется высадить отряды людей на берег и тащить судно на веревках. Единственная хорошая новость в том, что мы недалеко от цели. Это изгиб русла, и прямо напротив нас, на другом берегу, приличный участок галечного пляжа.

Хальд пожал плечами.

– Тогда, полагаю, отсюда и начнем.

Они с Ньянаром разделили людей, оставив большую часть с кораблем, чтобы помогали его тащить. Оставшиеся спустили на воду три шлюпки, погрузили на них через люк в корпусе необходимое снаряжение, лошадей Хальда и Арчет, а потом, работая веслами, пересекли русло реки и высадились на галечном пляже. Пришлось пережить несколько напряженных моментов, когда гигантский пустынный крок с шумом вошел в воду выше по течению и проплыл, как любопытное бревно, мимо лодок. Сенгер Хальд поставил на каждой корме людей с заряженными и взведенными арбалетами, поручил другим успокоить лошадей, сам же незаметно удвоил ритм песни, под которую двигались весла. Сперва крок будто сомневался, стоит ли пойти за ними к берегу, но в конце концов взмахнул желто-черным бронированным хвостом и поплыл вниз по течению в поисках более легкой добычи.

Когда тварь уплыла, все, кто был в лодках, перевели дух.

– Долбаные твари... – пробормотал один из молодых морпехов.

Его спутник, сидящий с противоположной стороны, был старше, его виски и бороду уже посеребрила седина. Он хмыкнул и стиснул зубы, налегая на весло.

– Считай, тебе повезло, сынок. Ты поглядел на тупую ящерицу, а кое-кому из нас пришлось столкнуться с умными.

² Табанить – грести в обратную сторону, чтобы сделать разворот или дать задний ход.

Наклонившись для следующего рывка, он встретился взглядом с Арчет.

Она не помнила его лица по военным годам. Может, на линии фронта они стояли рядом, а может, и нет. Там были тысячи лиц, и большинство уже мертвы. Скорее всего, она просто стала чем-то вроде символа – чернейшее кириатское лицо, осанка, глаза; воспоминание об ушедшем времени, когда в час величайшей нужды человечества мужчины и женщины, похожие на нее, стояли во главе каждой армии, которую Ихельтет отправил на поле боя.

– Ганч, – сказал кто-то из сидящих дальше, – почему бы тебе, блядь, не отдохнуть от военных баек, а?

Все рассмеялись, включая Ганча.

Они высадились без дальнейших происшествий. Морпехи все еще обменивались обеспокоенными ухмылками, пока с плеском выпрыгивали за борт, где воды было по колено, и тащили лодки на берег. Воцарилось слишком громкое веселье, слышались грубые шутки, но всем пришлось взять себя в руки, когда Сенгер Хальд приказал построиться и выбрал двадцать человек, которых отправил в разведку. Он кратко изложил им суть поисков, а остальным велел разбить лагерь у лодок, после чего оседлал коня и бросил на Арчет, которая уже сидела верхом, полный сомнений взгляд.

– Что ж, моя госпожа, давайте покончим с этим.

Они ехали по безмолвной пустыне, отслеживая дым. Вокруг простирались древние, изломанные потоки лавы; пустынная местность, куда ни кинь взгляд, не обещала укрытия от солнца. Сперва вокруг рос какой-то низенький кустарник, но, по мере того как они уходили от реки по плавно поднимающимся окрестностям Ан-Монала, даже такая растительность исчезла. Вулкан высился в небесах у них за спиной, словно некий живой и бдительный страж. Хальд больше не пытался завести беседу; единственными звуками, которые нарушали тишину, были стук копыт, позвякивание упряжи и хрустящий топот морпехов, марширующих позади.

Они нашли дерево примерно через час. Это был кальдерный дуб, произрастающий на склонах Ан-Монала. Обычно в такой засушливой, скупой на тень местности подобные деревья выглядели величественно и радовали глаз.

Но этот дуб превратился в обгорелый остов.

Сенгер Хальд натянул поводья и поднял руку. Звук марширующих ног затих. Они остановились вблизи от почерневшего скелета дерева. Глядеть особенно было не на что – листва полностью сгорела, но обуглившиеся ветки еще тлели в кристально-чистом воздухе на фоне голубого неба. Арчет подвела коня ближе, наклонилась и потрогала рукой ствол. Пальцы испачкались в саже и покрылись густым слоем пепла.

Морпехи позади забормотали. Она изучила пепел на пальцах и незаметно для остальных прислушалась.

– Эти деревья не горят, мать твою.

– Да что ты говоришь? Древесина горит. Любая, так или иначе.

– погоди, Трат – он прав. Мой старик вырос на лавовых полях к северу от Оронака. Он всегда говорил, что на такой дуб можно вылить два галлона лампового масла, но у него только самые тоненькие ветки чуток скукожатся.

– Ну? И как такое случилось? Я хочу сказать, ты видишь то же, что и я, верно?

– Вижу, ага. И мне это не нравится.

– А чего ты ожидал? Монал тарашится нам в спину, мы топаем вслед за этой черной головешкой. Думал, мы...

– Заткнись на хрен, мужик! Сержант идет, он тебя услышит.

Полукровка перестала подслушивать и позволила словам уплыть, как уплывают листья по течению реки. Но она знала, что они на нее смотрят – чувствовала быстрые взгляды украдкой, словно булавоочные уколы на шее и плечах. И хотя сержант действительно прошел к началу колонны и рывкнул что-то про тишину в строю, она знала: этой ночью в лагере все будут рас-

сказывать друг другу байки у костра, мифы про Вулкан и Вулканный народ, про какого-нибудь дядю, который однажды – нет, только послушай! – когда был молод, и кириаты...

И так далее.

– Вы этого ждали? – негромко спросил Хальд.

Она покачала головой.

– Такого – нет, не ждала.

Несказанное слово повисло в воздухе между ними.

«Дракон».

Это был не дракон.

На самом деле ничего подобного.

За первым деревом обнаружили другие, схожим образом уничтоженные огнем, и следы его воздействия вели к колонне дыма в центре разверзшейся на просторном уклоне Ан-Монала дыры, похожей на широкую и неглубокую чашу. Здесь уцелевшие деревья были сожжены до высоких зазубренных пней, напоминающих колья и клонящихся под странными углами. Вдоль верхнего края «чаши» красноватая пустыня почернела от жара, а ниже, ближе к ее центру, чернота уступала место бледному стекловидному веществу, которое переливалось на солнце всеми цветами радуги.

Столб дыма безмятежно поднимался над какой-то кучей на самом дне чаши. Это был завершающий штрих, придающий месту зловещее сходство с маленьким вулканическим кратером.

Арчет спешила и встала на краю, глядя вниз.

«Мы проделали такой путь... ради этого?»

От мерцания горячего воздуха и расстояния форма центрального объекта выглядела дрожащей и нечеткой, но Арчет подумала, что он смахивает на груды шлака, какие порой возникали рядом с кириатскими машинами из черного железа подле их заводов к югу от Монала.

«Манатан, если это шутка в духе Кормчих, я возьму кувалду и разворочу твои внутренности нахуй».

Если ей удастся их найти.

– Оставьте лошадь, – устало сказала она Хальду. – Она все равно не сможет идти по этой поверхности. И скажите своим людям, чтобы были осторожны – там будет скользко, как на камнях у водопада.

Сенгер Хальд спешил и присоединился к Арчет. Прикрыл глаза ладонью, окидывая кратер взглядом.

– Похоже на кириатские валы в Хангсете и Ханлиаге, верно?

– На первый взгляд, да. Кириатские укрепления создают с помощью высоких температур, а тут прошлой ночью, похоже, и впрямь было очень жарко.

Она еще немного подождала, пока Хальд отдаст приказ сержанту, шурясь от марева и радужного сияния стекла. В Хангсете она видела, как рептилии-пеоны пытались карабкаться по укреплениям, возведенным инженерами ее отца; им удавалось преодолеть в лучшем случае два-три ярда, затем поверхность становилась слишком скользкой, и твари, дергаясь и рыча, падали обратно в море, беспомощно царапая когтями стеклянный склон.

Она спросила себя, разглядывая чашу, не является ли и та своего рода защитой.

– Собираешься провести в созерцаниях весь день, дочь Флараднама?

На мгновение потрясенной Арчет показалось, что голос заговорил с ней одной. Ощущение интимного шепота на ухо было таким же, как когда Манатан обращался к ней в крепости Ан-Монала. Но потом Арчет увидела, как напрягся Сенгер Хальд, а морпехи начали озираться, схватившись за мечи, и поняла, что звучный ироничный голос со слегка искаженными интонациями услышали все.

– Да-да, я обращаюсь к тебе. – Голос был повыше, чем у Манатана, почти женский, и граничащая с безумием нотка выделялась в нем резче, сильнее. – К тебе и толпе туземцев, которую ты приволокла. Вы не могли бы хоть изобразить, что спешите на помощь? Манатан утверждал, что в трудную минуту на тебя можно рассчитывать, но, сдается мне, это было преувеличение.

Бородатое лицо Хальда, стоящего рядом с Арчет, было напряженным и бдительным.

– Моя госпожа?

– Все в порядке. – Арчет подняла руку, изображая спокойствие, которого не чувствовала.

– Оно знает ваше имя, госпожа.

– Еще бы, – язвительно произнес голос. – Твое имя оно тоже знает, Сенгер Хальд. А также имена всех твоих людей, за исключением дылды с дуэльными шрамами, который в силу определенных причин использует псевдоним и не помнит, как его звали когда-то. На твоём месте я бы его проверил – элитному имперскому подразделению не подобает иметь в своих рядах такого человека.

Арчет оглянулась на морпехов. Они все хватались за амулеты или делали знаки, отводящие беду. Дуэльные шрамы были у многих; поди разбери, кого имел в виду голос, но недоверчивые взгляды замелькали тут и там. Кто-то должен был взять ситуацию в свои руки, да поскорее. Она откашлялась и слегка приподняла подбородок, за неимением точного направления, куда следовало обратить лицо.

– Ты посланник, которого обещал Манатан?

– Нет, я просто демонический голос посреди пустыни. – Со дна кратера раздался громкий треск. – Разумеется, я посланник, дочь Флараднама. Разве ты не видела дым? А теперь, будь добра, спустись и устрой какой-нибудь транспорт до Ихельтета. У меня крайне важное дело.

В самом центре, посреди марева, что-то зашевелилось.

Глава девятая

Они все еще насиловали Поппи Снарл, когда красный край солнца оторвался от зарослей кустарника с восточной стороны горизонта.

Рингил сидел на возвышении рядом с палатками надсмотрщиков и слушал, устремив взгляд навстречу утреннему светилу, будто ловил ветер. Он исчерпал весомые поводы отвлечься от происходящего: долго и тщательно чистил Друга Воронов, потом вложил его в ножны на спине; понаблюдал, как разношерстная команда наемников Эрила проверяет трупы погонщиков и имперцев, перерезая глотки по необходимости, но чаще просто шаря по карманам; обыскал палатку Снарл в поисках чего-нибудь, хотя бы отдаленно полезного, перевернул там все ящики и сорвал печати с пергаментных свитков, просмотрел витиевато составленные документы, которые оказались ошеломляюще банальными или зашифрованными.

Все было бессмысленно – звуки изнасилования преследовали его, чем бы он ни занимался, крики Снарл перешли в рыдания и наконец в низкие редкие стоны; в мужчинах схожим образом поубавилось веселья, будто им было не так уж приятно делать то, что они делали, не встречая сопротивления.

Он уже слышал все это на войне.

Подожел Эрил и присел рядом. Рингил кивнул, но не посмотрел в его сторону.

– Как у нас дела?

– Довольно неплохо во всех отношениях. Мы потеряли в бою семерых и еще четверых не досчитались – возможно, заблудились в лесу. Пара раненых. Паргиля, толстяка, помнишь? Ему руку сильно разрубили, наверное, врач оттяпает, когда доставим парня к нему. Но идти он пока может. А еще одного придется нести: ему всадили клинок в брюхо. У остальных – обычные порезы, ничего серьезного.

Рингил подсчитал в уме.

– Осталось восемнадцать.

– Девятнадцать. Еще старикан, которого мы взяли в гавани Хрешим на прошлой неделе.

– Точно. Совсем про него забыл.

Тишина – и где-то поодаль тихие, приглушенные звуки, которые издавала Поппи Снарл. Пыхтение мужчин. Эрил будто что-то прочитал по лицу Рингила, пока они слушали. Откашлялся.

– Хочешь, чтобы я их остановил?

Рингил бросил на него взгляд, от которого болотник вздрогнул. Эскиат опять уставился на восходящее солнце.

– Я имел в виду... – нерешительно проговорил Эрил. – Ну, ты сказал, что не хочешь, чтобы она...

– Умерла? – вырвалось у Рингила. Он с усилием вырвался из серых краев собственных мыслей. – Поппи Снарл начинала в портовых трущобах. Ей и десяти не было, когда она присоединилась к Невестам Ила. К пятнадцати она ими руководила. Чтобы такую убить, нужно что-то посерьезнее группового изнасилования.

Эрилу показалось, что в этих словах прозвучало невольное восхищение. Он покачался на корточках, снова откашлялся.

– Ладно, но... эти парни, они не то чтобы... э-э... мы маловато им заплатили, а нанимать пришлось быстро, так что они не из самых...

– Солдаты насилуют, – отрезал Рингил. – Сколько бы им ни платили. В этом их суть. По-твоему, я в первый раз вынужден слушать...

Осекся, сжал челюсти. Вскочил так резко, словно его подбросил какой-то механизм, невидимый Эрилу. Прошептал:

– На хрен это дерьмо.

И сошел по склону к месту, где еще один в короткой грязной очереди двигался вверх-вниз на распростертом обнаженном теле Снарл. Наемник спустил бриджи до самых сапог, пояс с мечом и ножнами поспешно швырнул в сторону. Он издавал гортанный звук всякий раз, когда вонзался в женщину под собой.

Рингил схватил его за всклокоченные волосы и оттащил прочь. Услышал сдавленный визг и швырнул в сторону, прямо на брошенный пояс с мечом.

– Хватит.

Наемник, которому прервали удовольствие, вскочил, насколько позволяли спущенные штаны, одной рукой прикрывая еще стоящий и пульсирующий член, а другой нащупывая рукоять меча. Его лицо превратилось в маску ярости с узкими щелочками глаз. Он сдавленно выкрикнул:

– Ты! Ублюдок...

Пальцы отыскивали рукоять меча и вцепились в нее.

– Ну давай, – сказал Рингил. – Дай мне повод.

Он не отвел взгляд. Два удара сердца надеялся, что наемник не отступит. Потому что его – он это чувствовал по дрожи, которая охватила все тело, – можно было уделывать голыми руками.

Член наемника съезжился и сморщился, повис, как шея ошипанной и зарезанной курицы. Пальцы соскользнули с рукояти меча. Он отвел взгляд, слабо хихикнул.

– Все в порядке. Забудь. – Он неловко привстал, дернул штаны вверх и поднялся. – В любом случае ничего не потерял. На пристани в Балдаране случалось прижать бабу и получше.

Рингил поджал губы, провел языком по краю передних зубов. Ему все еще хотелось убить этого человека.

– Оденься, – резко бросил он. Большим пальцем указал себе за спину, коснувшись костяшками пальцев рукояти Друга Воронов. – Ступай и займись тем, за что тебе платят. Начиная снимать кандалы с этих людей.

Наемник помедлил, облизнул губы. Что-то радостное пришло ему в голову, и он повеселел. Застегнул бриджи, наклонился и поднял меч. Когда он выпрямился, Рингил шагнул ближе и схватил его за плечо. Приблизил его лицо к своему и вперил жесткий взгляд.

– И не трогай женщин. На сегодня хватит удовольствий. Поймаю тебя с кем-то еще – подрежу поджилки и брошу тут, гиенам на поживу. Понял?

В напряженном молчании он ощутил, как у наемника воняет из рта: словно из склепа. Свободная рука Рингила сжалась в кулак.

– Я спрашиваю: ты меня понял?

Наемник сглотнул и опустил глаза. Молча высвободился из хватки Рингила, отступил назад.

– Да понял я, блядь, понял – чего еще? Оставь меня в покое. Что я такого сделал, а? Что я, блядь, сделал?

Он поплелся вниз по склону, сердито дергая свой пояс с мечом, слишком высоко сидевший на талии. Рингил повернулся и окинул взглядом остальных, ожидающих своей очереди.

– Вы тоже. Веселье закончилось. Мы освободим рабов и накормим. Дженгтир, позаботься, чтобы все прошло как надо.

Мужчины с сомнением переглянулись. Дженгтир откашлялся.

– Мой господин, это... займет много времени. Мы не...

– Я выгляжу так, будто мне нужны твои сраные советы?!

Дженгтир дернулся. Он повернулся и что-то пробормотал остальным, взмахом руки указав вниз по склону. Они пошли, но не быстро и бросая возмущенные взгляды через плечо.

Рингил ловил каждый взгляд и отвечал сурово. Он чувствовал, как бразды правления уплывают из его рук. Но ему было по большому счету все равно.

У его ног раздался слабый кашляющий смех.

Он посмотрел вниз. Поппи Снарл, дрожа, приподнялась на локте и попыталась спрятать ноги под себя. Ее рот был разбит, в уголке быстро наливался синяк и подсыхала струйка крови. Один глаз заплыл и почти не открывался, а на обнаженном теле тут и там виднелись следы укусов.

– Ты потерял вкус к мести, Эскиат? – Поппи обняла себя руками за плечи. Она начинала трястись, но все равно глядела на него снизу вверх и вызывающе. – Вы, охуенно богатые детки, все одинаковые. Как доходит до дела, сразу хвосты поджигаете. Испорченный тупой маленький извращенец из Луговин – вот каков ты на самом деле. Финдрич и остальные сильно в тебе ошибаются. Ты мягкий, как гной из прыща.

– Это не моя месть, – отрешенно проговорил он.

– О да. – Она оскалила зубы и плюнула ему под ноги. – Бедняжка Шерин. Значит, она пожелала, чтобы все вышло так?

– Нет. Она просто попросила, чтобы я тебя убил. – Рингил вытащил из рукава драконий кинжал. Присел рядом со Снарл. – Но она ничего не говорила о том, чтобы я защищал твою честь до последней минуты.

– Честь. – Из горла Поппи Снарл вырвался жуткий булькающий смех. – О, какие интересные правила жизни у другой половины человечества. Честь?! Ты правда думаешь, что это первый раз, когда меня изнасиловали? Или, по-твоему, десятый? Двадцатый?

– Мне плавать, Поппи.

– Иди на хер, Эскиат. Думаешь, я дожила бы до четырнадцати лет в портовых трущобах, если бы сломалась так же легко, как твоя сучка-кузина? Скажи своим родственникам Эскиатам, что я как женщина в десять раз круче Шерин, пусть и в два раза старше. Передай им это от меня.

– Не передам, – тихо ответил Рингил. – Я им скажу, что ты сдохла, рыдая и умоляя о пощаде.

– Ты всегда был сраным лжецом. – Она вздернула подбородок, обнажила горло и ухмыльнулась. – Чего ждешь, жеманная дрянь? Прикончи меня наконец.

Он оставил ее тело там, где оно лежало, и спустился вниз, к вереницам рабов, которые ей принадлежали. Вокруг него туда-сюда ходили злые наемники с болторезами, освобождая пленников и бросая к их ногам черствый хлеб. Ни один из проходивших мимо не встретился с ним взглядом.

«Люди под вашим командованием способны возненавидеть вас, – однажды написал он в трактате о современных способах ведения войны, который так и не был опубликован. – И кто может их винить? Они видят, как вы пьете хорошее вино и едите мясо, пока им приходится питаться кашей. Они спят, укрываясь мешковиной, а вы – шелками. Они обходятся ржавыми поношенными кольчугами, а вы сверкаете изготовленными на заказ доспехами. А когда начинается битва против известных врагов человеческого рода, они знают: если офицер уходит в плен, его, скорее всего, ждут пирушки благородных командиров с противоположной стороны фронта, после чего – выкуп и благополучное возвращение домой. Их же наверняка будут пытать, искалечат или убьют.

Кто в таких обстоятельствах – если не распалить его иллюзорную племенную гордыню, пообещав возможность изнасилований и грабежа, – не возненавидит своего командира?»

Конечно, когда появился Чешуйчатый народ, все изменилось. Ящеры не делали разницы между солдатской плотью и благородной – она явно имела для них одинаковый вкус. Натываясь вновь и вновь на очаги с потрескавшимися и почерневшими человеческими костями, которые

твари обычно оставляли в своих лагерях, солдаты Лиги неожиданно обрели леденящее душу понимание того, что все они – люди, и им противостоит один и тот же враг. Они больше не сражались за то, чтобы воткнуть флаг на бессмысленной высоте или отомстить за то или иное оскорбление, которое нанесли друг другу в бесконечных сварах благородные семьи либо отцы городов, коим принадлежало все, что видел глаз.

Они сражались, чтобы их не съели.

Когда молодой Рингил Эскиат – на тот момент занимавший должность-синекуру младшего офицера по связям с маджакскими наемниками на службе Трелейна – это ощутил, его захлестнула холодная и чистая ясность, словно он окунулся в водопад Трелигаль. Другие командиры из благородных семейств Лиги в ужасе шарахались от такой перемены, а Рингил принял ее с готовностью и обнял, как мускулистый торс случайного любовника в переулке.

И это помогло ему пройти войну, позволило выйти против ящеров в Виселичном Проломе, где он рассчитывал погибнуть, но стал героем.

А потом, в тошнотворном будто похмелье утреннем свете, озарившем их победу над Чешуйчатым народом, обещание грядущих перемен – как и уйма тех самых мускулистых любовников из переулков в течение многих лет – покинуло его и исчезло навсегда.

В тот раз ему потребовалось время, чтобы осознать случившееся. Он был еще молод и действительно верил в перемены. Но, по мере того как нормы менялись, возвращаясь к прежнему или становясь адски похожими на то, что было, эта вера стала ему мешать. Позднее она его чуть не убила. Хотя на самом деле подвела куда ближе к смерти, чем когда-либо удавалось Чешуйчатому народу – в конце понадобилось вмешательство Арчет, чтобы спасти его и дать понимание: они уберегли человечество от ящеров, чтобы означенное человечество могло вернуться в ту же яму невежества и угнетения, где пребывало раньше, и барахтаться там в свое удовольствие.

Он ушел.

Прочь от почестей и предложений, затрепавшего по швам единства Лиги и Империи; прочь от тысячи мелких свар и стычек из-за территории, в которые выродилась война. Он выплюнул, как мог, ее послевкусие и, кроме других бессмысленных занятий, сел писать свой трактат.

Итак, ненависть. Раз она опять обрела сраную популярность.

«Но ненависть, – напоминал он своим предполагаемым читателям, молодым и перспективным командирам из благородных семейств, – это любопытное чувство, часто сродни любви, а в действительности напоминающее любовь в той же степени, в какой отражение в кривом зеркале дешевой комнаты страха напоминает вас. Что еще любопытнее, в раскаленном добела аду битвы, истинной комнате страха, где люди убивают и умирают ради неопределенных причин, иной раз можно пройти сквозь это зеркало. Совершите такой переход, найдите способ оказаться на другой стороне – и ненависть, которую к вам питают солдаты, тоже может преобразиться в чистую всепоглощающую любовь, ради которой они последуют за вами, готовые отдать жизнь».

Рингил признавал, что это невероятно странное заявление, и все же он видел подобное в ревящем хаосе войны не раз; магию, проворную словно ртуть – впрочем, то же можно сказать о многом из случившегося с ним в те годы. Сколько ему довелось пережить хаотичных, чудесных и странных событий...

Но то была война, и прошлого не вернуть.

Здесь и сейчас, на заросших кустарником приграничных землях за пределами Хинериона, с оборванной бандой самых дешевых наемников, на каких хватило его похудевшего кошелька, преобразений не будет, не случится ничего удивительного.

Он был заперт в зеркале и знал это.

Поэтому Рингил наблюдал за освобождением рабов, стараясь не испытывать то же чувство, которое явно испытывали его люди: это была колоссальная трата времени.

Он старался вообще ничего не чувствовать.

Сами рабы, похоже, большей частью погрузились в схожее оцепенение. Некоторые вскакивали, едва с них снимали кандалы, хватали себя за отросшие бороды и убегали к опушке леса по одному, по двое, то и дело оглядываясь на бегу; другие – в основном, женщины – хватали освободителей за руки и пытались их целовать или плакали. В ответ они получали испуганные ругательства или пожимание плечами. Но таких было меньшинство. Большинство просто брали еду и жевали, не сходя с места, продолжая таращиться в пустоту, открытую за время плена. Возможно, они не верили в реальность происходящего; вероятно, думали, что это трюк. Или, быть может, их не волновало ни то ни другое. Если они и понимали, что свободны, это не представляло для них особой ценности.

Рингил-то знал толк в свободе, которую мог предложить этот мир, и все же странным образом оказался здесь, опустошенный и с кровью изнасилованной женщины на руках. Он невольно задался вопросом, так ли сильно эти люди ошибаются.

Солнце взошло на востоке и прогнало остатки ночной прохлады. С ними отступили и события, произошедшие на рассвете, будто трупы Снарл, легата и их людей были мусором, оставшимся после битвы в призрачной реальности, существующей параллельно с реальным миром. От этой мысли пришли воспоминания, заставившие Рингила задрожать. Он стряхнул дрожь и попытался впитать немного тепла, дарованного новым днем. Но в ушах у него стучало – он скорее ощутил это, чем услышал, – и в глазах как-то резко потемнело. Он опять задрожал и мрачно спросил себя, уж не простудился ли.

Позади захрустели камешки под чьими-то быстрыми ногами.

Он резко повернулся, вскинув руку к навершию Друга Воронов. Увидел, как Эрил бежит навстречу с вершины холма и на бегу машет рукой, указывая на запад.

– Всадники!

Он сосредоточился, будто в ужасе очнулся от навеванного фландрейновой трубкой сна. Тихое постукивание в ушах разлилось в утренней тишине и обрело истинную суть: этот звук был ему известен по полусотне прошлых битв – дрожала земля под копытами тяжелой кавалерии, несущейся галопом.

Эрил уже орал во все горло:

– Вса-а-адники!!!

Вокруг Рингила наемники услышали и подхватили крик:

– Берегитесь, всадники!

– Всадники!

– Твою мать, тяжелая кавалерия!

Отчаянные вопли заметались над равниной, словно молнии перед грозой, а потом наемники со всех ног бросились бежать, пробираясь среди сгрудившихся рабов, стараясь поскорее добраться до опушки леса или до лошадей – любого укрытия, какое мог предложить горизонт. Рингил попытался схватить одного, когда тот несся мимо, но от набранной наемником скорости его развернуло, и в итоге он остался с пустыми руками. Мужчина побежал дальше, продолжая орать:

«Тяжелая кавалерия!»

Рингил видел, как она обращала в бегство и более опытных людей. Бронированные кони устрашали любого сильнее злого колдовства. Еще до возвышения Ихельтетской империи и основания противостоящей ей Лиги тяжелая кавалерия раз за разом становилась решающим доводом в бесконечных войнах за территорию между наомскими городами-государствами. Она разносила вдребезги любые защитные сооружения и уничтожала боевой дух без остатка. Даже маджаки, бывало, сдавались под натиском бронированных всадников. Ждать, что эта кучка

отбросов выдюжит против такого врага... бессмысленная затея, от которой он отказался и бросился вверх по склону, навстречу Эрилу. Повернулся и взглянул на запад – в направлении, указанном болотником.

– Вон там. Слева от утеса, где обрывается опушка леса.

Детали еще было не разглядеть, но Рингил увидел бледное кипение пылевого облака. Да, сомнений нет.

– Хинерион, – мрачно проговорил он. – Значит, гонец до них добрался.

– Похоже на то, – Эрил внимательно разглядывал пыль и лесистую местность, отделявшую их от того места, где она поднималась. – Кони в броне не смогут проехать сквозь эти заросли, они слишком густые. Им придется держаться дороги.

Рингил кивнул.

– Значит, успеем оседлать лошадей.

– Уже оседланы. За палатками. Идем, я поручил старику за ними присмотреть.

Они побежали вверх по склону. Разыскали старика из Хрешима, который стоял между двумя лохматыми кобылами, пряча лицо под грязной егерской шапкой. Он не держал поводья, но легко прижимал ладони к голове каждого животного и ворковал с ними, бормоча тарабарщину, от которой у Рингила свело зубы. Старик поднял голову, когда командир приблизился, и в рассветных лучах в одном его глазу вспыхнул красный отблеск.

– Значит, драки не будет, сир?

– Не будет, – коротко ответил Рингил.

– Жалость какая. А я-то, старый пень, уже представил себе, как славно погибну, сражаясь по правую руку от героя Виселичного Пролома.

Рингил остановился, с подозрением вгляделся в продубленное всеми ветрами лицо старика. Насколько он мог припомнить, ни он сам, ни Эрил не говорили о его истинной личности никому из наемников, завербованных в последние недели. Но старик ответил невинным взглядом, ничто в его лице не говорило о насмешке или обмане.

«Нет времени на эту хрень, Гил».

– Это не Виселичный Пролом, старик. – От воспоминаний голос прозвучал напряженно. – И война закончилась. Мы сделали то, ради чего пришли сюда. Пора уезжать.

Старик почтительно опустил голову.

– Очень славно, господин. И, как видите, ваши лошади готовы. Лучшие, каких я смог найти.

Рингил заметил что-то на земле позади старика и двух кобыл. Он обошел ту, что стояла справа, чтобы получше рассмотреть. Увидел три трупа – судя по разнокалиберному оружию и обтрепанной одежде, это были наемники из его собственного отряда. Остальные лошади отодвинулись от мертвецов на всю длину привязи и теперь беспокойно фыркали и ржали, что сильно отличалось от поведения двух, которых выбрал старик. Рингил поглядел на трупы, потом – на меч старика, закрепленный на спине очень похоже на то, как он сам носил Друга Воронов. Нахмурился.

– А где твоя лошадь?

Старик криво усмехнулся.

– О, мне не понадобится лошадь, чтобы избежать поимки, господин. У меня есть другие средства, получше.

– Да? Например?

«...Гил, мать твою, времени нет...»

Старик снова усмехнулся и молча коснулся полей егерской фуражки, будто это все объясняло. Рингил пожал плечами, взял поводья лошади слева, отвел ее чуть в сторону и вскочил в седло. Сомнительно, что старик легко избежит поимки, будь он егерь или нет – с хинерион-

ской пограничной стражей шутки плохи. Однако он был не в настроении спорить. Ему следует думать о том, как удрать самому.

– Что ж, тогда я тебе обязан, – Рингил отсалютовал старику. – Удачи.

– И вам удачи, господин.

Старый егерь сопроводил слова поклоном, и Рингил опять не понял, насмеются над ним или нет. Он бросил взгляд на Эрила, который тоже был в седле, но головорез из Болотного братства не подал вида, что заметил нечто странное. Рингил выкинул случившееся из головы и направил лошадь вперед.

– Позаботься о себе, старик, – угрюмо бросил он напоследок. – Это еще возможно.

Он проехал мимо трупов, мельком взглянул на один из них и тотчас об этом пожалел. Быстро перевел взгляд на опушку леса, выискивая сломанную сосну и тайное узкое ущелье, что начиналось за ней, – там шла тропа, которая позволила им попасть в лагерь у реки. Это была козлиная тропка, не предназначенная для езды верхом, но умелые и осторожные всадники могли по ней пробраться.

«Да уж, лучше суметь. – Губы Рингила изогнулись в мрачной ухмылке. – Иначе нам несдобровать».

Барабанная дробь приближающейся кавалерии уже не была далекой, и когда Рингил посмотрел на север – туда, где дорога выходила из редящего леса, – ему показалось, что он заметил, как пустынное солнце блестит на броне где-то посреди листвы. Он пнул кобылу и пустил ее легким галопом.

Старик стоял и глядел им вслед, слегка улыбаясь.

Внизу, на ровной земле, не успевшие сбежать рабы копошились в вялом подобии паники, которая охватила их освободителей. Рингил и Эрил быстро проехали сквозь этот бардак, направляясь к приметной сосне. В основном все убиралось с их пути, но один молодой наемник – Рингил видел его в очереди к Снарл – остался на месте и занес боевой топор, которым явно не умел пользоваться. На голове у него косо сидел дешевый шлем, а лицо побелело от страха. Он шагнул вперед, крича:

– Не смей нас оставлять, ты, ублюдочный кусок...

Рингил подтолкнул лошадь влево, ногой ударил наемника в грудь и поскакал дальше.

У опушки Эрил натянул поводья и оглянулся. Покачал головой.

– Тяжелая кавалерия сделает из этих парней фарш.

– Значит, им заплатили по заслугам, – прорычал Рингил и, наклонив голову, въехал на тропу.

Но когда над ними сомкнулись деревья, он опять подумал о трупах, которые лежали вокруг старика, и содрогнулся. Один из наемников упал лицом вверх, его голова безвольно откинулась в сторону, демонстрируя аккуратно рассеченное горло, из которого вытекла вся кровь. Это не отличалось от сотни других тайных убийств, которые Рингил видел за многие годы. Но глаза на грязном лице наемника были широко распахнуты, и отражало это лицо...

За более чем десять лет военной службы Рингил никогда не видел, чтобы ужас так явственно запечатлелся в человеческих чертах.

Низко висящая ветка задела плечо. Солнечный свет пронзал кроны деревьев, покрывая землю пятнами. Где-то в тишине леса птица призывала пару.

Рингила снова пробрал озноб.

Он встряхнулся. Чихнул.

«Простудился. Определенно, простудился».

Глава десятая

Мост Черного народа, один из Девяти Вековечных Даров, которые кириаты преподнесли династии Химранов, предназначался именно для того, о чем говорило его название: он пересекал Ихельтетский эстуарий с таким архитектурным высокомерием, что когда Эгар увидел его впервые, челюсть у него упала, как трап с корабля. Блестящее черное железо, подвешенное в воздухе и простирающееся от берега до берега, словно радуга какого-то темного владыки, или лук, вырезанный из чистейшей ночи, а потом оструганный, отполированный и изогнутый сообразно предназначению силами, которые невозможно вообразить. Тысяча стеклянных тросов, каждый толщиной с руку лучника, ниспадали с конструкции двойными рядами, блестя и светясь в лучах солнца, удерживая в воздухе пролеты, достаточно широкие для того, чтобы две дюжины воинов в броне свободно ехали рядом.

Со временем Эгар привык к чуду, как и к самим кириатам. Все это было частью жизни в большом городе. Но Мост еще долго отбрасывал на него тень в более насущном смысле. Проезжая часть, которую он удерживал над водой, подходила к берегу с северной стороны в тридцати футах впереди, соединяясь с землей через семь кварталов. А внизу, у воды, в тени моста, стояла «Удача погонщика пони» – старая покосившаяся таверна, названная в честь молодого торговца лошадьми из ранней городской истории, которому здесь посчастливилось спасти часть своего товара от утопления. Или что-то в этом духе. Байки и легенды, связанные с лошадьми, в Ихельтете изобиливали, и через какое-то время сливались воедино. Так или иначе, эта самая таверна давно стала известным притоном наемников и вольных уличных бойцов, а также местом, где можно раздобыть любые сведения на профессиональную тему. Офицеры-вербовщики регулярно там выпивали, главари банд и мелкие торговцы то и дело заглядывали, чтобы оценить имеющиеся таланты, а за пару монет нуждающиеся спецы по части насилия всегда могли оставить за стойкой имя и адрес крыши, под которой им доводилось ночевать.

Большую часть своей наемнической жизни в Ихельтете молодой Эгар считал домом «Погонщика пони», а не казармы или квартиры любовниц, где ему случалось обитать в перерывах между военными походами. Позднее, имея чин и собственное офицерское жилье, он то и дело сюда возвращался, чтобы провести за выпивкой летний день, в тени Моста казавшийся тусклым. Случалось, покидал заведение на рассвете – выходил, пошатываясь и опираясь на двух служанок, запрокинув голову, чтобы поглядеть на возведенную иномирцами конструкцию, которая вздымалась все выше, выше, выше... И, как правило, терял равновесие, падал на задницу, переполненный сбивающим с толку, подпитанным хмелем ощущением чуда, неизменным спутником этого зрелища.

А когда после войны он по-настоящему отправился домой, и через несколько лет приехал брат-скаранак с новостью, что – кроме прочего – «Погонщик пони» сгорел дотла, Эгар удивился ностальгии, от которой сжалось нутро.

Если бы он знал, что местечко отстроили заново, зашел бы сюда первым делом. И не только для того, чтобы раздобыть нужные сведения.

«Будет тебе, Драконья Погибель. Прошлого не вернуть. Надо жить тем, что есть теперь».

Теперь он видел перед собой простое, но не уродливое двухэтажное каменное строение с белой штукатуркой. Несущие балки верхнего этажа торчали из каждой стены на пару футов, и древесина явно недостаточно подверглась влиянию погоды. Эгар заметил кое-где на балках красные пятна, оставшиеся от гильдейских плотницких печатей. На пыльной земле между таверной и кромкой воды стояли такие же грубо сработанные столы, а новое название было выписано на обращенном к берегу фасаде дешевыми позолоченными буквами высотой с фут. Позолота поблескивала в лучах восходящего солнца, творя под мостом иллюзию маленького рассвета.

Как и говорил Дархан, с одной из балок на углу таверны на короткой цепи свисала маленькая железная клетка. Внутри была выставленная на всеобщее обозрение отрубленная голова ящера: мумифицированная, черная и печально скособочившаяся, словно чересчур большая репа, забытая в дальнем углу кладовки. Кто-то срезал губы существа, чтобы продемонстрировать клыки, но вид все равно получился жалкий. Эгар скривился, рассматривая трофей.

– Это Чешуйчатый, – торжественно произнес чей-то голосок рядом с ним.

Он посмотрел вниз и увидел мальчишку лет пяти, с грязным лицом и сальными волосами, торчащими в разные стороны. В руке, шершавой и покрасневшей, пацан держал мокрую намыленную тряпку.

Эгар кивнул.

– Точно.

– Но ондохлый.

– Ага, я заметил. Ты его убил?

Мальчик посмотрел на него, как на чокнутого.

– Мне семь лет.

– А, ну да. Тупой вопрос. – Эгар подавил зевок и огляделся по сторонам. – А твой папаша где обретається?

На юном лице отразилось смущение.

– Мой папа умер. Похоронен с почестями, его грехи прощены.

Слова были явно заученные. Наверное, мальчишка не понял его вопрос, решил, что маджак спрашивает, не витает ли дух его отца над землей в ожидании надлежащей похоронной церемонии.

«Обретається», «витает» – да уж, с нюансами тетаннского у Эгара всегда были проблемы.

– А-а. С почестями, говоришь. Значит, он был солдатом?

Смущение сгладилось, уступив место растущей гордости, которой мальчика явно обучили так же тщательно, как и предыдущей фразе.

– Мой отец погиб на войне, сражаясь с драконами. Он умер, защищая императора и его народ.

– Славно. Значит, есть чем гордиться. Послушай, а кто из здешних...

– Гадрал? Гадрал?! – Не то чтобы это был гневный рев, но мальчишка дернулся, словно голова в клетке вдруг открыла глаза. – Если ты опять вышел потрепаться со своими засранцами-дружками, я тебе так задницу надеру, что...

Говоривший вышел на порог и осекся при виде Эгара. Уставился на него, прищулив глаза от утреннего солнца.

– Помощь нужна, приятель?

Тон был не очень любезный.

Эгар не спешил с ответом, изучая мужчину в дверях таверны. Крупный по ихельтетским меркам, массивный, некогда мускулистый, но теперь потихоньку заплывающий от возраста и более легкой жизни. Обожженное солнцем лицо в морщинах и складках, но что-то от бывшего военного в нем осталось – причем что-то посерьезнее минимальных требований для вербовки. В одной лапище, покрытой брызгами крови, он небрежно держал мясницкий нож.

Эгар кивнул на грубый клинок.

– Суп варишь?

Их взгляды скрестились, и трактирщик тоже оценил увиденное. Нож опустил, повис в вытянутой руке.

– Вроде того. В конце недели у нас подают рагу. Хочешь попробовать?

– Начну с пива. Рагу в свой черед.

– Конечно. – Мужчина кивком пригласил войти. Шагнув через порог, Эгар направился к табурету у барной стойки, а хозяин «Головы ящера» продолжил орать на мальчишку. Но теперь в его криках было меньше пыла, и он скоро вошел в таверну.

– Твой пацан? – поинтересовался Эгар, пока ему наливали пинту.

– Еще чего. Мой умер с оружием в руках в Шеншенате, когда пришли ящеры. Это сынок моей шлюхи. Довесок, так сказать. Кто-то должен кормить маленького засранца.

– Точно.

Хозяин таверны поставил полную кружку на стойку перед маджаком.

– Рагу будет через некоторое время. У меня есть хлеб и масло – пригодится, пока ждешь.

– Звучит неплохо.

Хозяин скрылся за грязной занавеской, прикрывающей вход в кухню, и оставил Эгара наедине с пинтой. Из-за занавески доносились тихие голоса, звон тарелок, а потом – глухой, повторяющийся стук мясницкого ножа о деревянную доску. Драконья Погибель сидел в затхлом, пахнущем пивом полумраке; сквозь закрытые ставни просачивался пыльный свет. Он отхлебнул пива – вроде неплохое.

Вскоре вышла высокая изможденная женщина с подносом, на котором лежали хлеб и масло. Она резко остановилась, увидев Эгара, но быстро взяла себя в руки и поставила еду на стойку. Она взяла с него один элементаль за еду и пиво, когда он безропотно расплатился, вздохнула с облегчением и вышла на улицу. Эгар услышал, как она что-то шепчет мальчику.

Когда хозяйка вернулась, он беззаботно сказал:

– Неужто здесь не бывает таких, как я?

– Что? – спросила женщина слабым голосом.

– Ну, степняки. Они тут появляются? Мне стало интересно, потому что...

– Не так рано, – сказала она и убежала обратно на кухню.

Эгар поднял брови и вернулся к пинте. Из кухни снова донеслись приглушенные голоса. Мясницкий нож ударил один раз – точно вонзился в дерево. Хозяин таверны вышел из-за занавески, сердитый.

– Что за херня? Я же сказал, она моя шлюха. Я не говорил, что к ней можно подбивать клинья.

Эгар осторожно отставил кружку и посмотрел на мужчину.

– Я просто хотел поболтать, – мягко проговорил он. – Там, откуда я родом, благоразумные мужчины имеют право поговорить с женщиной, и это ничего такого не значит. Ты показался благоразумным, когда я сюда пришел, но, наверное, я ошибся.

Хозяин таверны замялся. Солнечный свет просачивался в зал с низким потолком. Воцарившуюся тишину нарушал только доносящийся ритмичный стук: где-то капало пиво из крана на поднос. Пауза затягивалась.

А потом закончилась.

– Ну, ладно... – Хозяин нелюбезно пожал плечами. – Забудем. Мой брат служил на перевале Дхашара и рассказывал, что ваш народ впрямь позволяет женщинам творить, что вздумается. Они у вас болтают, как мужчины, верхом ездят, оружие носят, и все такое.

– Всякое бывает, – согласился Эгар.

– Да, но здесь такое дерьмо не пройдет. Тут у нас Ихельтет, империя. Мы цивилизованные. И, если честно, меня засбали неприятности от твоих сородичей, которые сюда приходят. – Помолчав, он ворчливо и с неохотой добавил: – Без обид.

– О, я не обижаюсь. А что за неприятности?

– Пару недель назад случилась большая заварушка. Высадили два окна, одна из моих служанок потеряла палец. Пришлось вызвать Стражу. Как я уже сказал, меня это достало. Те, кто живет в цивилизованном городе, должны вести себя цивилизованно. Верно?

Эгар скривился. Насколько он помнил, драки в «Удаче погонщика пони» были частью атмосферы.

На самом деле кое-какие из его лучших драк...

– А из-за чего произошла ссора?

– С хуя мне знать? – Хозяин таверны принялся раздраженно тереть стойку зловонной тряпкой. – Какая-то ваша племенная херь. Я ж по-северному не говорю, ага? Все, что я знаю: они сидели, пили и орали, как обычно, а потом вдруг начали размахивать кулаками и ножами. Половина из них была в одеждах Цитадели – это вообще...

Он взмахнул рукой, беспомощным жестом выражая свои чувства относительно того, что мир перевернулся вверх тормашками.

– Маджаки на службе у Цитадели, значит? – с нарочитой небрежностью проговорил Эгар, потягивая пиво. – Необычно.

– Ага, рассказывай. Когда я был пацаном, чужакам не позволяли даже войти в храм, не говоря о том, чтобы платить им жалованье.

Так оно и было. Эгар застал конец той эпохи, когда прибыл в Ихельтет полтора десятилетия назад. Эпохи, когда множество таверн носили название «Голова маджака», подкрепленное железными клетками вроде той, что болталась на фасаде этого заведения. Он вспомнил, как бурной летней ночью сжег одно такое до основания в квартале Пряностей. Вместе с разношерстной компанией других кочевников, с которыми они отгуливали увольнительную. Летняя жара, разогретый выпивкой накал страстей – не хватало только сухой деревяшки. И громила-ишлинак с топором в руке заорал, что там, в клетке, висит башка его родного дяди, со сгнившими глазами, почерневшая...

Они ворвались туда с топотом, пылая звериной яростью. Разбивали лица и мебель, рвали одежду на женщинах, хватали факелы из кронштейнов на стене. Рычали, подбадривая друг друга. Швыряли эти самые факелы за стойку, в переполненный общий зал. Солома на полу вспыхнула, и через миг языки пламени взметнулись до пояса.

А потом раздались нестройные крики, воцарился хаос и все в панике ринулись к дверям.

Он вспомнил, как выбрался наружу и стоял, ухмыляясь, глядя на разгорающийся пожар. Вспомнил, как языки пламени вырывались из окон и лизали низко нависающий карниз. Голова в клетке жарилась, пока балка не прогорела настолько, чтобы перестать выдерживать вес, и клетка рухнула на мостовую, вся в огне. Бревна крыши занялись – дешевое, плохо высушенное дерево, – быстро прогорели и с грохотом рухнули внутрь. Наблюдавшие за происходящим маджаки радостно взревели.

Красно-оранжевые искры закружились на ветру с ароматом корицы.

На следующий год Акал Великий, который был пронизательным законотворцем, издал указ. Война против Лиги привела тысячи наемников-маджаков на юг – теперь оскорблять их не позволялось. Названия таверн изменились.

Никто не знал, что случилось со множеством голов. Впрочем, большинство из них на самом деле не принадлежали маджакам.

– ...ему, блядь, надо было вести себя поосторожнее. Вот и все, что я хотел сказать.

Эгар моргнул, выныривая из воспоминаний. Запах несвежего пива, косые лучи света сквозь ставни. Кажется, он пропустил мимо ушей здоровенный кусок из того, что рассказал хозяин таверны.

– И чего?

– Да ничего. Слушай, пойми меня правильно. У меня на твоих соплеменников обид нет. Честное слово. И я продолжаю обслуживать Харата, как всех прочих, будто ничего не случилось. Мне просто кажется, любой должен помнить, кто он есть, и все. Нельзя принимать такие решения, потому что ты озабоченный. Если он на самом деле хочет перейти в нашу веру – лады, возражать не буду. Откровение говорит, каждый может сделать выбор, даже чужеземец.

Но потом нельзя передумать и пожелать все вернуть, как было, лишь потому, что твоя маленькая шлюха тебя бросила и трахается с кем-то еще. Это отступничество, серьезная хрень. И зря он бочку катит на тех, кто служит Цитадели, за то, что они не хотят с ним знаться.

– Так... – Эгар быстро прикинул, что мог пропустить. – Ты хочешь сказать, что Харат начал драку?

– Я хочу сказать, что он тут был – и все. И я знаю, как он себя ведет, когда рядом другие маджаки. Орет про старых богов и то, что Цитадель полна дерьма. Нельзя так говорить и не получить по морде.

– Это точно. – Эгар в задумчивости подвигал кружкой взад-вперед на стойке. – А ты знаешь, где он сейчас кантуется?

Хозяин таверны бросил на него удивленный взгляд.

– Да. А тебе какое дело?

Драконья Погибель пожал плечами.

– Он похож на парня, которого я ищу, только и всего. Сын кузины матери, и имя сходится. Та еще бестолочь, но меня попросили проверить, как у него дела. Ничего такого. Семья. Сам понимаешь.

– Еще бы.

– Он сюда приходил? Ну, после драки.

Хозяин таверны ненадолго уставился в пустоту. Наверное, вспоминал, сколько маджаки переломали, устроив заварушку.

– Поищи на Ан-Моналской дороге, по другую сторону Моста, – сказал он наконец. – Я слышал, Харат живет над лавкой ростовщика.

Глава одиннадцатая

Они дошли до реки без приключений, ориентируясь на издаваемые ею звуки и время от времени видневшиеся с тропы, сквозь листву, проблески воды, в лучах солнца казавшейся металлической. Некоторое время они следовали вдоль восточного берега, пока наконец в ста ярдах ниже по течению от последних быстрин и порогов тропа не вышла из зарослей и не приблизилась к кромке. Это был тот же брод, которым они воспользовались по пути в лагерь; уже знали, что глубина там максимум по пояс. И все же Рингил спешил и некоторое время стоял в высокой траве, наблюдая. Он сказал самому себе, что проверяет дальний берег, прежде чем пересечь реку, – нет ли признаков засады.

«Становимся нервными в преклонные годы, верно, Гил? В чем дело – ты вдруг захотел умереть от старости в своей постели?»

«Я пока не планирую умирать».

Это был прекрасный день, сонный от жары и жужжания насекомых. Поздний утренний солнечный свет лежал на воде пятнами – слишком яркими, чтобы смотреть на них прямо. Рингил прикрыл лицо рукой, сощурил глаза и взглянул на деревья на противоположном берегу. Около тридцати ярдов – легкий переход для лошадей, плыть не нужно.

Если кто-то и прятался среди деревьев, вел себя очень тихо.

«Среди деревьев никого нет, Гил, и ты это знаешь. Мы имеем дело с местным ополчением и пограничным патрулем, а не с разведывательным отрядом легкой пехоты. Они остались в лагере Снарл, убивают твоих людей и, наверное, рабов – для полноты картины. Посмотри правде в глаза: ты удрал, на тебе ни единой царапины».

Тем не менее он взял лошадь под уздцы и повел в воду, медленно ступая, готовый в любой момент отскочить, использовать ее тело как прикрытие, если на дальнем берегу появятся ополченцы с арбалетами. При каждом шаге он проверял опору на дне реки и не спускал глаз с зеленых зарослей.

Позади него Эрил спешил и двинулся следом.

Они пересекали реку молча, брели сквозь тихие завихрения в воде, достигавшей талии. Вокруг царила причудливая, нагретая солнцем тишина – казалось, она существовала отдельно от приглушенного рева порогов выше по течению. Пара птиц громко пререкалась, гоняясь и пикируя к поверхности в паре футов от них. Сосновые иголки и какой-то ярко-желтый лесной мусор скользили вместе с потоком. Это было...

Рингил не заметил, как труп оказался рядом. Мягко врезался в него, увлекаемый течением. Одна рука обвилась вокруг бедра, будто в последнем усилии измученного пловца.

– Твою мать!

Он выругался, словно получил удар кулаком. Нервы были на пределе после утренней бойни, и Рингил накрутил себя еще сильнее, разглядывая лежащий впереди берег; он вздрогнул, как девица из хорошей семьи, впервые в жизни коснувшаяся стоячего члена. Отпрянул, вскинул руки и, потрясенный, чуть не свалился.

Ему едва хватило ума отпустить поводья и не утопить собственную лошадь.

«Ради Хойрана, Гил. Возьми себя в руки».

Он вновь обрел равновесие, потянулся к лошади и подозвал ее, цокая языком. Мертвец продолжал лнуть к нему, будто нарочно. Слегка раздосадованный своим девчачьим испугом, Рингил откашлялся и оглядел труп, плывший лицом вниз. Он увидел промокшую одежду с собравшимся на спине воздушным пузырем и копну гладких темных волос. Арбалетные болты торчали из спины, опереньем кверху.

Тайное и усталое побуждение, от которого веяло войной, заставило Рингила наклониться и взять труп за плечо. Он мягко оторвал от себя неживую руку и перевернул мертвеца в

воде лицом вверх. Ну и что? Невзрачное наомское лицо лет сорока, изможденное от нелегкой жизни, с парой мелких шрамов, которые не выглядели полученными в бою. Острый конец болта на ладонь выступал из груди. Плавающая рука, которая мгновение назад «обнимала» Рингила за талию, выглядела загрубелой, со следами тяжелого труда, а еще – со свежими язвами от кандалов на запястьях. Раны в воде побледнели и сделались беловато-розовыми.

Труп открыл мертвые черные глаза, уставился на Рингила и прошипел:

– Лучше беги.

На этот раз от потрясения он подобрался, по венам будто пронесся ледяной поток, а голову сжали холодные тиски; хватка на трупе усилилась, словно он хотел утопить мертвеца. Рингил услышал, как в его собственном горле что-то заклокотало.

На плечо опустилась рука.

– Ты в порядке, друг?

Голос Эрила, встревоженный. Наемник с лошастью догнал Рингила и с любопытством смотрел на спутника. Рингил моргнул, и вокруг под лучами солнца, падающими как клинки, что-то изменилось. Он опустил взгляд на тяжелую ветку с черной корой, которую сжимал мертвой хваткой. У ветки был скрюченный сук, и она покачивалась на воде, стремясь уплыть вместе с течением.

Просто кусок дерева.

– Наверное, с обрыва смыло, – сказал Эрил. – Там, среди порогов, я видел много застрявших веток. Кусок такого размера... наверное, целое дерево упало, засело между камнями и теперь гниет, разваливается на части.

Рингил откашлялся.

– Ага.

Он отпустил ветку и шагнул в сторону, позволив течению ее унести. Поглядел, как она плывет к следующему изгибу реки – поднятая «рука» при движении покачивалась, будто прощаясь с ним.

Когда она исчезла из вида, Рингил опять прочистил горло.

– В зарослях пусто, – резко сказал он и снова повел лошадь вперед, к берегу, одолевая остаток брода.

– Думаешь, можно рискнуть и выйти на караванную дорогу?

С высоты они видели ее оттуда, где сидели – дорога выглядела тонкой бледной линией, змеящейся через лесистые возвышенности к востоку от Хинериона, многократно теряясь в лесу и затененных долинах на пути к северу. Рингил сощурился от солнца, будто на таком расстоянии мог различить блеск доспехов и копий на проезжей части. Он помотал головой.

– К этому моменту городская стража лютует. Заставы через каждые пять миль, если не меньше, придирки к каждому человеку с мечом и без веской причины для путешествия. Я не хочу с боем прорываться через это.

Эрил хмуро кивнул. Для него это была дорога домой.

– Но на юге будет то же самое, верно?

– На юге будет еще хуже. Когда власти Ихельтета узнают, что случилось с их легатом, нам повезет, если это не обернется полномасштабным дипломатическим инцидентом. Пограничный патруль, вероятно, пыжится изо всех сил – на случай, если командир гарнизона в Тлан-маре выйдет из себя и решит, что пора устроить карательный пограничный рейд... раз этак шесть. – Рингил прижал большой и указательный пальцы к глазам, которые начали болеть. Потом обхватил руками колени, уперся в них подбородком и вздохнул. – По правде говоря, бардак. И мы застряли посреди него.

– Точно. – Эрил пожал плечами и встряхнулся как мокрый пес. Лег на спину на плоский наклоненный камень, где они сидели. Он был флегматичным человеком, не склонным беспо-

коиться из-за вещей, которые не изменить. Закинул руки за голову и посмотрел на блестящее голубое небо. Зевнул и закрыл глаза. – Так что, я думаю, мы подождем.

Рингил бросил на напарника завистливый взгляд. Терпение никогда не было его сильной стороной – он кое-чему научился на войне, потому что там спешка могла убить, однако во всем, что не касалось основ самосохранения, привычка по-настоящему не прижилась, и с возрастом, вопреки предположениям, лучше не стало. Ему тридцать один – и он по-прежнему готов кинуться с головой в любую авантюру, если покажется, что из нее можно выпутаться.

Впрочем, иной раз это было необязательно.

Он устался на бледную гранитную плиту, на которой стояли их сапоги с вывернутыми голенищами и сохли на солнце. Мокрые носки они разложили рядом. Камень под подошвами голых ног был теплым на ощупь и гладким. Приятное чувство, как и мягкий ветерок с запада, смягчающий жару, а также осознание того факта, что они хорошо выбрали наблюдательный пост: отсюда открывался превосходный вид до самой долины, где текла река, которую они пересекли, включая заросшие соснами склоны по обе стороны. Любые неприятности можно было заметить, прежде чем они доберутся до вершины, потратив целый час.

Они до отвала наелись черного хлеба и вяленого мяса из седельных мешков, напились холодной воды из бурдюков, которые наполнили в реке.

Среди деревьев раздавалось пение птиц, а лошади, пасущиеся на поляне в некотором отдалении, пофыркивали.

В сотне ярдов над ними в кристально-чистом воздухе завис ястреб.

Снарл мертва, как и планировалось.

«Что же тебя гложет, Гил?»

Он снова взглянул на Эрила, опять ощутил укол зависти и внезапно понял, из чего та произрастает.

Братство занимало странную нишу в Трелейне: спекулировало хваленой исторической родословной, чтобы не получить ярлык – в сущности, справедливый, – позволяющий опознать в нем банду организованных преступников. Это значило, что время от времени Братьям приходилось идти на уступки, если какой-нибудь особенно жестокий случай вымогательства или убийство достаточно выводили из себя Канцелярию и элиту из Луговин, чтобы те прибегли к услугам правоохранительных сил. Будучи солдатом Братства, Эрил привык отсиживаться после дела на болоте с доверенными слугами или в захолустном портовом городишке на побережье, пока его мастер логи не сгладит ситуацию в городе. Все упиралось в терпение – в конечном итоге Эрил возвращался домой.

«У тех, кому есть куда возвращаться, все будет славно».

Трелейн.

Он инстинктивно взглянул на север, хотя отсюда смотреть следовало, скорее, на северо-запад. Трел-а-лахейн, Благословенный Приют на Трелле, прославленная купеческая столица, чьи великолепные стены и башни поднимаются из туманов, надежно запрятанные посреди лабиринта притоков и болот в устье великой реки. Трелейн – владыка Лиги, повелитель северных городов-государств и ближайший претендент на звание имперской столицы, какой мог найтись за пределами Ихельтета. Трелейн, неоспоримое культурное и политическое сердце цивилизованного севера.

«Выкинь это из головы, Гил. Отпусти».

Гингрэн отрекся от него перед Канцелярией. «Мой сын, будь он героем войны или нет, в своей недавней деятельности вышел далеко за рамки. Долговое рабство является устоявшейся опорой нашего общества, без которой нельзя гарантировать экономическое благополучие города. Решение было принято и обращено в закон со всеми надлежащими церемониями, и ни один гражданин, каким бы привилегированным ни являлось его положение, не может

этого отрицать. Ни один человек, рожденный в Луговинах или нет, не может терроризировать достопочтенных торговцев, занимающихся законным ремеслом».

Ломать им ноги, сжигать их дома, убивать их агентов. И все такое прочее.

«Таким образом, я отныне и навсегда изгоняю своего сына Рингила из дома Эскиат и объявляю его вне закона на территории Трелейна».

Они разместили копии декларации рядом с плакатом «разыскивается» на рыночных площадях и перекрестках по всему городу; печать клана Эскиат стояла на пергаменте рядом с печатью Канцелярии, заверяя, что Гингрэн не будет тайно искать кровной мести, если какой-нибудь охотник за головами расправится с Рингилом. Впрочем – даже сейчас это вызвало мрачную улыбочку на губах Рингила – было трудновато найти трелейнского охотника за головами, который смог бы прочесть что-нибудь еще, кроме награды, написанной крупными цифрами в верхней части плаката.

В дополнение к письменному описанию имелся портрет – не лестный, но точный. Длинные черные волосы, зачесанные назад; длинный белый шрам, словно небрежная закорючка, перечеркивающая тонкие черты. Изящные губы изгибаются книзу, и морщин куда больше, чем Рингилу хотелось бы. Глаза казались мертвыми. «Известно, что он носит кириатскую сталь и маджакский кинжал из драконьего зуба».

О том, что он «рыцарь-выпускник Трелейнской военной академии», на плакате не было ни слова. Да уж, незачем пугать претендентов. Упор делался на вознаграждение в пять тысяч флоринов и громкие сплетни о том, что клика работорговцев из Эттеркаля утроит награду за быстрый результат. Молва и жадность, подкрепленные бедностью и отчаянием, которые война оставила после себя, должны были позаботиться об остальном.

Он не вернется домой.

Рингил еще некоторое время разглядывал свои выставленные на просушку сапоги. Позади него Эрил тихонько захрапел. Он вздохнул и повертел головой, разминая шею. Прищурил глаза от яркого солнца.

Прохладная тень упала ему на лицо.

– Итак, знаменитый Рингил из дома Эскиат.

Он вздрогнул. Распахнул глаза и, сломя голову, наполовину ослепнув от внезапной вспышки солнечного света, кинулся в сторону – туда, где на гладком камне лежал Друг Воронов в ножнах.

В глубине души он знал, что зря тратит время.

И все равно застыл, припав к земле, одной рукой схватившись за рукоять, а другой – за нижнюю часть ножен, как учил Грашгал, чтобы клинок, вырвавшись на свободу через особым образом сконструированный разрез вдоль боковины, не отсек пальцы.

Он заморгал и стал озиаться в поисках говорившего.

– Или Рингил из Виселичного Пролома – более справедливое имя?

Что-то случилось со светом. Будто он вошел в особняк в Луговинах ярким летним днем, и внезапно нагрянул мрак, который не рассеется, пока глаза не привыкнут к перемене. Будто день был чем-то вроде бледно-голубой ткани, насквозь промокшей от нагрянувшего ливня.

Фигура в плаще стояла менее чем в полудюжине ярдов и наблюдала за ним.

Шляпа с обвисшими полями скрывала лицо, на котором до странности трудно было разглядеть хоть что-то – позже Рингил вспомнил лишь улыбку, плотно сжатые тонкие губы и холодный изучающий блеск в глазах. Приглядевшись, он увидел, что плащ, потертый и покрытый пятнами, состоит из кожаных заплаток – их оказалось так много, что было трудно понять, осталось ли что-нибудь от изначального материала. Грубый, сшитый вручную руками моряка, с попадающимися тут и там вышитыми рунами против бунта на корабле и штормов. Он вспомнил, как Эгар бормотал, сам себе не веря, пока их несло течением на украденном пароме: «...

плащ и шляпа морского капитана, все дела; он будто выскочил напрямик из долбаной легенды. И стоял передо мной».

И перед самим Рингилом.

Без оружия.

Ни один человек – никогда и ни за что! – не смог бы так к нему подкрасться.

Рингил чуть расслабился, но не вышел из боевой стойки и не отпустил Друга Воронов. В груди и руках у него что-то пульсировало – он понимал, что должен дрожать, но не дрожал, и причудливое ощущение пугало его сильнее, потому что он не знал, куда это его заведет. Мир вокруг изменился, даже птичьи песни звучали тише, словно их заглушало присутствие этого... существа. Взгляд Рингила метнулся к лежащему на камне Эрилу: черты лица наемника смягчились, он спал и, по-видимому, не должен был проснуться, пока незнакомец не уйдет.

«Что ж...»

Он вынудил себя снова взглянуть на прибывшего – с усилием, словно сгибал железную кочергу. Глаза под шляпой смотрели холодно, с любопытством. «Морской капитан» чего-то ждал.

– Ты опоздал, – жестко сказал Рингил.

Плотно сжатые в улыбке губы чуть расслабились, показались зубы.

– Ты меня ждал?

Рингил покачал головой, и этот крошечный жест будто помог ему восстановить самоконтроль. Он призвал жуткое и бесстрастное, как пропасть, спокойствие откуда-то из известняковых глубин собственной сути и воспоминаний о Ситлоу.

– Не я. Один человек, которого я встретил этой ночью, – пацан с болот по имени Джерин. Он просил тебя о помощи у реки. Перед смертью он сказал мне, что просил Соленого Владыку о заступничестве. Точнее, умолял, судя по тому, в каком он был состоянии. Так в чем дело, Соленый Владыка, у тебя со слухом плоховато? Или нам нужно громче выкрикивать свои молитвы?

Существо глядело на него внимательно и слегка изумленно, как на фигляра с трелейнского рынка Стров, чье представление оказалось чуть менее надоедливым, чем обычно.

– Неужели тебя и впрямь расстроили оставшиеся без ответа молитвы этого мальчишки, Рингил Эскиат? Или дело в другом мальчике и молитвах, прозвучавших давным-давно?

Рингил так сжал рукоять Друга Воронов, что побелели костяшки.

– По-твоему, я расстроен? Когда я расстроюсь, Соленый Владыка, ты об этом узнаешь.

– Я должен воспринимать это как угрозу?

– Как хочешь, так и воспринимай.

Одной из составляющих странного гула в его руках, груди и крови точно был страх, надвигающийся призрачный ужас перед сущностью, что стояла в полудюжине ярдов. Но Рингил был хорошо знаком со страхом и теперь, кроме этого чувства, ощущал и другие, столь же темные, от которых в жилах пела кровь – он их приветствовал, к ним привык. И хотя ему еще не доводилось встречаться лицом к лицу с кем-то из Темного Двора – до недавнего времени не верил, что этот самый Двор существует, – он повидал вещи, которые другому вывернули бы душу наизнанку, а его душа не очень-то пострадала.

Он вдохнул сосновый аромат, источаемый лесом, задержал дыхание и выдохнул, словно дым от хорошо свернутого кринового косяка. Уставился на Даковаша, Соленого Владыку, широко распахнутыми глазами и не отвел взгляд.

Воцарилась такая тишина, словно мир еще не родился.

Рингилу показалось, что на мгновение уголок рта под нависающими полями шляпы чуть изогнулся. Проблеск угрюмого изумления мелькнул и пропал – и было еще какое-то чувство, которому он не смог подобрать названия. Последовавший за этим вздох прозвучал – для его вышколенных Луговинами ушей – слегка фальшиво.

– Ты действительно считаешь, что это подходящий способ разговаривать с клановым божеством?

Рингил пожал плечами.

– Если ты желал почитания, следовало явиться, пока проситель не умер.

– А тебе не приходило в голову, что я мог услышать молитвы Джерина Ловкие Пальчики, услышать их отголоски задолго до того, как они прозвучали, вообще до его рождения, и послать кое-кого на помощь?

– Я там был. Если ты и послал кого-то, он не пришел вовремя.

– Ну вот, сам сказал: там был *ты*.

Рингил сузил глаза.

– И какого хера это значит?

Существо пожало плечами, словно передразнивая его.

– Как хочешь, так и понимай.

Слова надолго зависли в пространстве между ними, где остались лишь гранит и тьма. Наконец Рингил наклонился и аккуратно положил Друга Воронов на камень рядом с собой. Выпрямился и почувствовал, как по телу пробежал озноб. Скрестил руки на груди.

– Чего тебе надо, Соленый Владыка?

– Ах. Все-таки это была просчитанная наглость. Нет никакого риска в неуважении к Темному Двору, если тот в тебе нуждается, да?

Рингил продолжал пристально глядеть на существо в плаще и шляпе, игнорируя бегущий по венам холодок.

– Нет смысла уважать повелителя демонов, который не является, когда его зовут.

Кажется, в глазах Даковаша что-то блеснуло.

– Очень смешно, – внезапно раздался у самого уха интимный шепот, хотя существо не двинулось с места. – А что, если ты ошибаешься, малыш Гил Эскиат? Что, если ты не прав, и мы в тебе нуждаемся не так сильно, как ты думаешь? Что тогда? Вдруг я решу списать убытки, обидеться *и расплавить на хрен твои кости прямо сейчас, и ты при этом будешь еще жив?!*

Словно охваченный кошмаром, который не прекратился после пробуждения, Рингил почувствовал, как все начинается: жжение, пробирающееся по голеням и предплечьям, вдоль хребта прямиком в кишки, будто падающее в колодец ведро; первые проблески истинной боли, погребенные глубоко под кожей; мимолетное предвосхищение того, как все случится, как он будет метаться и дергаться в конвульсиях, орать без умолку, пожираемый пламенем изнутри...

– Ну что, теперь тебе лучше?

От внезапного натиска он падает на колени. Дыхание перехватывает, словно воздух наполнился едким дымом...

Его рывком переносит в другое место.

Нежный прохладный ветерок и тусклые серебристые сумерки, про которые чутье и смутные воспоминания подсказывают: они неподвластны Соленому Владыке. Рингил дышит тяжело, всхлипывая, но боли не чувствует. Он стоит на коленях в самом центре знакомого места – олдрейнского круга камней, окутанного туманом, и над ним высятся бесстрастные грубо обработанные монолиты, испещренные пятнами темного мха и трещинами, заросшие у основания.

На миг он чувствует, как что-то в его душе оживает от этого зрелища.

«Ситлоу...»

Но круг пуст. Все, что здесь произошло, давно закончилось. Даже если камни были свидетелями того, что он, кажется, вспоминает, сейчас им нечего сказать по этому поводу. Рингил поднимается из высокой травы, влажной от тумана, и ее шуршание прерывает тишину. Бриджи на коленях промокли от холодной росы. Он стоит, снова чувствуя болезненный комок в горле, но на этот раз никто ничего ему не сделал, кроме него самого.

Он запрокидывает голову, проверяя, не облегчит ли это боль, но ничего не помогает.

Высоко в темном небе висит умирающее, рябое солнце Ситлоу – «лунна», как он называл эту маленькую штуковину – и льет свой второсортный свет. Ключья рваных туч несутся с той стороны, которая могла оказаться западом, то и дело заслоняя тусклое светило, иногда пряча его почти целиком. Это ветер, думает он, быстрый ветер увлекает тучи за собой. Но внезапно появляется чувство, будто *лунна* с головокружительной скоростью мчится своим курсом, а небо неподвижно.

На мгновение он теряет равновесие и едва не падает.

«Ситлоу!»

После Эннишмина он возвращался в Серые Края – в олдрейнский мир, куда впервые попал вместе с Ситлоу, – гораздо чаще, чем готов признаться себе. Он знал, что там можно встретить мертвецов и других, менее достоверных призраков – отголоски тех, кто мог бы жить, тех, кем они могли бы стать, случись все... иначе. И поэтому – словно принявшись расшатывать поврежденный зуб в десне страха – он отправился на поиски. Иногда обкурившись кринзанца и сходя с ума от невнятной скорби, которую уже не мог сдерживать; иногда беспрельдно трезвый и собранный, ощущая холодную ясность ума, которая пугала сильнее безумия. Он отправился на поиски мертвых, и они стали приходить к нему толпами, как в прошлый раз. Они рассказывали ему о своей жизни, представляли свои альтернативы, и выходило так, что он – ну, конечно! – запутался, никто из них не умер, это чушь, они живые, как и он сам. И разве он не понимает, что...

С мертвецами бессмысленно спорить. Он рано этому научился. Если с ними спорить, они сердятся, творят вихри гнева и отрицания, тревожащие саму ткань реальности Серых Краев; если проявить неосторожность, они утащат тебя за собой и повредят тонкие механизмы рассудка, что позволяют крепкой хваткой держаться за собственную версию мира и отличать реальное от нереального. Лучше позволить им идти своим путем, а самому – держаться своего. Чтобы с этим справиться, нужно особое состояние ума – что-то вроде слегка туманной и бездумной похмельной уверенности наутро после ночи, полной кринзанца и дешевого вина. Нужно принимать все как есть и двигаться дальше.

Продолжать поиски.

Он так и не нашел Ситлоу. Он не знает почему и понятия не имеет, что мог бы сделать или сказать, случись все иначе. Они ведь расстались не на хорошей ноте, как ни крути...

Но поиск – навязчивая идея, глубокая, настойчивая тяга, в которой смысла не больше, чем в соленых течениях вблизи от мыса в Ланатрее, где расположена летняя резиденция его матери. Мальчишкой он не раз заплывал слишком далеко и попадал в неумолимую хватку потока. Не раз видел, как берег превращается в узенькую линию, прорисованную углем на горизонте, и спрашивал себя, сумеет ли вернуться на сушу живым.

Однажды, после смерти Джелима, он позволил уходящей от берега волне забрать себя, наплевав на то, что может случиться потом.

Потом, насколько он мог припомнить, вода понесла его наверх, невзирая на все попытки утонуть, словно чьи-то влажные мускулистые руки подталкивали его шею, грудь и бедра; и каким-то образом к закату, когда над зыбью сгущалась темнота, он обнаружил, что берег снова потихоньку приближается. Будто океан от него отказался. Течение выплюнуло его за несколько миль от пляжей. Он проковылял через полосу прибоя, полумертвый от усталости, а волны жестоко толкали сзади – это было похоже на удары отцовской ладони, заглубившей от рукояти меча.

– Да, и я сомневаюсь, что ты когда-нибудь задумывался о том, чьи это были руки, верно? – язвительно спрашивают у самого уха.

Рингил неистово вертится на месте, но видит лишь скользнувшую между двумя стоячими камнями тень в плаще, которая исчезает быстрее, чем он успевает сосредоточить на ней взгляд.

Но голос никуда не девается:

– Ты и впрямь никогда не задавался вопросом, что не позволило тебе утонуть?

Холод обволакивает шею сзади, незаметный и хваткий. Рингил ощущает влажное прикосновение перепончатых пальцев, которые стойко толкают его наверх.

Он вздрагивает от прикосновения. Страхивает его. Не может вспомнить, настоящее это воспоминание или Даковаш вернулся в прошлое и поместил его туда.

– Ну да, конечно. Я все это выдумываю. *Мерроигай там не было, ты доплыл до берега сам, ты же у нас ого-го какой пловец.* – Голос Соленого Владыки крадется позади камней, не совсем в ногу с мелькающей тенью фигуры. И в ней, и в голосе ощущается сердитое беспокойство, как в мерцании и потрескивании масляной лампы, которая вот-вот погаснет. – *Ебанные смертные. Знаешь, это... меня уже тошнит от этого дерьма. Где уважение? Где благоговейный трепет? Я думал, уж ты-то, Рингил Эскиат, не такой, как все...*

Долгая пауза. Фигура замирает между двумя монолитами, обратившись к Рингилу и прижимая к груди бледную руку. Лицо под шляпой скрыто во тьме, лишь блестят зубы и глаза, как у волка. Вновь раздается скрежещущий голос:

– *Посмотри на меня, Эскиат, мать твою, посмотри. Если с уважением не срослось, почему бы тебе не вспомнить об инстинкте самосохранения? Я один из лордов Темного Двора. Я, мать твою, повелитель демонов. Ты хоть представляешь, что я делал с плотью и душами людей в тысячу раз могущественнее, чем мог бы стать ты, лишь потому, что они огрызались так, как это делаешь ты, словно у тебя есть на то сраное право? Посмотри на меня. Я Даковаш. Я украл – когда был молод, когда весь этот драный мир был молод, – я украл огонь у Высших Богов и выковал из него новое оружие против них. Я командовал ангелами в бою, вызвал из тьмы демонов с крыльями летучих мышей, чтобы свергнуть старый порядок. Я пересек пустоту, словно песенку спел, чтобы этот старый порядок наконец рухнул. Я сломил ублюдков в битве над изгибом мира, когда никто другой не смог – и не захотел – этого делать. И ты вознамерился меня осуждать?! Из-за пятнадцатилетнего болотного отродья, которому не хватило духу поднять меч и защитить свою сраную жизнь? А что я должен был сделать? Научить его драться?! – Соленый Владыка вскидывает руку и скрюченными пальцами рубит тьму в пароксизме раздраженного недоверия. Где-то позади него, в Серых Краях, грохочет гром. – Что? Найти какой-нибудь гребаный монастырь где-нибудь на горе, заплатить за его питание и жилье в течение десятилетия среди добрых монахов-воинов – и все ради того, чтобы он вошел в силу, исполнил свое предназначение и стал Избранным? Не мели ерунды, Эскиат. Ты правда думаешь, что все устроено так?*

– *Я не знаю, как оно устроено, – невыразительным голосом отвечает Рингил. – Это ведь ты здесь повелитель демонов.*

Рука Соленого Владыки падает.

– *Тогда поразмысли на эту тему, почему бы и нет? примени свой безупречно вышколенный ум ко всем бредовым легендам о «герое с великой судьбой», которые вы, люди, обожаете друг другу рассказывать. Ты действительно думаешь, что в этом мире, на этом шарике из грязи, похожем на скотобойню, где войны и лишения повергают народы и государства в бесчеловечную жестокость и невежество, где власть имущие обучают сыновей науке смертоубийства, а дочерей обрекают на воспроизводство, пока утроба не треснет – ты правда думаешь, что богам такого мира нечем заняться, кроме как тратить долгие годы на подготовку какого-нибудь выбранного наугад худородного придурка, чтобы потом вершить его руками свои грязные делишки?*

– *Я...* – Рингил подавляет внезапный порыв оглушительной дерзости, вспыхнувший внутри как пожар, – *...понятия не имел, что время – столь драгоценный товар среди членов Бессмертного Дозора.*

Тишина пульсирует среди камней, окутанных мхом и туманом. Потом Даковаш хмыкает, будто вспоминая о чем-то неприятном.

– Мало кто теперь нас так называет.

Рингил пожимает плечами.

– Мало кто умеет читать. И мало кого волнуют события за пределами тех, что помещаются в его куцую избирательную память.

Кажется, в ответ на это тень улыбается.

– В твоих словах я слышу горечь, герой. Неужели?.. Рингил нервно взмахивает рукой, борясь с вновь подступившим холодом в костях.

– *Но ведь не я жалуюсь на отсутствие благоговейного трепета, верно? А также на нехватку времени для воплощения моих бессмертных замыслов.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.